М. Баранова и Е. Велтистов

ТЯПА, БОРЬКА И РАКЕТА

Издательство „Детская литература“

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Кажется, это было совсем недавно — всего несколько лет назад. И все же, как давно все это произошло: еще до полета Юрия Гагарина.

Они летали в космос до человека — собаки, которых знает и помнит весь мир. Необычная история одной из них — маленькой дворняжки, по кличке Отважная, — легла в основу этой книги. Много приключений пришлось пережить Отважной, прежде чем она заслужила почетное имя.

Такие обыкновенные и храбрые собаки, как Отважная, помогли врачам составить «космический» паспорт для полета вокруг Земли летчикам-космонавтам. Они вывели человека в необъятный океан Вселенной, манящей далекими маяками звезд.

Смелым разведчикам космоса посвящается повесть.

- Марта Петровна Баранова
  -
  - Происшествия на премьере
  - Взрыв на пустыре
  - Не вернулась
  - На собачьей выставке
  - Кусачка
  - Космический врач
  - Не бояться, ничего не бояться!
  - Итак мы начинаем…
  - Новые неприятности
  - Самочувствие? Хорошее!
  - Неудачная поездка
  - Здесь жила Лайка
  - Добрый карандаш
  - Хлорелла
  - Пушка или ракета?
  - Три… две… старт!
  - Причуды славы
  - Она или не она?
  - Полет на Луну и вокруг нее
    -
    -
    - Говорит спутник
    - Борька дает интервью
    - Ключи от космоса

Марта Петровна Баранова
Евгений Серафимович Велтистов

Тяпа, Борька и ракета

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

М. БАРАНОВА, Е. ВЕЛТИСТОВ

ТЯПА, БОРЬКА И РАКЕТА

Повесть
о бродячих собаках,
которые стали знаменитыми

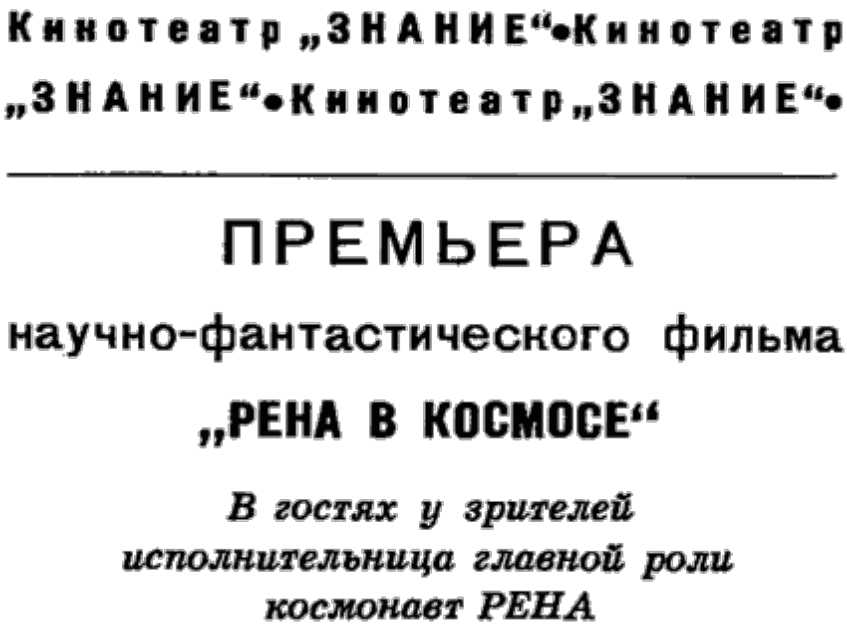
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» МОСКВА 1965

Рисунки Е. Мигунова

На стр. 151–154 рисунки К. Ротова

Происшествия на премьере

По городу были расклеены афиши:



У кассирши кинотеатра «Знание» с утра разболелась голова. То и дело в круглое окошко просовывался крепко сжатый кулак и высыпалась горсть монет. Владельцы монет вытягивали шею и приподнимались на носках, чтобы заглянуть в кассу. Они терпеливо ждали, когда подсчитают их сбережения и отрежут ножницами голубой билет. Спустя час кассирша облегченно вздохнула и вывесила табличку «Билеты проданы».

Зрительный зал был полон и гудел в ожидании. Вошла группа людей и направилась к сцене. Перед экраном стоял стол. За него и уселись гости. Оператор, бросив быстрый взгляд в зал, шепнул своему приятелю режиссеру:

— Поздравляю, ни одного пустого кресла!

— Но заметьте, какая публика: пенсионеры и дети, — прогудел режиссер. — Самый придирчивый народ!

Зрители захлопали, и директор театра, в черном костюме с белым уголком платочка в кармашке пиджака, стал представлять

авторов фильма.

Поднялся режиссер. Он помолчал с минуту. Стало очень тихо.

— Товарищи, — сказал негромко режиссер. — В важные минуты своей жизни я вспоминаю, как много лет назад на Красной Пресне стоял я в строю и смотрел на флаг. Флаг был красный, и на моей груди был красный галстук: меня только что приняли в пионеры. И потом много раз я думал: как хорошо, что моя жизнь началась под этим флагом!

Сегодня обычный воскресный день. Но мне кажется, что над нами, над всей нашей страной вьется радостный флаг. Это флаг нового времени, покорения человеком космоса! Его подняли первые советские спутники Земли. Его несет сегодня третий спутник. Кто знает, может быть, он, этот космический снаряд весом с автомашину «Волга», пролетает сейчас прямо над нами, над этим кинотеатром…

Все представили, как за стеной по улице мчались зеленые, желтые, голубые «Волги», а где-то в вышине легко обгоняла их невидимая в дневном свете космическая машина.

А режиссер говорил уже о мечте, о смелых звездных мечтателях-фантастах и ученых которые провели человека по неведомым небесным дорогам.

— Наш фильм тоже мечта, — продолжал режиссер. — И мне сегодня немножко грустно, потому что он проживет недолго. Скоро, очень скоро человек полетит в космос и с ним случатся неожиданные, удивительные приключения… Но я буду очень рад, если вы хоть однажды вспомните фильм «Рена в космосе». Значит, наша работа была не напрасна…

Откланявшись на аплодисменты, режиссер пошептался с соседкой и подал ей со стула небольшой саквояж.

— А теперь, — объявил режиссер, — артистка цирка Софья Лэп представит исполнительницу главной роли — космонавта Рену.

Золотоволосая женщина в сверкающем блестками черном платье вышла на край сцены, держа руки за спиной.

— Алле! Гоп! — звонко скомандовала артистка.

И на ее плечо из-за спины прыгнула маленькая обезьянка в лётном костюме.

Вот как! Объявленный в афишах космонавт, которого все так ждали, оказывается, сидел в саквояже!

Волна восторга прокатилась по залу. Воодушевленная приветствиями, Рена сорвала с морды очки, бросила их на пол и стала кривляться, показывая, что она самая обезьянистая из всех обезьян — мартышка.

Зрители выражали свое одобрение визгом, вскакивали с мест и подбегали к сцене, чтобы поближе рассмотреть веселого актера. А из последних рядов выбежала девочка с белыми бантами и букетом красных георгинов. Она поднялась на сцену и протянула цветы дрессировщице.

— От имени нашего пионерского отряда, — быстро проговорила девочка и осторожно погладила голову Рены.

В тот же миг сидящие за столом увидели, как глаза девочки расширились от страха: обезьяна прыгнула на девочку и вцепилась ей в волосы. Устроившись на чужом плече, она поглядела по сторонам и оскалила в усмешке зубы.

Кто-то в публике хихикнул и смолк. У людей на сцене были обеспокоенные лица. Рена могла укусить девочку!

Так было не раз во время съемок. Вздорная обезьяна налетала на кого-нибудь, больно кусала нос или щеку, а уже в следующее мгновение раскачивалась на дереве и строила гримасы.

Оператор и режиссер не шевелились, они боялись разозлить мартышку.

— Рена, сейчас же отпусти! — раздался тихий, спокойный голос Софьи Лэп. — Отпусти, Рена! Ну, пожалуйста…

Рена, невинно моргая, смотрела на дрессировщицу. Потом зевнула, медленно разжала лапы, почесалась. Дрессировщица крепко схватила мартышку. А девочка, стуча каблуками, сбежала со сцены. Волосы ее были всклокочены, белые банты помяты.

Киногруппа облегченно вздохнула.

— Дорогие друзья! — бодро сказал директор. — Сегодня у нас премьера. Вы первые зрители фильма, над которым целый год работали наши уважаемые гости. Сейчас погаснет свет, и вы узнаете в смелом пассажире ракеты вот эту самую обезьянку. И, я

надеюсь, великодушно простите озорницу Рену!

Едва он произнес это имя, как дрессированная мартышка выхватила из директорского кармана платок и, помахав им, послала зрителям воздушный поцелуй.

Под общий смех гости сошли со сцены.

Погас свет. Набегающими волнами полилась непривычно звенящая музыка. В темноте зажглись звезды. Они были неподвижны. Лишь крохотная светящаяся точка стремительным полетом нарушала спокойствие Вселенной: на Землю спешно возвращалась ракета. Но еще быстрее достигли Земли сигналы бедствия. Экипаж корабля сообщал, что он попал в ливень опасных лучей.

Тревожно начинался фильм. Казалось, сама космическая тишина спустилась в зал. На стартовых площадках застыли остроносые ракеты. Опустели вокзалы межпланетных сообщений. В ожидании, когда ученые разгадают тайну лучей и найдут защиту от них, тосковали, как при вынужденной посадке, звездолетчики.

Но вот во весь экран улыбается знакомая мордочка. Рена! Вот кто полетит в космос на разведку. Обученная обезьяна по сигналу с Земли будет нажимать на рычаги аппаратов, сообщая ученым о своем самочувствии.

И все-таки страшно. Даже за обезьяну.

Одетую в защитный костюм Рену сажают в кабину и пристегивают ремнями к креслу. Рена вертит головой, скалит за стеклом шлема зубы и открывает рот. Может быть, она хочет что-то сказать на прощание?

«Гав! — прозвучало на весь зрительный зал. И опять: — Гав! Гав!»

Звукооператор не мог ничего понять: что такое, откуда этот лай? Никакой собаки во время записи звука не было! Что за странные звуки?!

А лай, как назло, не кончался. Теперь было ясно, что он доносится не из репродукторов. Зрители шикали, вертелись и старались не пропустить мелькавшие кадры.

Кто-то бегал в темноте по проходу, тихо ругался:

— Ах, безобразники! Собаку притащили!

Зажегся свет, и все увидели нарушителей.

Между рядами с визгом катилась белая собачонка, за собачонкой гнался, приседая, контролер, за контролером бежал растерянный мальчишка, а за мальчишкой быстро шагал директор.

Запутавшись в лабиринте кресел, собака на мгновение остановилась. Ее тут же схватили четыре руки. Контролер тянул нарушительницу к себе, мальчишка сопротивлялся.

— Что это такое? — прогремел подоспевший директор.

— Это… Это Тяпа, — не отпуская собаку, сказал мальчишка. — Я хотел…

— Я не знаю, что ты хотел. Я требую, чтобы ты сейчас же покинул зал! — И директор указал на дверь.

Контролер, взглянув на красное лицо начальника, выпустил

собаку. Мальчишка проворно схватил ее, распахнул пальто и, прижав затихший белый клубок к груди, поплелся к выходу.

— Эх ты, тяпа-растяпа! — бросил ему кто-то в спину.

Директор устало опустился в кресло и вытер платком лоб.

Премьера продолжалась.

Взрыв на пустыре

В тот же день, вечером, жителей соседнего с кинотеатром шестиэтажного дома взволновал неожиданный взрыв.

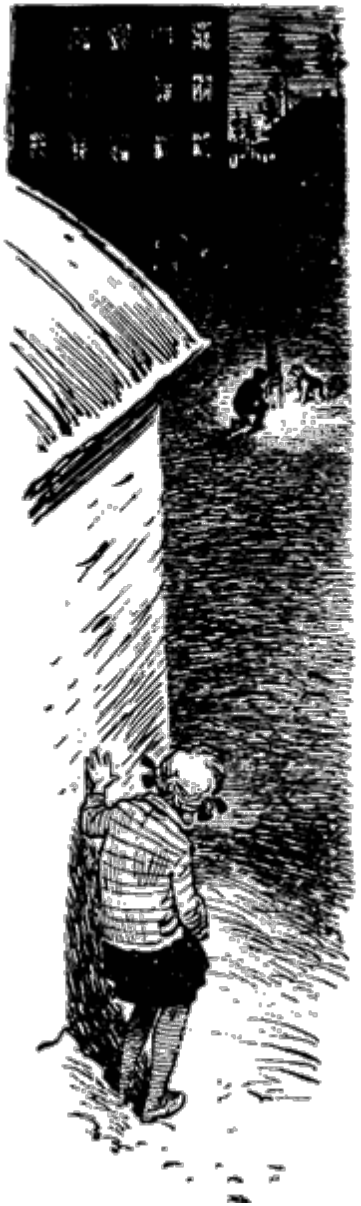
Этот дом занимал особое место в городе: он был пограничным. С одной его стороны была красивая улица, которая родилась совсем недавно, но уже украсилась тоненькими упругими деревцами, сверкала вывесками магазинов и ателье. За широкой серой спиной дома открывалось просторное поле, откуда дули вольные ветры с запахом полыни. У самого края поля вырос городок из железных гаражей, а на дальнем конце начинался лес, стояла маленькая деревенька. К деревеньке со всех сторон подступали высокие строительные краны.

Пустырь вскоре должен был исчезнуть, а пока здесь хозяйничали ребята.

И в этот воскресный сентябрьский вечер за гаражами копошились мальчишки. Их было двое. Мальчишки были уверены, что стоявший к ним спиной дом с огнями и музыкой в окнах существует сам по себе, а они — сами по себе.

Но они ошибались.

Жила в доме девчонка очень любопытная, Любка Казакова. Большие серые глаза Любки всегда широко раскрыты, словно она заранее удивляется какому-то событию. Любка всегда первой поспевает к месту происшествия. И в тот самый вечер, когда произошел злополучный взрыв, всезнающая Любка выглядывала из-за гаража и пялила глаза в темноту. Сердце ее часто-часто билось от предчувствия надвигающихся событий.



Там, в темноте, двое — кто это, она никак не могла рассмотреть — возились у странного сооружения, очертаниями похожего на трубу. Труба, судя по скрежету, была металлическая, но что самое важное — никакой трубы на этом месте раньше не стояло. Уж Любка-то знала свой пустырь.

Чуткие Любкины уши установили еще одну подробность: повизгивание. Звуки были приглушенные, едва слышные. Откуда они доносились? Уж не из трубы ли?

Любка решила подобраться поближе к таинственному

сооружению. Она тихонько вышла из-за угла и тут же попятилась: в темноте вспыхнула спичка, потом двое бросились бежать в ее сторону.

Топот приближался. Разведчица поняла, что самое верное сейчас — исчезнуть. Она шмыгнула в проход между гаражами, выскочила на дорогу и чуть не налетела на ехавшую навстречу «Волгу». Шофер, предупреждая, включил на мгновение фары. Свет ударил девочке в глаза, она зажмурилась, прижалась к холодной стене.

В ту же секунду раздался оглушительный взрыв — из-за гаражей с грозным свистом вырвался в небо какой-то снаряд. Его огненный шипящий хвост осветил пустырь, восхищенных мальчишек, задравших вверх голову, испуганную девочку и широкоплечего мужчину в шляпе, выскочившего из «Волги». Осветил и померк. Снаряд перестал шипеть и упал на землю.

— Геннадий, ты?! — изумленно воскликнул мужчина, заметив мальчишек.

Но ребята уже мчались к трубе. Из нее неслась пронзительный собачий визг.

— Тяпа, сейчас, — успокаивал невидимый в темноте владелец собаки, — потерпи немного, я тебя вытащу!

Как ни старались они высвободить из горячей трубы собаку, ничего не получалось. Обожженная пленница скулила еще тоскливее.

Между тем «Волга» подъехала к месту печального финиша. Отец Генки отогнал ребят от трубы, пригрозив скорой расплатой. Он схватил горячую ракету и, бранясь, бросил ее в машину. «Волга» резко тронулась с места и покатила, набирая скорость, по дороге к лесу.

С улицы раздался свисток: это разбуженный дворник вызывал милиционера. Мальчишки на мгновение застыли, переглянулись и исчезли в темноте…

Почти все в шестиэтажном доме слышали гром на пустыре и заметили вспышку взрыва. Догадывались, что это дело рук изобретателей из сороковой и сорок первой квартир, которые не раз пугали жителей запусками самодельных ракет. Кое-кто даже оправдывал озорников, находя у них технические способности. Но большинство жильцов было против таких неожиданных фокусов и поддерживало домоуправа, который грозил оштрафовать нарушителей.

Про себя домоуправ сожалел, что у него нет улик: кроме обгоревшей травы и кустов, на месте преступления они с дворником и милиционером ничего не нашли.

«Неужели разбойники взаправду запустили ракету? —

недоумевал домоуправ. — А что, если она свалится кому-нибудь на голову? Непорядок… И свидетелей нет…»

А свидетель — Любка — никому ничего не сказала.

Не вернулась

Во втором подъезде уже привыкли к тому, что каждое утро на пятом этаже распахивается дверь сорок первой квартиры и на площадку выскакивают лохматая собачонка и белобрысый мальчишка в красной майке. Они дружно скатываются по

лестнице, и тот, кто слышит радостный лай, отмечает про себя, что сейчас половина восьмого. Когда же рабочие люди спускаются на лифте вниз, мальчик и собака легко взбегают на свой этаж. Обычно им навстречу из сороковой квартиры на той же площадке выходит заспанный мальчик в полосатой пижаме и, зевая, произносит: «Гуд монинг! Сколько кругов? Пять? Поздравляю!» И, заставив собаку сделать стойку, сосед в пижаме уходит.

В понедельник никто не слышал собачьего лая, хотя из сорок первой квартиры ровно в половине восьмого, как всегда, показался Борька Смелов в красной майке. Мягко ступая в тапочках, он спустился неслышно вниз, начал пробежку вокруг дома. Сделав несколько кругов, спортсмен выскочил на пустырь и перешел к гимнастике.

Ярослав Иванович Смелов допивал перед утренней сменой последнюю чашку чая, а спортсмен в красной майке на пустыре все махал руками, приседал да подпрыгивал.

— Да что в самом деле с Борисом? Или он в школу хочет

опоздать? — Ярослав Иванович взглянул на карманные часы. — И Тяпы с вечера что-то не видно. Ты, мать, спроси-ка у Бориса про собаку.

Смелов взял с вешалки кепку и пошел на завод.

Дождавшись, когда знакомая фигура скроется за углом, Борька побежал домой. Никто не выглянул из сороковой квартиры, где жил его друг Гена Каратов. И за этой дверью утро начиналось не совсем обычно.

Журналист Анатолий Евгеньевич Каратов не торопился в редакцию и был намерен серьезно поговорить с сыном. Он ходил по комнате, заложив руки за спину, а сын, причесанный и умытый, сидел за столом и завтракал.

— Когда прекратятся эти безобразия? — вопрошал сердито Анатолий Евгеньевич. — Сначала был просто взрыв, потом шумный запуск консервных банок и, наконец, эта ужасная труба с несчастной собакой. В конце концов мне надоело платить штрафы!

— Все великие ученые чем-нибудь жертвовали, — спокойно возразил сын.

— Во-первых, ты не великий, во-вторых, если уж зашел разговор о жертвах, — Анатолий Евгеньевич остановился посреди комнаты и испытующе посмотрел на сына, — то я хотел бы знать: чем ты начинил трубу?

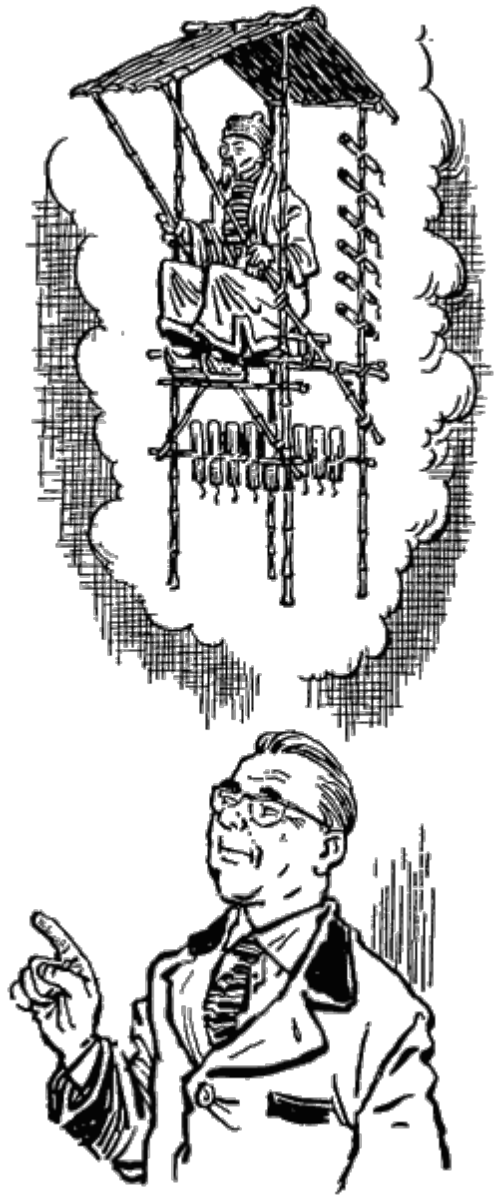
Гена поежился:

— Ну, кинолентой… Ну, двести коробков спичек было. И еще кое-что. Ты же сам знаешь: изобретатели не выдают секрет топлива.

— Хорошо, у тебя — секрет. А известно тебе, что твой секрет давно использован? И самым печальным образом. Ты слышал, как взлетел китайский мандарин на ракете?

— Китайский мандарин? На ракете?

— Представь себе, был такой мандарин в Китае — Ван Ху. Кстати, он очень похож на тебя. Он тоже хотел подняться в небо с помощью фейерверочных ракет. Мандарин сделал сиденье, прикрепил к нему двух огромных змеев-драконов, чтобы они держали его в воздухе, и начинил свой летательный аппарат ракетами.



Гена даже подпрыгнул на стуле от восхищения:

— Вот здóрово!

— Подожди радоваться. У этой истории грустный конец. Ван Ху думал, что ракеты будут загораться по очереди, а они взорвались одновременно, все сорок семь! И Ван Ху погиб. Вот тебе и секрет.

— И все-таки он был смелым человеком! Да, папа?

— Ну, знаешь ли, дорогой мой! — Анатолий Евгеньевич развел руками. — С тобой бесполезно вести разговоры.

Отныне, — сказал он решительно, — химическая лаборатория в ванной ликвидируется! Книги о ракетах будут на замке! И вообще вводится строжайший режим. Кстати, дай-ка мне твой дневник… Вот видишь, опять двойка по физкультуре! Спрашивается: почему? Почему твой товарищ из сорок первой квартиры каждое утро занимается зарядкой, а ты лежишь под одеялом? Почему твой товарищ упругий, как канат, а ты, ты, как веревка?

— Главное в человеке — мысль! — убежденно ответил Гена и отодвинул тарелку.

— Прекрасно, прекрасно сказано… А не ты ли подал тому же приятелю мысль принести в кинотеатр собаку и сорвать сеанс?

— Папа, но ведь необходимо познакомить подопытное животное с условиями космоса. Никто не знал, что будет авария. Бедная Тяпа, она, наверно, обожглась!

— Конечно, невинная собака пострадала. Но я не успел рассмотреть как следует. Она убежала, едва я ее выпустил. Теперь она уже дома.

— Нет, она не вернулась. А где ты ее выпустил?

— Ты хочешь узнать, где осталась ракета? — Старший Каратов прищурился. — Эта хитрость, Геннадий Анатольевич, не пройдет. И потом, тебе пора в школу.

Борька и Гена примчались в школу со звонком. Из всех многочисленных ответственных за Великий Порядок и Чистоту в ушах, тетрадях и дневниках 6 «А» класса проявила свою прыть только санитарка Любка Казакова: она так внимательно разглядывала их руки, словно на них были написаны иероглифы. Остальные ответственные уже сидели за партами, и староста класса Левка Померанчик грозил опоздавшим кулаком.

Преподавательница литературы не стала проверять заданного стихотворения «Осень» (вчерашние испытатели облегченно вздохнули), а велела достать тетради и взяться за сочинение на тему «Что я читал о дружбе».

О дружбе каждый мог сказать очень много. На бумагу хлынула пестрая вереница знакомых образов. По голубым линейкам в своей крылатой бурке пронесся Чапаев, за ним комиссар Клычков и преданный адъютант Петька. Бесстрашно глядя в лицо врагу, сплотились вокруг знамени молодогвардейцы. Провожали белеющий в море парус внук рыбака и гимназист. И даже проскакал по одному листку, оставляя фиолетовые кляксы, Иванушка-дурачок на верном Коньке-горбунке.

А учительница, медленно прохаживаясь вдоль рядов, думала о своем классе. О том, какими неразлучными бывают совсем

разные по характеру ребята, например вот эти на задней парте. Один водит пером легко, посмеиваясь, успевает между делом повертеться и толкнуть соседа. Другой пишет внимательно, сдвинув брови, явно переживая каждое слово.

«Гена Каратов способный мальчик, — думала учительница. — Ребята зовут его изобретателем, и математик очень хвалит. Он даже прощает ему все кривляния и внезапные приступы глухоты, подозревая, что делается это в подражание Циолковскому».

А вот ей больше нравится молчаливый Борис Смелов. Хотя он часто и подчиняется самоуверенному товарищу, за его сдержанностью угадывается сильная и пылкая натура. Упругий и ловкий, он тоже не прочь побаловаться, но не хитрит и не прячется за спины товарищей.

Учительница хорошо знала Гену и Бориса, но все же удивилась, прочитав их сочинения. Каратов подробно описывал дружбу Гекльберри Финна и Тома Сойера и восхищался их самостоятельностью: «Домашняя опека угнетала Тома. Зато когда

Том убегал от тетки на свободу, у него и у друга Гека начинались настоящие веселые приключения. Я уверен, что Гекльберри Финн и Том Сойер стали знаменитыми людьми, путешественниками или инженерами. Если, конечно, взрослые не помешали им, как они мешают некоторым». Кто эти «некоторые», в сочинении не было сказано.

А Борис Смелов из всей литературы выбрал трогательную дружбу дворника Герасима и собаки Муму. «Я бы не послушался барыню, не утопил бы собаку, — писал Борис. — И вообще собак надо беречь!» — закончил он неожиданно.

Учительница и не подозревала, что автор, выводя эти строки, представлял себе одинокую голодную собаку, которая металась в сыром осеннем лесу…

В этот лес на краю пустыря приятели прибежали прямо с портфелями. Они обшарили всю опушку и не нашли никаких следов ракеты.

На мгновение оба замерли: кто-то шевелился в канаве.

Бросились туда и от злости даже плюнули: тьфу ты, Любка!

Казакова сидела на корточках и легонько постукивала по обгоревшим бокам ракеты.

— Ты что, и сюда пришла руки проверять? — прошипел Гена и прыгнул вслед за Борькой в канаву.

— А ее тут нет! — спокойно сказала Любка и вылезла из траншеи, ухватившись за кусты. Хотя Любка не назвала Тяпу, Борька сразу понял, про кого она говорила.

Труба действительно была пуста. Но и такая, почерневшая, с вмятинами на боках, она интересовала Гену. Он уже сидел на дне канавы и прикидывал: нельзя ли трубу использовать еще раз? И тут заметил над своей головой Любкины желтые ботинки. Гена вскочил:

— Еще не скрылась? Проваливай-ка отсюда! А то — вот! — И он показал кулак.

— Так я тебя и испугалась! — сказала гордо Любка и тряхнула рожками косичек.

— А ну быстрей, быстрей! — скомандовал грозно Гена. (Любка попятилась.) — И смотри никому ни слова! — крикнул ей вслед Каратов.

А Борька бегал по лесу в поисках Тяпы. Он заглядывал в каждую ямку, храбрю лез в колючий ельник, окликал и прислушивался: вот Тяпа отзовется…

Под высокой рыжей сосной ему бросился в глаза белый комок. Обрадовался: устала, бедняжка, лежит, отдыхает. Подбежал и с досады ткнул ногой смятую, взъерошенную ветром газету.

Свистнул где-то паровоз, а ему чудится, что кто-то лает. Паровоз сигналил громче, Борька вздохнул: не она.

И прямо на Борьку выскочила из кустов большая серая собака. Не обращая на него внимания, схватила в зубы палку и бесшумно исчезла: видно, кто-то тренировал свою овчарку.

И во всем лесу больше никто не отозвался на мальчишеский голос. Даже большая собака промолчала. А паровоз уже умчался.

Когда Борька, исцарапанный и отчаявшийся, вернулся на опушку, он застал друга все в той же канаве с ржавой трубой в руках.

— Как? Ты еще здесь? Что ж ты не ищешь Тяпу? — возмутился Борис.

— «Тяпа, Тяпа»! — хрипло сказал Гена Каратов. — Тут вот отверстия засорились, из-за этого и ракета шлепнулась. А эта, — он кивнул в сторону ушедшей Любки, — раззвонит теперь. И как только она догадалась? Ну ничего. Главное — не отступать. Вот прочистим трубу и запустим опять. Теперь аварии наверняка не будет.

— Ты и раньше говорил, что не будет. А Тяпа пострадала. И совсем неизвестно, где она…

— У испытателя должен быть железный характер, — оборвал его Гена. — А ты все плачешь о какой-то дворняге.

— Ах, так! — вспыхнул Борька. — Ну и сиди, испытатель, в своей канаве! А я тебе больше не помощник и никто!

Он круто повернулся и пошел в лес.

— Портфель забыл! — крикнул из канавы Гена.

Борька не обернулся.

Пришлось Гене идти на поклон к Любке и уговаривать ее отнести портфель своему другу. Любка очень удивилась, увидев растерянным и смущенным гордого изобретателя. Она даже позабыла обидеться.

— Ладно уж, отнесу, — сказала она понимающе. — Только чур — запускать будем вместе.

Гена молча кивнул.

Портфель Любка принесла вечером. Когда она позвонила, вся семья Смеловых бросилась открывать дверь: ждали Тяпу.

Но Тяпа так и не вернулась.

На собачьей выставке

Горько бывает человеку, когда он теряет сразу двух друзей. Каково, проходя мимо старого приятеля, делать равнодушный вид! А еще хуже мысль о том, что второго друга потерял по своей вине.

Знали бы вы, какой это был друг! Их первая встреча произошла на берегу петляющей за пионерским лагерем речки Волгуши. Борька пошел купаться и вернулся с мокрым, дрожащим щенком, завернутым в майку. Сам ли щенок упал в Волгушу или жестокий хозяин бросил его, это было неизвестно. За мягкие, как полотенце, уши и добродушие ребята назвали его Тяпой. Борька боялся, что отцу не понравится беспородный щенок, но Смелов-старший сказал, что дворняжка — самая человеческая собака.

Тяпа подросла, у нее чуть вытянулась морда: видно, кто-то из ее предков был шпиц. Уши заострились и встали, белая шерсть легла мягкими волнами. Красавица, да и только! Собака была очень деликатна: быстро поняла, что на кухне нельзя вертеться у хозяйки под ногами, нельзя приставать к Борьке, когда он сидит у зеленой лампы за книгами. Но, если ей что-то было нужно, она садилась рядом и пристально смотрела в лицо хозяина блестящими темно-карими глазами, добиваясь к себе внимания.

У нее была своя постель и своя чашка в этом доме. Она знала все семейные праздники. Когда почтальон приносил голубой конверт со штампом «Бесплатное солдатское», Тяпа прыгала, носилась с лаем по коридору, и ей не делали замечаний. Все собирались в большой комнате, и Ярослав Иванович, надев очки, читал вслух письмо старшего сына Сергея.

А воскресные дни! Тяпа узнавала их по одной ей ведомым приметам. У них был свой запах, свои звуки, свои привлекательные цвета.

Зимой это были хрустящие, звонкие дни, когда Борькины лыжи, разрывая снежное полотно, скользили навстречу холодному солнцу, а Тяпа забегала вперед и, захлебываясь от радостного визга, каталась в снегу до тех пор, пока лыжи не поравняются с ней. Тогда она вскакивала и бежала, подпрыгивая, рядом с лыжней, заглядывая в лицо хозяину.

Летом пыхтел паровоз или гудела электричка. И Тяпа тихонько лежала под лавкой в шумном вагоне, потом сбегала по дощатой лестнице пригородной станции и, наконец, вырвавшись на свободу, мчалась к еловому лесу, мохнатому и хмурому, как медведица. Здесь она носилась и лаяла, вспугивая белок и птиц, или шныряла в траве, отыскивая Борькин пропавший мяч.

И все понимали ее радость, всем было так же хорошо, свободно, весело.

А как часто на улице или возле школы белый визжащий

комок радостно бросался Борьке под ноги! По царапинам, укусам, по выдранному клоку шерсти не трудно было догадаться, какого мужества стоили эти путешествия по опасным улицам, ожидания в чужих подворотнях, где каждую минуту возможна встреча с огромными псами…

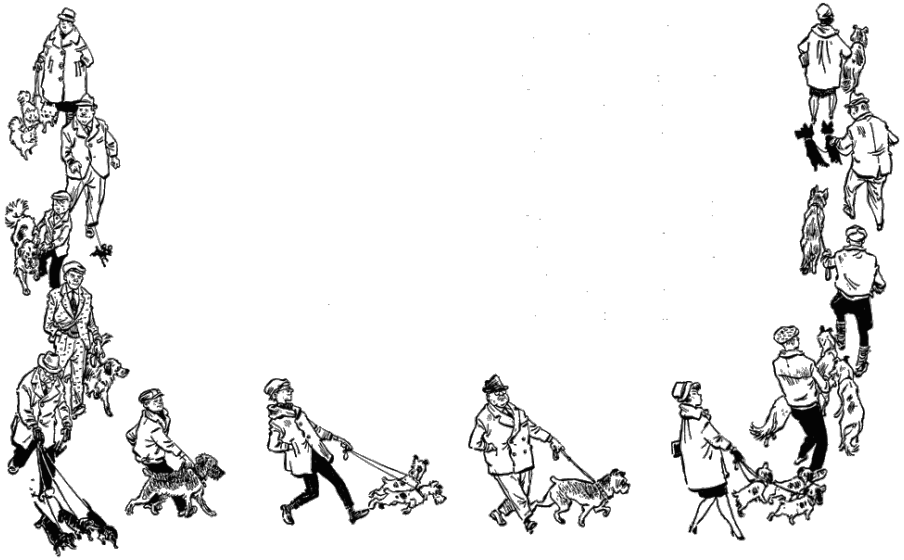
Эх, Борька, не пожалел ты Тяпу, а теперь бродишь один по улицам и не замечаешь, что пришла осень!

Солнце светит вовсю, листья хрустят под ногами, а воздух прохладный и пахнет арбузными корками. И не поймешь, что пестрее и ярче: то ли кроны деревьев, то ли фруктовые ларьки, то ли последние цветы на скверах.

Борьку интересовали на улицах одни собаки. Он сделал неожиданное для себя открытие. Все они — белые, темные, рыжие — шагали сегодня на поводках рядом с хозяевами в одном направлении — к парку за трамвайной линией. «Откуда их столько?» — гадал мальчик.

Мимо гордо прошел могучий дог, позванивая золотыми медалями чемпиона. Дога вела полная женщина с соломенной корзинкой — с такой ходят на базар. На почтительном расстоянии от них плелись зеваки, обсуждая каждый мускул четвероногого чуда. Борька так загляделся на дога, что не заметил, как вошел в парк и оказался на собачьей выставке.

Над просторным полем трепыхались бело-зеленые флаги с изображением глухаря и головы лося, над полем повис разноголосый лай. У Борьки разбежались глаза: каких собак тут только не было! Перед судьями, сидевшими за столиками, шагали по кругу на высоких ногах дугообразные русские борзые. Пусти такую в поле — и вытянется она стрелой, помчится, со свистом рассекая воздух, настигнет и зайца, и лисицу, и волка. «Собака-выстрел», — уважительно говорили про знаменитую русскую борзую болельщики и обсуждали родословную каждой из них вплоть до прапрадедушки и прапрабабушки.



Наверное, все болельщики были охотниками. Пока Борька толкался среди них, он стал знатоком собак. Лохматую и коротконогую, которая после борзых казалась как бы соскочившей с ходуль, звали спаниель. Уши у этой низкорослой испанки свисали до земли, а короткий хвост все время качался с неустанностью маятника.

Шли по кругу огненно-красные ирландские сеттеры и мускулистые, как спортсмены, пойнтеры. Трусили похожие на топорики фокстерьеры, чуткие и смелые собаки. И голые черные таксы, которых Борька считал до сих пор бездельниками и уродами, держались с гордым достоинством на кривых, но сильных ногах. Их хозяева представили в судейскую коллегию длинные списки трофеев — барсуков и лисиц, которых злые к зверю таксы вытаскивали прямо из нор или выгоняли под выстрел охотника.

Да, таксы удивили Борьку. А лайки расстроили. У него защемило сердце, когда он увидел белых, пушистых, веселых собак с острыми ушами и крендельками хвостов на спине. Уж очень напоминали лайки пропавшую Тяпу!

— Это всё мелочь, — прервал размышления мальчика старик в старомодном выгоревшем картузе. — Вот в охотничьем павильоне топтыгин стоит — это да! Хочешь, покажу? — И старик потащил Борьку в павильон охотничьего снаряжения.

Там висели на стенах двустволки и длинные ножи, на столах стояли резиновые сапоги, капканы, сумки для дичи, а у входа высилось чучело большого черно-бурого медведя. Вот таким косматым и страшным вылезал он из берлоги на охотника,

державшего палец на спусковом крючке.

— Два метра ровно! — объявил с гордостью старик, помахивая клеенчатым сантиметром. — А когти — шесть сантиметров! Размеры! Не то что какая-то собачья мелюзга.

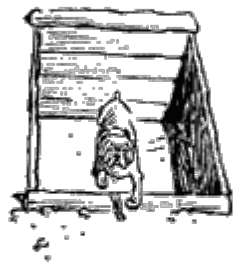
— Но ведь этого медведя поймали собаки, — сказал Борька.

— Медведя убил охотник! — наставительно произнес старик.

— Вот и в табличке написано, — продолжал защищать собачью честь Борька. — «Медведь убит охотником Московского общества Стрельниковым с помощью лаек Звонкой и Дружной под Новгородом».

— Ну, коли написано, то твоя правда, — сдался старик. — Однако ты не тех собак глядел. Вот сторожевые собаки — достойные гла́за размеры.

В секторе сторожевых собак любителю исключительного не пришлось воспользоваться сантиметром. Здесь все было в движении. Боксеры с тяжелыми и крепкими, как амбарные замки, челюстями, необычайно легко при всей своей массивности преодолевали полосу препятствий. Они грациозно пробегали по бревну, перемахивали через траншеи, прыгали на высокий забор, подтягивались и соскакивали с высоты двух метров под восторженные крики зрителей.



Неподалеку на отгороженной площадке медленно двигалась фигура в толстом ватнике с длинными рукавами. «Фасс!» — приказала хозяйка с плетеной корзинкой знакомому Борьке догу, и пес величиной с теленка в несколько прыжков настиг «нарушителя», сбил его с ног и в знак победы положил на него тяжелую лапу. Всем стало ясно, что на ошейнике этого дога зазвенит еще одна золотая медаль.

Старик в картузе расстался с Борькой, когда услышал, что тот хочет посмотреть на комнатных собак.

— Мелочь, микробы, — махнул он рукой и удалился.

Из круглого павильона несся лай, похожий на перезвон колокольчиков. У открытых дверей прыгала стайка мальчишек и, кривляясь, хором распевала:

Заморский пес
Смешит до слез —

Уселся на ладони,
Он даже в блюдечке с водой,
Хи-хи, ха-ха, утонет!
Хи-хи, ха-ха, хи-хи, ха-ха!
Так это пес или блоха?

Мальчишки нисколько не преувеличивали! Посреди павильона перед судейским столом стоял мужчина и держал на ладони крохотную собачку с выпуклыми круглыми глазами. Едва ее поставили на пол, как она высоко запрыгала, — ну, просто блоха на поводке.

Как только судьи могли оставаться при этом серьезными!

А потом на манеж вышло странное существо, такое лохматое, что с трудом угадывалось, где у него голова, а где хвост. Существо глухо заворчало, раскрыло пасть, и все увидели, что у него длиннющие усы и борода. Борька без стеснения захохотал и сразу был выдворен за дверь. Через минуту он уже скакал вокруг павильона и, мешая комиссии отобрать чемпиона комнатных собак, пел вместе с веселой компанией:

Эй, парикмахеры, сюда!
Увидите вы сами,
Что у терьера борода,
Хи-хи, ха-ха, с усами!
Хи-хи, ха-ха, хи-хи, ха-ха!
Бывает в мире чепуха!

— Нет, не чепуха! — сказал кто-то за спиной Борьки. — Это сильная и выносливая собака.

Борька обернулся. Заступника терьеров на первый взгляд можно было принять за студента: худощавый, у рубашки расстегнут ворот, за толстыми стеклами очков — веселые глаза. Его спутница, наоборот, круглолицая и румяная, в белом летнем плаще, тоже чем-то была похожа на студентку.

И все-таки это были, наверное, не студенты, раз их сопровождал судья с красным бантом на груди.

— Да ну этих мальчишек! Вечно здесь крутятся, — громко сказал судья, обращаясь к гостям. — Идемте дальше, я вам покажу кое-что поинтересней!

— Я бы купил терьера не задумываясь, — негромко сказал молодой человек, обращаясь к девушке. — Но он нам не по карману. На эти деньги мы должны приобрести четырех собак. Ох, и экономный же у нас бухгалтер!

Борька услышал краем уха отрывок чужого разговора и снова поскакал вокруг павильона. Если бы он только знал, что за люди прошли мимо него и какую роль сыграют они в судьбе его пропавшего друга! Но он о них тут же забыл. Прыгал да насмешничал.

А владельцы собак понимали, что эти двое — не простые посетители: сам судья показывает им медалистов и чемпионов.

— Вот, не угодно ли взглянуть. — Судья подвел спутников к спокойно сидевшей овчарке. — Чистопородный экземпляр. Никакой примеси. Пять золотых и одна большая серебряная медали.

— Очень хорошая овчарка! — похвалил человек в очках, рассматривая знаменитость близорукими глазами. — Но ведь большие собаки для опытов не годятся.

— Да, да, — спохватился судья. — Я помню, что вам надо небольшую. Это просто так, для ознакомления. Как вы смотрите на спаниеля?

— Тоже великоват…

— Тогда фокс. Небольшой, послушный, чуткий. Сосед за стеной развернет газету — он уже слышит и заливается

колокольчиком!

— Нет-нет, — решительно отвергла девушка, — нам попроще, потерпеливей…

И тут ее прервал товарищ:

— Валя, смотрите: она?

— Она!

Оба гостя решительно двинулись к забору. Там, на куче желтых листьев, лежала в одиночестве грязная собачонка. Ее вытянутая, узкая, как у шпица, морда была искусана, а шерсть, когда-то белоснежная и мягкая, свалялась и висела клочьями.

— Это не наша собака, это бездомная дворняга. Она может укусить, — предупредил судья.

Собака не собиралась кусаться. Она испуганно вскочила и нырнула под забор.

— Зачем вы ее спугнули? — спросил человек в очках.

— Нам именно такая собака нужна, — пояснила девушка. Она наклонилась, позвала: — Жучка! Шарик! Белка!..

— Я надеюсь, что такой на нашей выставке больше нет, — гордо сказал судья. — Придется вам искать где-нибудь в другом месте.

Он поправил на груди красный бант и ушел к своим догам и фоксам.

— Что же нам теперь делать, Василий Васильевич? — расстроенно спросила Валя.

— Завтра я решительно поговорю с бухгалтером, — сказал, нахмурив брови, Василий Васильевич. — Как можно купить породистую собаку на деньги, которые он нам дает?! Но вы заметили, Валя, что мы не можем потратить даже эти деньги? Все выносливые собаки — большие, а нам такие не годятся. Я обошел выставки и питомники, был в Обществе охраны животных, объездил всех друзей, у которых собаки. И ничего подходящего нет!

— Не только вы, — попыталась успокоить Валя, — все наши сотрудники ищут и ничего тоже не находят.

— А ведь они бегают по городу, — убежденно сказал Василий Васильевич, — вот такие, как эта, которая удрала. Но я не могу их ловить. Обязательно упаду и разобью очки. Да, теперь я точно знаю: нас могут выручить только бродячие собаки. Обыкновенные бродяги.

Кусачка

Они встретились утром у подъезда двухэтажного старинного особняка, отгороженного от улицы чугунной решеткой и тополями.

— Здравствуйте, Василий Васильевич! — закричала издали Валя. — Мы спасены! Я пришла раньше, я видела: есть собаки!

— Да ну! Откуда? — обрадовался Василий Васильевич.

— Вы произнесли вчера пророческие слова: бродячие собаки. Не надо тратить денег, не надо ссориться с бухгалтером.

— Вот теперь я слышу лай! — довольно произнес Василий Васильевич.

Они вошли в подъезд, поднялись по лестнице и в маленькой комнате надели белые халаты. Потом по коридору проследовали до обшитой черной клеенкой двери.

Навстречу им неслась отчаянный лай. В длинном зале стояли в два ряда клетки. Еще вчера были они пустые, а сегодня за железными прутьями крутилась, визжала, гавкала, выражая свой протест, собачья стая.

Беспаспортные бродяжки были недовольны. Они привыкли к вольной жизни, привыкли с лаем мчаться по улицам, бросаясь под ноги прохожим, привыкли устраивать азартные бои в подворотнях. Что и говорить, вольная жизнь была сурова: голод, дожди, зимой мерзнут лапы. Но зато как великолепно было чувствовать себя совсем свободными и видеть, как дрожат при встрече изнеженные домашние собаки!

— Лают, Василь Василич, просто отчаянно, — пожаловался сторож-служитель.

— На то они и собаки, чтобы лаять.

— А в шестой клетке, наоборот, послушная собака, — продолжал служитель. — Хоть и бродячая, но до чего ласковая! Меня уже узнаёт…

— «Козявка»! — прочла радостно девушка табличку, привешенную к клетке. — Какая хорошенькая!

Миловидная юркая Козявка прыгала за прутьями, вставала на задние лапы и виляла хвостом, явно желая понравиться.

— Что, здесь уже был профессор? — осведомился Василий Васильевич.

— Был, рано утром приходил, — подтвердил служитель. — Как посмотрел на эту красавицу, так сразу и сказал: «Козявка».

Человек в белом халате не спеша переходил от клетки к клетке и, щуря близорукие глаза, осматривал каждую собаку. Пленницы тоже разглядывали его из-за решеток.

Внимательней всех наблюдала за вошедшими белая собачонка с длинной мордочкой. Как и все здесь, она была бродяжной. Но, до того как по воле случая превратиться в безымянную скиталицу, эта дворняга имела хозяев и кличку Тяпа.

Она узнала человека в очках и девушку. Вчера днем, удирая от них, Тяпа подлезла под забор, но там ее схватили какие-то люди, накинули веревку на шею и сунули в тряский, полный воющих собратьев фургон. Ночь Тяпа провела в общей клетке собачьего приемника, и на рассвете грузовой автофургон привез ее в этот дом.

Она не лаяла, как другие собаки, она ничего не хотела и никому не верила.

— Посмотрите-ка, Валя, вам не кажется, что это та самая, с выставки? — сказал Василий Васильевич, остановившись перед Тяпой.

Валя внимательно посмотрела на бродяжку:

— Вы думаете? Да, да, конечно! Я ее узнаю: похожа на шпица! Только вчера она была погрязнее.

Тяпа глухо заворчала из своего угла, когда человек взялся за дверцу.

— Поосторожнее, товарищ Елкин, — сказал служитель. — Эта собака озлобленная.

Василий Васильевич только улыбнулся и вошел в клетку:

— Мы ведь старые знакомые…

Не успел он протянуть руку, как Тяпа цапнула зубами ладонь.

— Ой! — вскрикнула Валя, словно укусили ее.

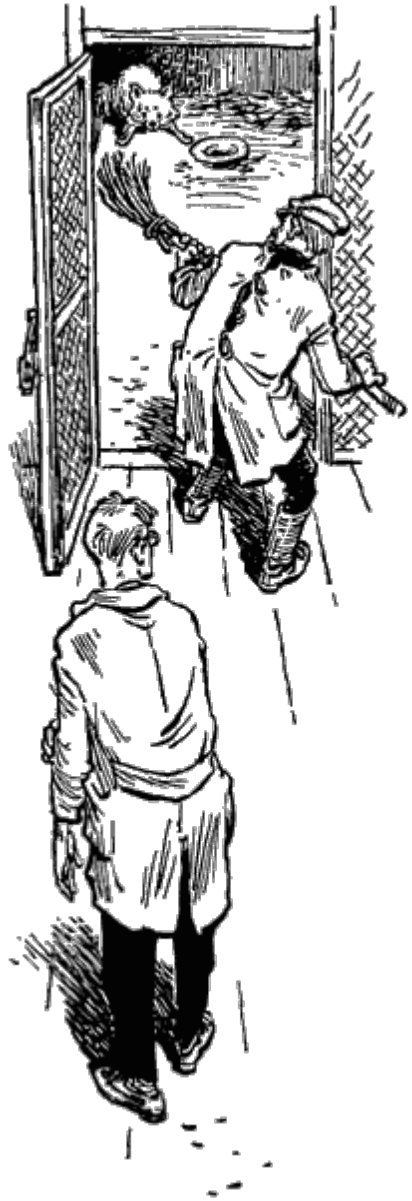
А Василий Васильевич только поморщился от боли:

— Ах ты, кусачка!

— Безобразие! — закричал служитель. — Кусается! Я вот ее сейчас метлой!

И он замахнулся метлой.

Дворняжка отпрянула в угол, шерсть на ее загривке встала дыбом. Короткое рычание, а потом такой лай, что казалось, собака вот-вот захлебнется. Ее разом поддержала вся стая. Вид метлы вызвал у бродяг необычайное раздражение.



— Уберите метлу! — строго сказал Василий Васильевич сторожу. — Виноват я сам. И, пожалуйста, не кричите на собак. Вообще спрячьте лучше метлу. Нам нужны тишина и спокойствие.

Валя перевязала врачу руку носовым платком. Они ушли.

Сторож еще долго рассуждал вслух о том, что есть собаки, которые не ценят деликатного обращения и совершенно не разбираются в людях, они даже позволяют себе кусать уважаемых ученых докторов.

Ворча, он помыл клетки из шланга, налил каждой собаке

воды, постелил солому, а потом стал разносить в мисках вкусно пахнущий овсяный суп. В клетку Тяпы он тоже поставил миску и сразу же ушел к Козявке.

— Ну как, Козявка, нравится тебе у нас? — спрашивал он, поглаживая свою любимицу, а она с удовольствием грызла в это время кость. — И повезло же тебе! Прямо с улицы в институт попала, на содержание государства. А всё почему? Потому что маленькая. Маленькие у нас в почете.

Странные речи говорил этот человек. До сих пор в собачьем мире считалось, что счастлив тот, кто самый большой. У него всегда меньше царапин и больше вкусных костей. Какая маленькая собака не мечтает быть догом или овчаркой? А у сторожа все выходило наоборот…

Тяпа съела свой суп, но не успокоилась. Да и как она могла успокоиться! Она ждала расплаты за свой поступок. А ее вместо того накормили. Тяпа ничего не понимала. Может быть, ждали наступления темноты, чтобы схватить ее, связать веревкой и избить метлой?

Незаметно она уснула. И, хотя сон ее был чутким и тревожным, Тяпа не слышала, как сторож вывел на ее клетке мелом: «Кусачка».

Космический врач

Вале нравилось, как Василий Васильевич обращается с собаками. Не повышает голоса, не раздражается. Воспитывает, словно маленьких детей.

Кусачка несколько дней жила в тревожном ожидании наказания. Ночью она просыпалась с сильно бьющимся сердцем, вскакивала на все четыре лапы, готовая защищать свою жизнь, и негромко, но грозно рычала.

— Определенно ей снится метла! — говорил Василий Васильевич Вале.

Его глаза дружески смотрели на собаку из-за очков. Она же в эти минуты терялась, чувствовала себя неловко, отворачивала голову. О неприятном случае напоминало и новое имя. Тяпа никак не могла привыкнуть к тому, что ее звали Кусачкой.

— Ничего, — размышлял вслух врач, — успокоится, обживется, будет превосходным космонавтом. Верно, Валя?

— Космонавт… — мечтательно отозвалась Валя. — Плывущий во Вселенной. Кусачка и не знает, что ее будущее звучит так красиво — по-древнегречески. Как бы я хотела быть на ее месте!

— Ну, вот и начинаются детские разговоры, — нахмурился Василий Васильевич. — Вы космический медик, Валя, не забывайте, пожалуйста, об этом. Судовой врач плавает на корабле. Врач футбольной команды сидит у ворот, на скамеечке. Хирург оперирует больного на столе. А космический — в самый важный момент не с экипажем, не в ракете, а у приборов. Пока это так.

— Мне всегда казалось, — обидчиво заметила лаборантка, — что вы родились космическим врачом. И в детстве играли не игрушками, а приборами.

Василий Васильевич рассмеялся:

— Не обижайтесь, Валюша, и знайте, что мне в жизни здорово повезло! Это вам все хорошо и просто. Вчера — школьница, сегодня — лаборантка, а завтра… вы знаете, кем будете завтра, потому что учитесь в институте. А когда я учился, не то что ракеты — реактивные самолеты были в новинку. И я думал, что буду ветеринаром.

— А как же вышло?

— А так. Окончил институт. Мне говорят: хотите соединить в работе две древнейшие науки — медицину и астрономию, заняться самой молодой наукой — космической медициной? У меня дух захватило, словно вдруг полетел. И вот я здесь…

Когда Василий Елкин стал студентом ветеринарного института, никто этому не удивился. Страсть его к животным была известна дома, в школе да и, пожалуй, во всем районе. Мальчишки, завидев высокого костлявого парня, со спутанными волосами и мягкой улыбкой, кричали: «Доктор Айболит, у меня живот болит!» Они знали, что он не сердится, подбегали и совали любопытные носы в оттопыренные карманы. Там всегда что-то шевелилось, пыхтело, пищало. Старушки и домашние хозяйки приносили в квартиру Елкиных слепых щенков и котят. Подброшенные обретали свой первый дом в фанерном ящике. В углах Васиной комнаты всегда жили ежи, морские свинки, черепахи и другие добродушные существа.

Бывали и неприятности. Василий Васильевич рассказал Вале:

— Однажды поднялась в доме паника. Из помойного ящика выползали змеи и — по всему двору. Что тут было! Крик, шум, двери и окна на замок. Никто не выходит. Милиционер и дворник вооружились палками и прямо к нам: очищайте двор! А меня дома нет, я в школе. Мать говорит: «Никаких змей у нас не было. Готовы валить всякую вину на моего сына! Очищайте сами!» Те — в школу, к директору: подавайте сюда вашего зоолога, людям надо на работу, в магазины, а выйти никто не может. Я сразу

догадался, в чем дело. Вчера собрал на болоте ужиные яйца, а мать, должно быть, их в помойку. Вот в теплом ящике, на солнышке уженята и вылупились. По дороге объясняю, что к чему, а милиционер и слушать не хочет, твердит: «Терроризирование жильцов дома с помощью ядовитых гадюк». Собрал я всех уженят. Демонстрировал: не кусаются. Но штраф все же уплатили… В тот момент, Валя, мне и в голову не приходило, что мое увлечение станет когда-то профессией…

Василий Васильевич никому не говорил о другом эпизоде: как он поступал в летное училище. Ни один человек, кроме самого лучшего друга Витьки Черняева, не знал, что нескладный добрый Елкин, по прозвищу Айболит, мечтал стать не зоологом, не ветеринарным врачом, даже не африканским охотником, он мечтал летать. Летчиками хотят быть все ребята, но потом, с возрастом, у многих появляются другие желания и цели. А Василий с другом Витькой после экзаменов подали заявление в летное училище.

— Здравствуйте, товарищ… капитан, — сказал Елкин военному за столом и сощурил глаза, считая звездочки на погонах.

— Здравствуйте, — ответил капитан и взял со стола газету. — Читайте этот заголовок. Да не подходите! С места читайте. Та-ак… Очки есть? Как же вы подаете заявление? Понимаю, понимаю… но летчик носит только одни очки — летные.

А друга приняли. Он, подавляя в себе ликование, пришел утешать Васю:

— Ну-ну, Айболитик, не страдай. Доктор в очках даже лучше. Солиднее.

И Витька, счастливец, изучал самолет, прыгал с парашютом, выполнял на учебной машине виражи и петли и вообще готовился на реактивщика. А потом он стал летать на реактивном истребителе и видел землю сверху.

Студент завидовал летчику. Но, когда он неожиданно стал космическим врачом, зависть прошла. Елкин стал представлять себе Землю как большой глобус с очертаниями материков и океанов. Ведь именно такой откроется она тем, кого врачи будут готовить в полет.

И он с удовольствием работал космическим врачом. Только никак не мог привыкнуть, что его называют по имени и отчеству. Все смущался и краснел. Но однажды решил, что это уважение не лично к нему, а к новой науке. И успокоился.

Не бояться, ничего не бояться!

— Почему мы возимся с собаками? — спросила как-то лаборантка врача. — Не с лягушками, не с обезьянами, а с собаками? Чем они выгоднее?

— Я думаю, — сказал Елкин, — на это есть много причин: потому что их организм похож на наш, человеческий, потому что они быстро привыкают и доверяют, потому что спокойны на опытах и не нервничают. А как часто, Валя, собаки выручали людей. На охоте, на войне, в клиниках. Всегда они в разведке. Теперь вот — в космосе. Ну, пойдемте к нашим питомцам. Посмотрим, как они себя чувствуют.

Разведчики и не подозревали о своей важной роли и жили в полное удовольствие. Им нравилось ласковое обращение, нравилась сытная, приготовленная со знанием дела еда — всегда в ней были кости или хрящи, а то и кусочки мяса. Если собаки и лаяли, то весьма миролюбиво.

Сколько добрых рук мыли, расчесывали, взвешивали, измеряли, кормили, выводили на прогулки, учили быть аккуратными вчерашних бродяг! Если какой-нибудь шалун и получал шлепок, то только в минуты веселья, и на это, конечно, нельзя было обижаться.

Успокоилась даже пятнистая собака, по кличке Пестрая, которая раньше готова была лаять до хрипоты по любому пустяку. У Пестрой осталась лишь одна неприятная привычка: стоило кому-нибудь оказаться сзади нее, как собака вздрагивала и, обернувшись, скалила зубы. Видно, какой-то злой человек бил ее, подкрадываясь сзади. И к Пестрой, если она была занята своим делом или спала, никто молча не подходил, ее прежде окликали.

Всеобщей любовью пользовалась Козявка. У нее был замечательный хвост, выражавший всю широту собачьей души. Когда Козявка радовалась, пушистый хвост мелькал в воздухе, как кисть маляра. Он мог качаться без передышки сто раз, тысячу раз — и не устать! Ну, может быть, на минутку и опустится хвост вместе с головой вниз, повиснет в ожидании ласки, и вот уже снова задран он кверху и виляет особым образом, объявляя: я довольна жизнью. А как задорно торчит хвост, когда на Козявку находит вдруг воинственное настроение, и как стыдливо поджимается, когда она провинится. Нет, не выразишь словами те душевные волнения, которые выдает только самый кончик хвоста — несколько последних позвонков — при появлении служителя с миской! Ну разве это не замечательный хвост!

Полной противоположностью Козявке была медлительная,

ленивая Пальма. Она все время зевала и потягивалась. Мохнатые черные уши болтались по обе стороны белой мордочки, словно их по ошибке пришил какой-то рассеянный портной.

Худощавый гладкий Мальчик смотрел на всех черными правдивыми глазами. И с тем же невинным видом он смог вытащить торчащий из кармана платок. Пойманный на месте преступления, пес тяжело вздыхал, виновато опускал хвост. Но при этом продолжал смотреть прямо в глаза человеку, как бы говоря своим откровенным взглядом: «Вот видите, каким поступкам может научить улица! Я понимаю всю неудобность положения, но ничего не могу поделать…»

А через несколько минут после чистосердечного раскаяния жуликоватый пес снова что-нибудь утаскивал. Да, Мальчик требовал серьезного воспитания!

Дни шли за днями, и с Тяпой произошла та же перемена, что и с другими собаками: нервозность уступила место спокойствию. Она стала даже чересчур спокойна, редко подавала голос, не суетилась и не грызлась с соседками через решетку. Но это спокойствие не имело ничего общего с равнодушием и ленью. Она была само внимание. Острые уши устремлялись вперед, как наконечники стрел, а глаза подмечали любое изменение обстановки. Тяпа старалась понять, чего же хотят от нее люди в белых халатах, какую цель преследуют они своей добротой и

щедростью? И не подстерегает ли ее какая-нибудь новая неприятность?

Однажды Елкин дольше обычного задержался у ее клетки. Постояв молча, он решительно распахнул дверцу:

— Идем, Кусачка!

Тяпа обрадовалась, в темных глазах ее сверкнули искры. Наконец-то она выйдет из надоевшей клетки! Но Тяпа ничем не выдала своего внезапного чувства, медленно встала и не торопясь пошла за этим странным человеком, который забыл ее наказать. Она шла, не поднимая головы, по очень длинному коридору, за стоптанными внутрь каблуками черных ботинок и по-своему изучала дом. Сначала ей защекотал ноздри острый запах мастики, покрывавшей паркетный пол; его перебила теплая приятная волна, вырвавшаяся из кухни; потом Тяпа почувствовала аптеку.

Вошли они в комнату, где ничем особенным не пахло. Но собака все-таки уловила слабый запах машинного масла. Вдоль стен стояли черные и белые ящики. Тяпа по очереди потрогала их носом, ощущая приятный холодок металла.

Она услышала какое-то стрекотание и остановилась. Жужжала маленькая коробочка, которую человек прижимал то к одной, то к другой щеке. Эту странную вещь Тяпа видела впервые.

— Ты не возражаешь, Кусачка, если я побреюсь? — спросил Василий Васильевич, заметив внимательный взгляд. — Знакомься

сначала с электробритвой. А потом и с другими механизмами.

Приведя себя в порядок, Василий Васильевич сложил шнур и спрятал бритву в карман. Затем он подошел к большому черному ящику и надавил пальцем на кнопку. «Уррр-р-р», — зарычал ящик, и собака попятилась, не сводя с него глаз.

Длинная мордочка Тяпы от напряжения словно стала короче, шерсть на затылке поднялась дыбом. Опыт подсказывал собаке, что все, что рычит и гудит, может сорваться с места и наехать на нее.

Едва смолк мотор, Василий Васильевич включил новую машину. Она запыхтела, как старый, уставший паровоз. «Пых-пах, пых-пах», — жаловался насос на скучную и однообразную работу, на то, что он вынужден всю жизнь перегонять внутри себя масло. «Пах», — бормотнул насос в последний раз и смолк.

Тяпа сидела посреди комнаты и моргала.

— Привыкай, привыкай, Кусачка, — сказал Василий Васильевич. — Тебе придется иметь дело с техникой.

Он подошел к светлой эмалированной коробке, включил ее. Пронзительный вой заставил собаку метнуться к двери. Вой сразу же оборвался, в наступившей тишине прозвучал спокойный голос:

— Не бояться! Главное — не бояться! Ты же смелая! А это не страшно.

Тяпа села спиной к двери и уставилась умными глазами в лицо человека. Тот улыбнулся: нет, она не трусливого десятка.

Врач снова подошел к коробке. На этот раз собака даже не шелохнулась и терпеливо выслушала противный вой.

— На сегодня хватит, — сказал человек, и Тяпа проделала обратный путь вслед за черными ботинками. В ее ушах стоял еще шум, и потому она не обратила никакого внимания на запахи в коридоре.

Соседок Кусачки приводили в ту же комнату. Кто был сдержан, кто отвечал лаем, кто пугался даже мирно пыхтящего насоса. Но постепенно, после нескольких сеансов, все они привыкли к шумам.

Потом будущих разведчиков стали запирать по одному в клетки. Размер клеток с каждым днем уменьшался. Последняя была так узка, что решетки подпирали бока и черная кнопка носа могла тронуть холодный металл.

Собакам это казалось скучной игрой, которая тянулась много дней. А врачи считали, что это важный опыт, и называли его «ограничением свободы».

Попробуйте любую собаку посадить в чемодан, — она поднимет такой лай, что сбежишь из дома. А если посягаешь на

свободу вчерашних бродяжек, надо быть еще осторожней. Клетка приучала бродяжек: это не площадь, не улица, не подворотня, а твой дом. Следующая клетка была меньше, и она учила заново: не улица, не подворотня, не вчерашний дом, а твой новый дом. И веди себя спокойно!

Привычка, как известно, приходит со временем. Привязывают, например, лаборанты Козявку к металлическому лотку, похожему на длинный поднос, куском провода, а она его тут же перегрызает. Ее опять вежливо укладывают и привязывают. И снова она молча кусает провод и приветливо помахивает хвостом.

Кто кого? Кто упорней?

Наконец однажды Козявка остается лежать привязанной и больше не пускает в ход зубы.

Можно было приступать к настоящей работе. И профессор позвал врачей, чтобы объявить им об этом. Короткое их собрание напоминало встречу командиров перед боем: каждый уже знал свою задачу, но еще раз уточнял ее, слушая приказ главного командира, чтоб не ошибиться в ответственном испытании.

— Позвольте мне, — сказал профессор, — напомнить вам слова знаменитого французского астронома Араго: «Если бы мы не наблюдали ежеминутно падения тел, оно было бы для нас самым удивительным явлением». Я говорю это, чтобы

подчеркнуть необычность нашей общей задачи. Человек привык к земному тяготению. Он твердо знает, что сила тяжести удерживает у Земли воздух, воду, тепло и создает условия для жизни. Но ведь человек повзрослел, он стремится узнать другие миры, а тяготение его крепко держит. Мы решили вырвать человека из объятий земного притяжения. Мы хотим ввести его в мир со своими, особыми законами, где тела, например, теряют свой вес и осуществляется остроумное предположение Араго.

Я верю, что очень скоро конструкторы нам скажут: «Космический корабль готов!» Но человек не взлетит без нашего разрешения. Вот почему в самое ближайшее время мы должны уточнить правила безопасного полета в космос. И хотя очень часто в этой работе нам не в силах помочь весь многовековой опыт медицины, мы не можем ошибиться. Мы, врачи, в ответе за здоровье всех будущих космонавтов!

Профессор помолчал, оглядев собравшихся. Он готовился сказать самое главное.

— Предстоят новые запуски ракет с животными. Наших разведчиков ждут пять опасностей. Вибрация во время работы двигателя — раз; властная сила ускорения при взлете и торможении ракеты — два; невесомость в момент свободного полета — три; отсутствие атмосферы на больших высотах — четыре и, наконец, опасные излучения в космосе. Пять невидимых врагов у космонавтов, и мы должны точно знать силу их воздействия на организм. Готовить собак к полету с завтрашнего дня по программе. Все, что возможно, пусть они испытают здесь.

Итак мы начинаем…

В это утро за окном выпал мягкий белый снег. Василий Васильевич дольше обычного обходил клетки и разговаривал с собаками. Остановившись около Кусачки, он ласково спросил:

— Как настроение? Вижу, вижу по ушам: хорошее! Ты любишь, Кусачка, зиму? «Зима! Крестьянин торжествуя на дровнях обновляет путь…» Обновляет путь. Да! И мы сегодня тоже начинаем! Начинаем! Начинаем! — повторил он торжественно и взъерошил волосы. — Кусачка, Мальчик, Козявка, идемте со мной!

В это утро, утро первого снега, дверца клетки распахнулась перед Кусачкой как вход в новый, трудный, но радостный мир.

Валя надела на собак рубашки и трусики из плотной зеленоватой материи. Застегивая молнии, она испытывала особое удовольствие оттого, что сама скроила и сшила костюмчики. Собаки стали похожи на маленьких парашютистов и ступали неуверенно, широко расставляя лапы.

— Вот теперь вы испытатели! — довольно произнесла Валя.

Испытателей уложили на лотки и пристегнули ремнями. Под одеждой у них были спрятаны маленькие приборы — датчики. Устроены они очень просто: крохотный бумажный пакетик с проволочкой-спиралью внутри или тонкая резиновая трубка, наполненная угольным порошком. Но проволока и бумага, трубка и порошок — это уже чуткий прибор, который уловит слабый электрический ток, идущий от сердца или мышцы, и передаст его на зеленоватый экран. Вот сейчас включится машина, затрясется лоток вместе с собакой, и тогда по экрану заструятся светлые волны и маленькие молнии, а по фотоленте побежит веселый лучик, рисуя извилистую линию, — это начнут свой точный репортаж датчики. О работе сердца. О дыхании. О кровяном давлении.

Очень чуток простенький прибор с деловым именем «датчик».

Даже в микроскоп не увидишь, как растет трава. А с датчиком — сразу заметишь. Тонкая проволока, прикрепленная к травинке, незаметно для глаза растягивается, и электрический ток реагирует. Он колеблет стрелку прибора, точно измеряет: прибавка в росте — стомиллионная доля миллиметра! Вот какой внимательный датчик!

«Счастливый Елкин, счастливые врачи! — думала Валя. — Светятся экраны, мигают лампочки, и они всё-всё понимают, потому что знают язык живого электричества. А я не знаю. Они будто смотрят на свой дом, на огни в окнах и видят, что в доме

делается. А я там еще не живу…»

Зато она видела, как задрожал, затрясся лоток с Кусачкой, как собака оскалилась, прижала уши к затылку, напряглась. Василий Васильевич смотрел в это время на приборы и не заметил, как испугалась Кусачка вибрации.

— Ну, миленькая, ну, лежи, ну, спокойно, — шептала расчувствовавшаяся Валя.

И, хотя за гулом мотора ее не было слышно, Кусачка чуть расслабилась. Собака не стала рваться с дрожавшего лотка, потому что была приучена лежать спокойно.

Но все же датчики передали приборам, что пульс забился быстрее, и врачи заметили беспокойство маленькой молнии на зеленоватом экране.

Как верный сторож, лежащий на пороге дома, перетерпела Кусачка все неприятности. Когда тряска кончилась и распутали ремни, она несколько минут отдохнула на полу с высунутым языком и вскочила на ноги как ни в чем не бывало.

— Молодец! — похвалила Валя и сунула ей в рот конфету.

А Козявка жалобно повизгивала на лотке и потом долго еще дрожала. Только кусочек сахару привел ее в чувство.

Пес Мальчик после опыта тяжело дышал и изумленно смотрел на всех выпуклыми блестящими глазами.

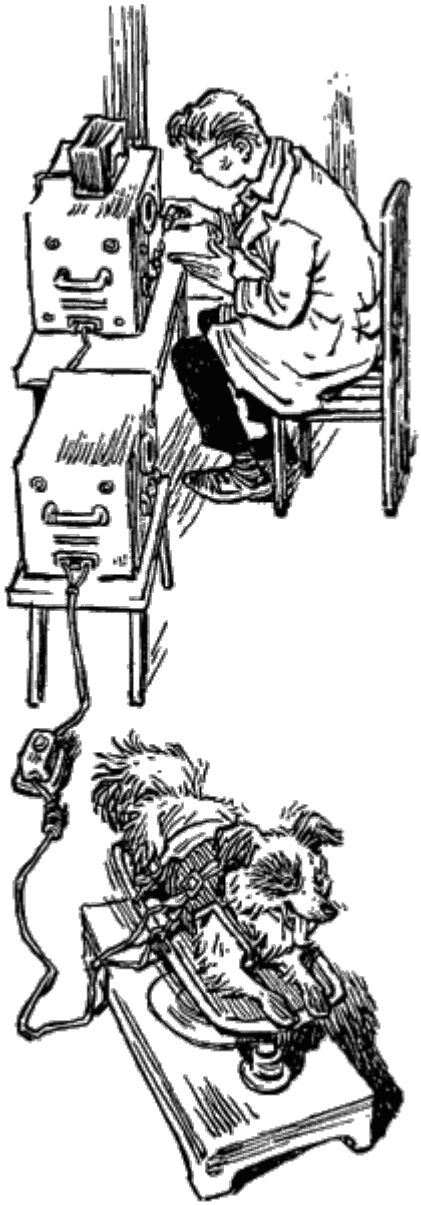
— Знаете, о чем он сейчас думает? — хитро спросил Елкин у присутствующих. — Он с удовольствием сознался бы в том, что вчера похитил гайку. Он давно понял вину и даже был готов понести заслуженное наказание. Но он никак не ожидал, что за обыкновенную гайку может быть такая встряска!

Все рассмеялись, а профессор сказал:

— И все-таки враг номер один — вибрация, сотрясение, или,

как думает Мальчик, встряска, — самый слабый враг космонавта. Реактивным летчикам этот враг страшнее. Называется — «флаттер», от английского «трепетать». Крылья самолета могут задрожать, как фанерные листы. Летчика швыряет по кабине. Самолет рассыпается… В ракете вибрация не угрожает гибелью, к ней надо только привыкнуть.

Привыкали каждый день. Машина добросовестно трясла маленьких, опутанных ремнями испытателей. Те лежали спокойно, только высовывали влажный язык, и он тоже сотрясался мелкой дрожью.



Василий Васильевич смотрел на зеленоватый экран и был доволен таинственным бегом линий. Конечно, в ракете вибрация куда сильнее, но все же это не флаттер. Летчик Черняев однажды попал во флаттер и считал себя счастливцем, что отделался синяками. Бывали случаи печальнее.

А Валя в то время, когда выли вовсю моторы, тихонько напевала и опять думала о приборах-пакетиках, трубочках и шариках. Сейчас они трясутся вместе с Кусачкой, а потом полетят с ней в ракете и расскажут о всех переживаниях путешественницы

лучше живого свидетеля.

— Футбольный врач — на поле. Судовой — на корабле. Хирург — около больного. А космический — у приборов, — голосом Василия Васильевича сказала Валя. И вздохнула: — А я? Шью трусы и майки, одеваю да раздеваю собак. И не делаю никаких открытий.

Она повернулась к Елкину, который наклонился над приборами, и сказала сердито:

— Вот возьму и улечу. И сама все испытаю!

— Испытания? — отозвался, не оборачиваясь и думая про свое, Василий Васильевич. — Идут хорошо. Этот враг для Кусачки уже не страшен!

Новые неприятности

Валя заглянула в круглый зал. Посреди зала стояла машина, точь-в-точь карусель: столб с подпорками, на столбе — рама, на раме — две кабины. Эта машина должна была знакомить собак с новой опасностью. Стоило карусели завертеться, как на ее пассажиров наваливались могучие, невидимые силы, бороться с которыми было бесполезно.

Сейчас машина не работала. Врач Дронов и его помощница Зина, Валина подруга, ходили по залу и о чем-то спорили. Увидев Валю, Дронов крикнул:

— Заходи!

Валя пришла поговорить о своих питомцах, но, покосившись на карусель, поежилась и неожиданно для себя сказала:

— Хорошо, что у такой страшной машины такой добрый хозяин!

— Это я — добрый? — удивился Дронов, а маленькие глаза его превратились в черные точки и весело заблестели. — Зина, — он повернулся к помощнице, — скажите, разве я добрый?

— И совсем не добрый, — ответила, нахмурив брови, Зина. — На работу опаздывать не разрешает. Сам приходит раньше, и я должна бежать. И сегодня чуть не попала под автобус. Это раз. Вчера закрывала форточку и свалилась с лестницы — два…

— В-третьих, — продолжал тем же тоном Дронов, — позавчера под моим руководством порезала палец. А в среду испортила свою прическу.

— С прической вы ни при чем, — сказала, смягчаясь, Зина и тряхнула лихо завитыми кудрями. — Это я добровольно пошла в парикмахерскую. А ты, Валя, настоящая трусиха: боишься нашей машины!

— Ничего и не трусиха. Просто у меня кружится голова, даже когда я кручусь в парке. Ну, Дронов, — Валя взяла Дронова за рукав, — Олег Петрович, расскажите про невидимку, про ваше чудовище с бородой. А то мне и Зине сдавать скоро экзамен.

В этой просьбе была маленькая хитрость. На экзамене не спрашивали про машину-карусель. Но Зина не выдала подругу. Она тоже любила слушать, как рассказывает Дронов. Олег Петрович был шутником, и в институте его называли «наш веселый доктор».

Девушки уселись на стульях, а Дронов расхаживал по залу.

— Так вот, товарищи студенты, соблюдайте правила уличного движения…

— При чем тут уличное движение? — насторожилась Зина.

— А при том, — хитро прищурился Дронов. — Ты сегодня выскочила из-под автобуса? Выскочила. Шофер тормознул? Да еще как! А пассажиры попадали друг на друга. Я-то видел, как шофер погрозил тебе кулаком. А как ругались пассажиры — не слышал. Должно быть, крепко.

— Где же тут чудище с бородой? — спросила Зина. — Может быть, это я?

— Чудище, Зиночка, никто и не заметил. Оно было настроено весьма мирно. Только слегка и толкнуло людей в спину. Но чтобы ты не говорила потом, что я назвал тебя бородатым злодеем, давайте рассмотрим это неприятное существо.

Дронов продолжал:

— Вспомните свои путешествия. В самолете, машине, поезде, если они движутся прямо и равномерно, вы занимаетесь своими делами и не замечаете скорости. Но стоит машине сделать крутой поворот — вы наваливаетесь плечом на соседа; стоит поезду резко остановиться — можно набить себе на лбу шишку; стоит самолету начать взлет — вас вдавливает в кресло. Если тебя, Зина, в такой момент взвесить на пружинных весах, ты можешь потянуть на все сто килограммов. Значит, делаем такой вывод: как только скорость движения меняется, как только появляется ускорение, кто-то невидимый начинает на вас давить и увеличивает ваш вес. Эта могучая сила и есть перегрузка. Она может нажимать, словно мягкая, сильная рука, а может ударить, как крепкий кулак, и переломать кости. В том и другом случае вы беспомощны перед перегрузкой и можете победить ее лишь терпением и упорством. Теперь я вам покажу, что бывает иногда с летчиком.

Дронов садится.

— Взлетаешь. Набираешь высоту. Потом идешь вниз — пикируешь. Скорость все растет. Берешь ручку на себя, чтобы выйти из пике. И тут, откуда ни возьмись, невидимое чудище. Наваливается на голову, вдавливает в сиденье, сжимает внутренности. И всего тебя оплетает своей бородой: ноги, руки, сердце, глаза — все тяжелеет, наливается свинцом. Взглянешь краем глаза на акселерометр — есть такой приборчик, как маленькие пружинные весы, — и видишь, что ты весишь в три, потом в четыре, в пять, в шесть раз больше, чем обычно. В глазах темнеет, больше ничего не видно. Отпускаешь ручку… Потом, как из тумана, показывается земля, приборы, крылья. Самолет летит уже горизонтально. А голова твоя горит, сердце бьется… Вот какая штука — перегрузка.

Зина и Валя притихли. Они смотрят на врача в белом халате, сидящего на стуле, а видят летчика в комбинезоне и шлеме,

выходящего из пике, согнувшегося под тяжестью перегрузок. Видят Дронова таким, каким он был много лет назад, во время войны, — боевым летчиком, сбивавшим вражеские самолеты.

— Ну, кто хочет прокатиться в моем экипаже? — неожиданно спросил Дронов.

Девушки вскочили.

— Я — нет, — быстро сказала Валя.

— А я — да!

В зал вошел Василий Васильевич.

— Вас не возьму! — предупредил Дронов. — Плохие глаза надо беречь.

— Жаль, — искренне огорчился Елкин. — Вы-то небось катались, а я нет. Ну, а учеников принимаете?

— Как зовут?

— Пальма, Пестрая, Козявка, Мальчик, Кусачка.

— А-а, та самая, которая цапнула вас за ладонь, — вспомнил Дронов. — Принимаю, весьма охотно. И постараюсь создать все зависящие от меня неприятности.

— Вот видите, какой он добрый? — торжествующе обратилась к присутствующим Зина.

— Это не он, а машина, — вздохнула Валя. — Если б только можно было предупредить наших собачек об опасности!..

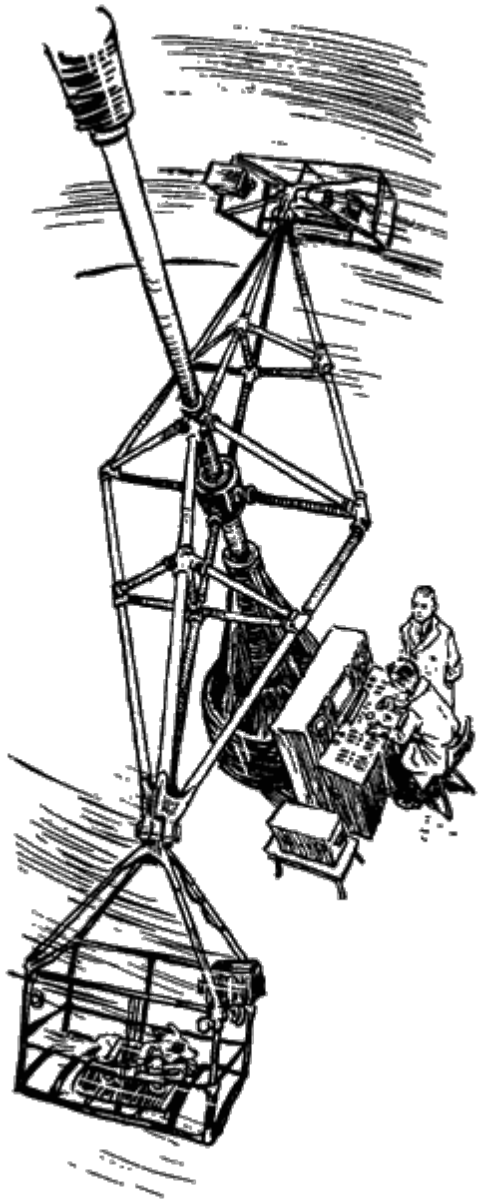
— Прошу ничего им не рассказывать, — пошутил Дронов. — Мне надо знать, как они будут привыкать к перегрузкам.

Машина была создана специально для неприятностей. Называлась она центрифуга. Крутясь, центрифуга развивала большую скорость и искусственно вызывала невидимую тяжесть.

Врач и его помощница укладывали Кусачку вместе с лотком в кабину-люльку и закрывали дверцу.

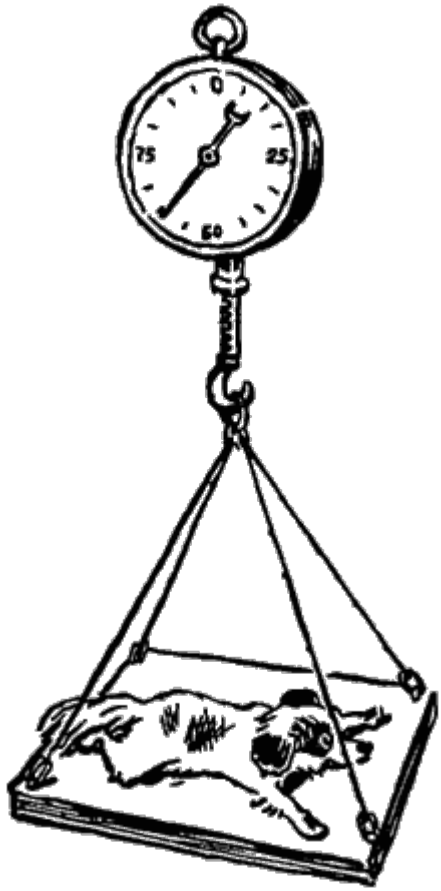
— Лежи спокойно. И не верти хвостом, — наказывал каждый раз веселый доктор.

Урчал мотор, люлька, качнувшись, трогалась с места. Стены устремлялись навстречу собаке и проносились мимо нее совсем рядом, сливаясь в одну сплошную полосу. Ветер раздувал шерсть, холодил нос и, как казалось Кусачке, давил на нее с такой силой, что едва можно было повернуть голову. На лету люлька постепенно поднималась, кренилась набок. Из-под машины, где за столом возле экрана телевизора и приборов, сидели врач и лаборантка, представлялось, что люлька скользит прямо по стене. Так мотоциклист в цирке ездит внутри шара.



Чем быстрее летела кабина, тем сильнее и сильнее невидимое чудище прижимало собаку к лотку. Вес ее все увеличивался. Пятикилограммовая Кусачка как бы превращалась сначала в большую дворняжку, потом в легавую и, наконец, в овчарку. Но она, конечно, не увеличилась при этом в размерах, а, наоборот, стала даже меньше: ее сдавила сила перегрузки.

По приборам Дронов видит: вот собака уже в семь раз тяжелее. В телевизоре — похудевшая мордочка. Значит, кровь стала такой же весомой, как и железо. Ох, как трудно работать сердцу! Оно тоже словно из железа…



Стоп! Мотор смолк, рама еще крутится.

Собака чувствует необыкновенную легкость, и ей кажется, что она неподвижно висит в воздухе. Она не замечает, как останавливается кабина.

— Жива? — шутливо спрашивает Дронов, заглядывая в люльку.

Жива! Но в каком виде… Дышит часто, растерянно моргает и слюны напустила целую лужу.

— Молодец! — говорит доктор и гладит вздымающиеся бока Кусачки. — Вот что значит быть дворняжкой и испытать в жизни то да се! Пудель не вынес бы таких неприятностей. Я знаю одного пуделя, — продолжает Дронов, обращаясь к собаке и внимательно осматривая ее, — так этот пудель умен, просто талантлив. Но весь свой талант тратит на пустяки: подает хозяину тапочки. Он бы не выдержал центрифуги.

— А она завтра выдержит? — спросила Зина.

— Выдержит.

Назавтра невидимка еще сердитее, Кусачке еще труднее. Она

лежит в люльке головой вперед, и тяжесть наваливается прежде всего на голову. Кровь отхлынула к ногам. У Кусачки темнеет в глазах, она словно проваливается в пропасть — теряет сознание.

В следующий раз она летит задом наперед. И вместо черной пелены на нее наплывает красная, потому что теперь кровь ударяет в голову. Снова она без сознания. Ведь каждая клеточка тела давит на своих соседей, и кровь прежде всего подчиняется властной силе перегрузки.

Дронов знал, как чувствовала себя в кабине Кусачка. Знал и о черной, и о красной пелене. И по своему опыту, и по записям прибора акселерографа. Прибор чертил на бумаге зубчатую линию, похожую на неровный забор, и она рассказывала, сколько перегрузок вынесла собака (то есть во сколько раз увеличился ее вес) и сколько минут или секунд они действовали.

Еще Дронов знал, что лучше всего, когда невидимые силы атакуют летящего от груди к спине или, наоборот, от спины к груди, а полет вперед головой или вперед ногами — самый неприятный: испытатель теряет сознание.

И все-таки врач укладывал собак в свою машину и так и эдак. Следя за ними по приборам, Дронов мурлыкал песенку:

То да се,
Се да то, —
Это надо понимать.
Все удары
Невидимок
Нам придется испытать.

Зина сидела рядом с Дроновым и заполняла дневник тренировок. А самый точный протокол вели приборы: они записывали на ленте все перегрузки, которые атаковали собак и в грудь, и с боков, и сзади.

Зина не спрашивала Дронова, зачем они разрисовывают зубчатыми линиями сотни метров фотоленты. Она соображала сама: «Наверное, Дронов хочет сравнить записи. Вот полетит ракета, приборы доложат о самочувствии собак, запишут на новые ленты. Тогда Дронов берет те и эти ленты и узнает, какие невидимые силы набрасываются на космонавта в полете. Вот молодец!»

То да се,
Се да то, —

напевает веселый доктор. А Зина поглядывает на него уже с гордостью. Вот такие, как он, врачи и ученые провели тысячи и тысячи опытов и испытаний. Центрифуга крутила не только собак, но и закаленных людей — летчиков. Они безболезненно переносили до десяти — двенадцати ускорений в течение пяти — десяти минут. При этом они принимали удобную позу: перегрузки атаковали их в грудь или спину. А один испытатель — Зина слышала об этом в докладе профессора — надел легкий водолазный костюм, с головой погрузился в бак с водой, укрепленный на центрифуге, и несколько секунд переносил увеличение веса в тридцать раз!

В свободное время Дронов рассказывал помощнице о том, как катались в кабинах центрифуги обезьяны, лягушки, рыбки в аквариуме и даже знакомая всем по ботанике евглена зеленая. Обезьяны чувствовали себя, как человек. С аквариумом машина ускорила свой бег, и маленькие рыбки стали весить больше, чем крупные щуки. Бак с плававшими лягушками машина помчала еще быстрее, и пловчихи потянули на сто пятьдесят килограммов каждая. А с евгленой зеленой кабина-люлька понеслась как бешеная. Вес ее вырос в двести тысяч раз! Но евглена уцелела,

потому что была в воде.

— Как это ни странно, — заключил Дронов, — а вода защищает от невидимых сил лучше всякой брони. Значит, можно придумать какую-нибудь камеру или костюм, предохраняющие от ударов и усиленной тяжести. Об этом писал еще Циолковский. А пока их не изобрели, наши четвероногие разведчики должны тренироваться, чтобы быть готовыми к космическим сюрпризам.

Кусачка каждый день превращалась в тяжелую собаку и снова становилась сама собой. Она не понимала, зачем это делается, но всякий раз была послушна. Когда кабина-люлька трогалась с места, Кусачка покорно укладывала голову на лапы и не противилась нажиму невидимой силы. В конце концов, как бы говорила ее поза, привыкаешь к любым странностям.

Даже во сне Кусачка переживала впечатления дня: двигала лапами и ушами, сдержанно лаяла. Стоило Вале, дежурившей ночью, подойти к клетке, как уши собаки — сначала одно, потом другое — вздрагивали, напрягались, поднимались и поворачивались в сторону человека. Оживал и тихо бил по полу хвост. Приоткрывались веки, и Кусачка встречалась взглядом со знакомыми глазами.

Валя гладила собаку, просовывая руку между прутьями, потом уходила. И тогда Кусачка спала спокойно до самого утра, лежа на левом боку, свободно вытянув лапы.

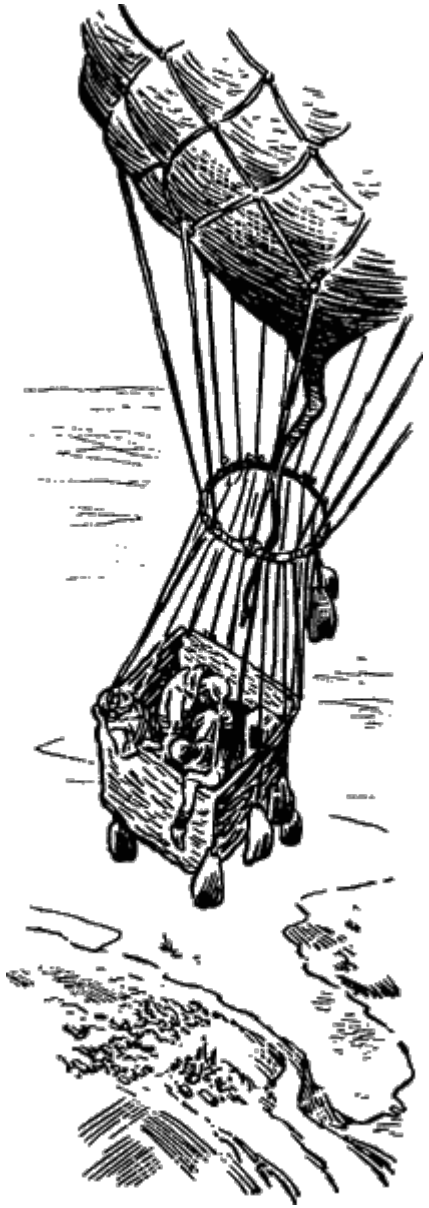
Самочувствие? Хорошее!

Журналиста Анатолия Евгеньевича Каратова пригласили на важные испытания.

В машине, по дороге в космический институт, он вспоминал историю завоевания человеком высоты. Статью надо было написать и сдать в редакцию к вечеру.

Прежде всего он расскажет о высотной болезни. О ней люди знали давно: всякий, кто взбирался на гору, чувствовал тошноту, головную боль, быстро уставал. А почему было так, никто не мог сказать. Но вот в конце XVIII века один французский физик решил лететь на шаре, наполненном горячим воздухом. В последний момент он передумал и посадил вместо себя в корзину барана, петуха и утку. Шар поднялся на пятьсот метров и опустился. Корреспондент газеты «Московские ведомости» сообщал восторженно из Парижа: «Животные остались живы и не сделались дикими!..»

А через сто лет произошла трагедия. Она взволновала весь мир. Опять над Парижем поднялся воздушный шар и приземлился недалеко от города. Когда люди подбежали к шару «Зенит», они увидели: два аэронавта мертвы, один в глубоком обмороке.



Еще в молодости Каратов нашел в библиотеке несколько страничек дневника Тиссандье — оставшегося в живых пилота воздушного шара «Зенит». Ни одна фантастическая книжка не растревожила Каратова так, как эти трагические записи.

Тиссандье писал, что в корзине летящего шара на высоте в семь километров закрывали глаза и начинали дремать его побледневшие товарищи. Было холодно, руки пилота коченели, но он упорно вел дневник. Очнувшись от обморока, аэронавты решили подниматься выше и сбросили балласт. Они чувствовали

себя словно во сне: тело и разум ослабели. Об опасности они не думали. Наоборот, их даже радовало разлитое вокруг голубое сияние. На высоте в восемь километров Тиссандье потерял сознание…

Ученые строили тогда разные догадки.

Только Иван Михайлович Сеченов объяснил причину гибели французов: им было нечем дышать. Русский ученый назвал высоту, на которой погибли аэронавты, «порогом смерти». Теперь летчик-высотник не осмелится взлететь на восемь тысяч метров, не надев кислородную маску.

Сеченов. Менделеев. Циолковский. Русские ученые стояли у порога новой науки — космической медицины. Они первые оценили опасность низкого давления на высоте и подсказали, как можно бороться с этим врагом.

Менделеев вскоре после гибели экипажа «Зенит» предложил сделать герметическую кабину. Он писал, что подниматься надо в закрытой лодке, наполненной воздухом. Циолковский тревожился за жизнь космонавта. Советовал брать с собой в ракету запас кислорода или устраивать зеленую оранжерею. Калужский учитель всю жизнь думал о путешественниках на Марс и Луну, о их здоровье, безопасности. Недостаточно одной кабины, предупреждал он, надевайте защитный костюм — скафандр.

И вот сегодня будет испытываться защитный костюм. Человек борется за высоту. Ему мало того, что летчик-испытатель Владимир Ильюшин поднялся на 28 километров. Надо еще выше!..

Каратов вошел в лабораторию, со всеми поздоровался и направился к стальной кабине — маленькой комнате с толстыми, прочными стеклами в круглых окнах и толстой тяжелой дверью, — такие двери бывают на подводных лодках. Кабину для высотной тренировки изобрел в конце прошлого века французский ученый Бер, и она называлась барокамерой.

Через открытую дверь журналист увидел в барокамере человека в необыкновенном костюме. Человек сидел в кресле, положив руки на подлокотники, и ждал, когда врачи осмотрят его снаряжение.

Каратов с привычной быстротой стал фотографировать испытателя и заполнять листки блокнота. Шлем с гофрированной трубкой и большим стеклом, за которым видно спокойное волевое лицо ожидающего человека, куртка на молнии, так плотно облегающая тело, что грудь похожа на футбольный мяч, перчатки, зашнурованные до локтей, и особая обувь, соединенная с костюмом, — весь облик испытателя мгновенно был описан в репортерском блокноте. Разве не так выглядели еще недавно в

фантастических романах астронавты, которые усаживались в свои ракеты?

Врачи дают последние советы и выходят из кабины. Человек в защитном костюме остается сидеть в кресле. Он смотрит на стакан с водой, который стоит рядом на низеньком столике, и спокойные глаза его еле заметно улыбаются.

«Зачем там остался стакан? — думает Анатолий Евгеньевич. — Ведь не будет же он пить воду в своем шлеме, а?»

Но на всякий случай журналист берет на заметку и стакан.

Мягко захлопывается тяжелая дверь, замок запирает ее. Теперь стальная комната закупорена лучше, чем термос. Гудят насосы, откачивая из нее воздух.

Что будет?

Круглый выпуклый глаз иллюминатора властно притягивает к себе журналиста. Вслушиваясь в гул моторов, Анатолий Евгеньевич понимает, что с каждой секундой на испытателя все меньше и меньше давит воздух и этот человек как бы совершает подъем. Журналист замечает над головой испытателя прибор, похожий на часы. Ага, альтиметр! Вот он, друг всех летчиков! Он точно показывает высоту.

Неужели пять с половиной тысяч метров? Их, двух людей, разделяет только стальная стена и крепкое стекло; однако он, журналист, твердо стоит на земле, а испытатель может считать себя взошедшим на Эльбрус.

— Да, это высота Эльбруса, — словно угадав мысли журналиста, говорит за его спиной врач Дронов.

— Как чувствуете себя, Иванов?

Это спрашивает другой врач, он в кожаном шлеме с наушниками.

— Хорошо! — глухо звучит в наушниках голос испытателя.

А моторы гудят. Стрелка прибора все ползет. Выше, выше.

— Шесть тысяч… Шесть пятьсот… Семь… — считает вслух журналист.

— На такой высоте, — делится с Анатолием Евгеньевичем Дронов, — даже опытный спортсмен может внезапно потерять сознание. Я сам видел, как у одного альпиниста дневник выпал из рук, а он писал в тот момент: «Самочувствие преекрасссное»… Переоценил свои силы, потому и писал: «преекрасссное»… Да, немногие смельчаки достигали таких вершин, как Хан-Тенгри. А наш Иванов, пожалуйста, уже выше, чем пик Хан-Тенгри. И костюм — вы сейчас увидите это — позволит ему перескочить «порог смерти».

— Как самочувствие? — следует опять вопрос.

— Хорошее! — отвечает Иванов и машет рукой: качайте, мол, еще, можно и выше.

На столе с барабана медленно сползает бумажная лента. Приборы-самописцы чертят на ней волнистые линии, и врачи, посвященные в секрет рисунка, видят: сердце, пульс, дыхание Иванова нормальны. Иванов чувствовал себя отлично.

Вдруг ожила вода в стакане.

Со дна побежали цепочкой пузырьки воздуха, словно в стакане была не вода, а шампанское. Каратов теперь понял назначение стакана: пузырьки сигналят, что давление стало очень низким, ведь вода кипела при комнатной температуре.

Иванов наклонил голову и внимательно наблюдал за пузырьками. Он знал: вот так могла бы закипеть сейчас и его кровь; газ, растворенный в крови, зашипел бы пузырьками и раздул бы тело мгновенно в шар. Ведь раздуваются же рыбы, которых сеть вытаскивает с морского дна, они распухают прямо на глазах и даже лопаются — на них не жмет больше привычная тяжесть воды. Но он, испытатель, «поднялся» со дна воздушного океана на много километров и остался цел и невредим, потому что одет в замечательный костюм. Костюм обтягивает фигуру с такой же силой, с какой давит на человека воздух в обычных условиях, на того же журналиста, смотрящего в иллюминатор. Впрочем, журналист, наверное, не замечает этой тяжести. На земле не думаешь про воздух и не ценишь его.

Анатолий Евгеньевич действительно совсем не думал о тяжести воздуха. Он с восхищением наблюдал, как стрелка прибора перевалила за вышину величайшей горы мира Джомолунгмы, как достигла она высот полета аэростатов и современных самолетов и как Иванов после этого встал и прошелся по барокамере, словно он гулял в сквере.

— Самочувствие?

— Хорошее!

Испытателя окружал такой же разреженный воздух, в каком летают лишь высотные самолеты.

На этом опыт окончен. В камеру с шипением устремился воздух. Вскоре Иванов вышел.

Каратов поздравил его с успехом. Ему очень нравился этот спокойный, смелый человек.

— Как ваши впечатления? — спросил врач в шлеме.

— То, что я видел, — сказал Анатолий Евгеньевич, — лучше фантазии.

— Ну, всего лишь проверка защитного костюма. — Врач снял

свой шлем и открыл высокий лоб, расчерченный линейками морщин. — Да, вот еще что, уважаемый Анатолий Евгеньевич. — Он взял журналиста под локоть и отвел в сторону. — Прошу вас об одном: чтобы читатели, ознакомившись с вашей статьей, не решили, что Иванов полетит в космос. Кто будет первым счастливцем и когда это случится, мы и сами еще не знаем. Можно лишь сказать, что первые космонавты будут одеты примерно так, как вы сегодня видели. Но до настоящих полетов у нас много еще работы. Летать пока будут безотказные разведчики — собаки. Кстати говоря, они сейчас привыкают к герметическим кабинам…

Когда Каратов попрощался с врачами и шел по коридору, он и не подозревал, что за одной из дверей, в маленькой, наглухо закрытой кабине с круглым окошком лежала знакомая ему собака. Она готовилась к встрече с третьим будущим противником — пустотой космического пространства.

Неудачная поездка

По вечерам, когда собаки отдыхали, в клетки пробиралась скука. Собаки потягивались, пружиня вытянутыми лапами; из клеток вылетало несколько робких зевков. Через минуту все откровенно зевали. Кто-то при этом повизгивал, кто-то чихал, кто-то затягивал тихую жалобную песню.

Но едва появлялся дежурный врач, как настроение менялось. Человек заводил дружескую беседу, шутил, угощал сахаром.

Самыми забавными были разговоры с Мальчиком. Пес садился, наклонял голову набок, выражая внимание, и честно смотрел в глаза.

— Ай-ай-ай, Мальчик, — говорил врач. — Что же получается?

«Что?» — спрашивали честные глаза Мальчика.

— Вчера ни одного замечания, молодцом прокатился на центрифуге.

«Было такое дело!» — с гордостью подтверждал поднятый черный нос.

— А сегодня? Не успел войти в лабораторию, как прыгнул на мой стол и подмочил все бумаги!..

«Да что вы?» — Весь вид Мальчика выражал страшное

удивление.

— Неужели ради этого надо было обязательно лезть на стол? — вопрошал пострадавший.

«Конечно, нет!» — понимающе махал собачий хвост.

— Есть у меня один знакомый пудель, — продолжал врач, — очень умная собака. Он никогда бы не допустил такой вольности. А ведь он живет в обыкновенной квартире. А ты, Мальчик, все же в институте. Ай-ай!

Чем больше было укоризненных «ай-ай», тем чаще моргал Мальчик. Он медленно вставал, уходил в угол и стоял там, повернувшись ко всем опущенным хвостом.

Незаметно кончался вечер. Приходил сон.

Каждую ночь щедро валил снег, и сугробы, не тронутые дворником, все росли и росли, тянулись к подоконнику. Оставалось совсем мало дней до той ночи, когда по сугробам должен был пройти и шагнуть в комнату Новый год.

Однажды вместо тренировки Кусачке и еще двум собакам — Пестрой и Мальчику — разрешили побегать во дворе по снегу. Потом собак взвесили, взяли у них на анализ кровь, в рентгеновском кабинете сделали снимки грудной клетки. Все это бывало и раньше. Но сейчас в действиях врачей чувствовалась особенная торжественность.

Событие, к которому в институте так долго готовились, должно было на этих днях свершиться.

— Валя, проверьте еще раз анализ крови Пестрой. Почему у нее отклонение от нормы? — волновался Василий Васильевич.

— Очень странно, — отвечала Валя. — Питание усиленное, сон спокойный. Как же так?

Неужели Пестрая заболела?

Василий Васильевич осмотрел собаку. Ходил по комнате, думал и ничего не мог понять.

— Знаю, знаю! — спустя полчаса объявила Валя. — Ее покусала Козявка. Зина Воробьева дала Пестрой конфету, а Козявка кинулась отнимать. Ну ничего, завтра у нее все пройдет!

Елкин укоризненно качает головой. А Валя рада, что Пестрая не заболела и таинственная причина оказалась совсем простой.

В эту ночь у мороза разыгралась фантазия, и он разрисовал стекла как только мог.

Утром Елкин, одетый в полушубок, пушистую шапку и валенки, нацепил на Кусачку, Пеструю и Мальчика ошейники, вывел собак на двор. Там их ждали три врача. А у окон были все сотрудники. Валя, Зина, Дронов, профессор и еще много других людей, добрые руки которых хорошо знали мохнатые испытатели. Они махали, что-то кричали в форточки.

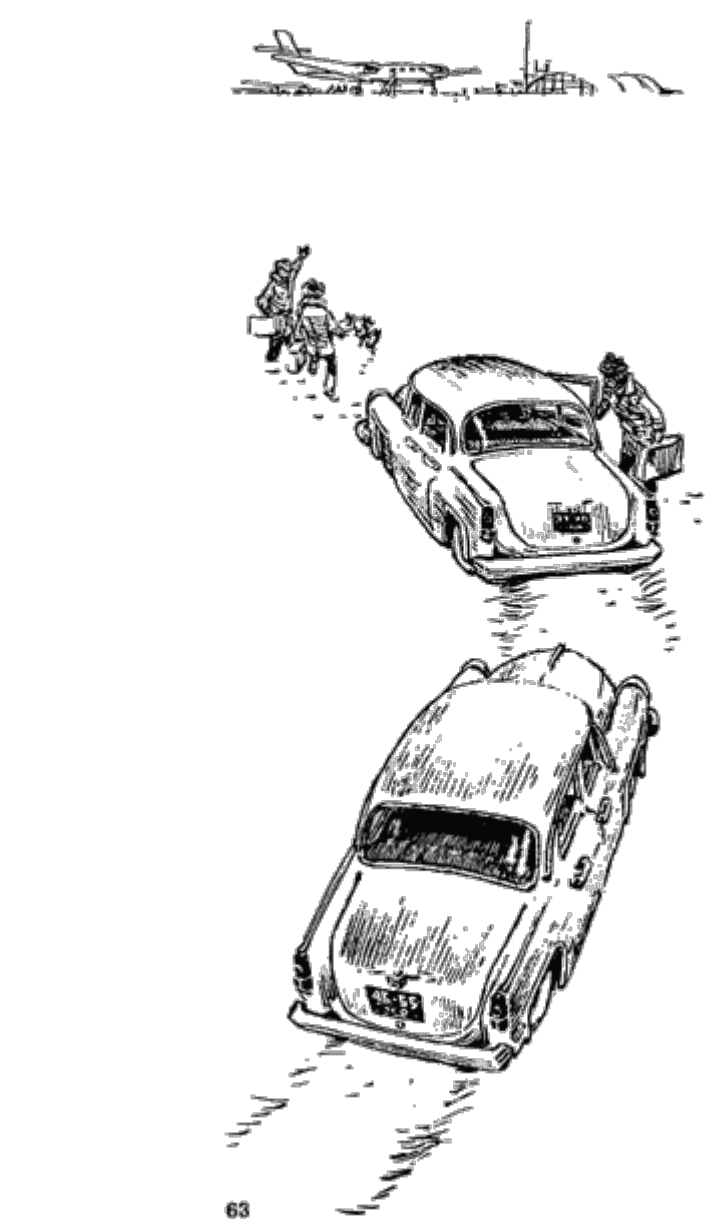
У калитки — две «Волги». Елкин с собаками сел в один автомобиль, врачи — в другой. Путешествие началось при полном молчании, какое и бывает в особо торжественный момент. Лишь пели моторы, легко ведя машины навстречу цели.

Когда дверца распахнулась, четвероногая команда была удивлена открывшимся простором. Собаки озирались по сторонам и не могли понять, куда исчезли дома, улицы и вообще весь город. Перед ними лежало ровное заснеженное поле, на

котором высились крылатые машины.

«А ведь самолет они, пожалуй, видят впервые, — подумал тревожно Елкин. — И еще это поле… Не почувствуют ли они себя снова бродягами? Не начнут ли лаять?»

Нет, не лаяли. Спокойно дошли, иногда зарываясь носом в снег, до самолета и легко вбежали по трапу.



Пассажиры, сидевшие уже в креслах, — а это были инженеры-ракетчики, техники, конструкторы — встретили Кусачку, Пальму

и Мальчика таким веселым шумом, что они смутились и постарались как можно быстрее улечься у ног Василия Васильевича. Заревели моторы, самолет качнулся и медленно тронулся с места. Потом остановился, постоял, как бы прислушиваясь к вою моторов, и ринулся вперед, с каждой секундой набирая скорость, чтобы плавно, почти незаметно для пассажиров оторваться от земли и взлететь.

Через два часа самолет специального назначения сделал вынужденную посадку: радио сообщило, что впереди разыгралась снежная метель. Путники и экипаж летчиков расположились в небольшой гостинице при аэродроме. Вскоре и вокруг этого дома закружился вихрь белых точек, скрыв из виду летное поле и весь остальной мир.

Но и утром взорам людей предстала сумасшедшая пляска снега. Этот день был помечен в календаре тридцать первым декабря. Все настроились встречать Новый год в маленькой гостинице, как вдруг лица опечалило неожиданное сообщение: запуск ракеты отменялся из-за непогоды.

В Москву можно было вернуться поездом или же, когда стихнет метель, самолетом. Взглянув в окно, москвичи сказали: «Конечно, поезд». Стали собираться в путь.

— Что делать? — советовался Василий Васильевич с Кусачкой, Мальчиком и Пестрой. — Времени час, буфет закрыт, и хочется смертельно есть. Оставить чемодан здесь, вас взять с собой и бежать в столовую? Нет, с вами не пустят… Взять чемодан, вас оставить здесь и мчаться обедать? Нет, не успею вернуться… Вот что! Беру чемодан, и все идем в столовую! Будь что будет!..

В столовой гардеробщик подозрительно покосился на собак, но, увидев, что они на поводках, ничего не сказал и взял на сохранение чемодан, за который, как гласила табличка, администрация ответственности не несла.

Подбежавшая к столику официантка чуть не споткнулась о сидящих собак, ахнула и, присев на корточки, погладила всех троих: «Милашки!»

Она принесла Василию Васильевичу суп в фаянсовой тарелке, а «милашкам» — в железных. Первая была подана на стол, остальные прямо на пол. Овсяный суп в железных тарелках был, как и полагается, холодный. Кроме того, понимающий повар положил туда костей от гуляша. Вот это был обед на славу!

К поезду успели в самый раз. Подбежали к восьмому вагону. Проводник проверил билет, протянул его назад и строго сказал пассажиру с собаками:

— Молодой человек, трех собак везти нельзя. На вагон разрешены по инструкции две собаки. Ничего не могу поделать.

И даже в такой момент Василий Васильевич, знавший, что поезд стоит всего две минуты, не вышел из себя и вежливо ответил проводнику:

— Извините, я разорваться на два вагона не могу. Придется

нарушить инструкцию.

Говоря это, он бросил в тамбур чемодан и перенес Мальчика, потом Пеструю, потом Кусачку. Поезд тронулся с места.

Вагон был не купейный и полон народу. И, пока человек с тремя забавными собачками пробирался к своему месту, его сопровождал гул, выражавший любопытство и радость. Потом вдруг появилось так много детей, будто они вылезли из всех чемоданов. И едва Василий Васильевич устроился, как старичок, покосившись на валенки и полушубок своего соседа, стал задавать вопросы:

— Вы охотник? А почему, извините, с дворняжками? Или на медведя можно и с дворняжками? И получается не хуже, чем с лайками?

Волей-неволей Василию Васильевичу пришлось заводить охотничий рассказ, прерывая его иногда, чтобы вывести собак в тамбур. Не мог же объявить он старику, что это не простые дворняжки, а космонавты. Ему бы просто не поверили, что такие важные особы едут в обыкновенном поезде.

Рассказ об охоте был такой длинный, что тянулся он до самой Москвы.

А на вокзале Василий Васильевич взглянул на часы и увидел, что до двенадцати часов остается полчаса.

— Будем справлять у меня! — объявил Елкин спутникам. — Накормлю вас колбасой и уложу спать.

Они ворвались в квартиру вместе с Новым годом и всех очень обрадовали — и жену Елкина, и его мать, и восьмилетнего сына Сашку. Василий Васильевич расцеловал их по очереди, потом всех вместе поздравил и сказал:

— Как вкусно пахнет елкой!

Что же касается Кусачки, Мальчика и Пестрой, то они нашли, что лучше всего пахнет колбаса. И вскоре полакомились ею. А потом, утолив голод, весело играли с мальчиком Сашей и забыли про свою поездку.

Утром Елкин отвез собак в институт. Оказалось, что их клетки заняли новые бродяжки, прибывшие с ветеринарной станции. Путешественниц поместили в другой комнате, всех троих в одной небольшой клетке. Это было не совсем удобно. К тому же в комнате стояла пустая клетка.

Но Василий Васильевич не стал ее открывать. Он постоял около пустой клетки молча, взглянул на знакомую табличку и вышел.

На пустой клетке была надпись: «Здесь жила Лайка».

ЗДЕСЬ ЖИЛА
ЛАЙКА

Здесь жила Лайка

Чтобы рассказать историю пустой клетки, заглянем в недалекое прошлое, в год 1957-й.

Третье октября того года было для мира обычным, будничным днем. Школьники сидели за партами. Рабочие стояли у станков. Летчики летали быстрее звука. И никто не подозревал, ложась вечером спать, что завтра он проснется в другой эпохе.

А утром четвертого октября весь мир был взбудоражен новостью: над Землей летал серебристый шар! И хотя он был небольшой, этот первый космический снаряд, но люди понимали, как важно это событие. Как укрощение огня. Как рождение паровоза. Как взлет самолета. Как открытие электричества или атомной энергии.

Ученые мира поздравляли своих советских коллег. Рабочие были горды: вот какое чудо могли создать их руки! Летчики завидовали космической скорости шара, какую трудно было раньше представить, — восемь километров в секунду. А школьники, сидя за партами, уже летели в своих мечтах в далекий космос.

Дорога к звездам была для людей открыта! Она уходила в бесконечность Вселенной. А начиналась в стране красной пятиконечной звезды.

«Новая звезда!», «Летающая фантазия!», «Советская луна!..» Газеты всех стран подбирали слова для сенсации. И вот все сошлись на одном имени: «Спутник»! Хорошо звучало русское слово. Как слово «товарищ».

Полетели письма.

«Москва. Спутник. Я хочу лететь в космос».

«Москва. Спутник. Требую зачисления меня в список космонавтов».

«Москва. Спутник. Если нужно, отдам свою жизнь на благо науки».

Так писали летчики, студенты, пионеры. Тысячи людей горели желанием осваивать космос.

А в это время в доме на тихой улице уже тренировались десять испытателей, один из которых должен был лететь в новом спутнике. Десять послушных собак, опоясанных ремнями, похожих на маленьких парашютистов, кружились в люльке, слушали шумы, сидели в тесных клетках, терпели всякие неприятности и радовались — ну, словом, переживали все то, что выпало потом на долю Кусачки и других наших знакомых.

Из десяти выбрали одну — Лайку.

Почему ее так звали, никто не мог сказать. Лайка ни на кого ни разу не гавкнула. И вообще залаяла только один раз — на темной узкой лестнице. Лайка шла тогда наверх, а девушка бежала вниз. Лайка посторонилась, давая дорогу, но девушка ее не заметила и наступила ей на лапу. Лайка тихонько пискнула и напугала девушку. Трусиха со страху завизжала во весь голос и перепугала собаку. Первый раз в жизни высказалась тогда Лайка во весь голос…

Молоденькая дворняжка с тонкими ножками, коротким хвостом и наивной, удивленной мордочкой оказалась самой выносливой. Врач Дронов, запуская свою машину, хмурил брови и качал головой; он вызывал могучие силы и не знал, стерпит ли их удары собака. Космическая медицина ничего не могла ему подсказать. Еще никто никогда не делал такого опыта — не готовил пассажира для спутника.

А Лайка терпела все, до последнего оборота машины. Дронов открывал дверцу, бережно брал собаку на руки, вытирал ей морду носовым платком. Поникшие ушки Лайки поднимались торчком. Нет, никакая сила не могла сломить упорства собаки с острыми, как копья, ушами!

— Итак, — заключил Дронов, — в момент старта надо лежать. Чтобы перегрузки атаковали: спина — грудь. Потом спутник выходит на орбиту — все становится невесомым. Тут собака лапами оттолкнется от пола, сядет или встанет.

— Лежать, сидеть, стоять, — повторил Елкин. — И все это в маленькой кабине. Нужна специальная одежда, которая будет и держать, и позволять двигаться, — как детский лифчик.

— Кормить, кормить ее не забывайте! — напоминал институтский механик Сережа. — А как ее прикажете кормить, коли все будет без веса? Воду в миску не нальешь — выкатится колобком. Колбасу положишь — уплывет. А попробуй поймай ее, когда лифчик держит — и ни с места.

Изобретали все: врачи, ученые, лаборанты. Кроили и шили костюмы. Считали, сколько съедают в день четвероногие испытатели, сколько сил тратят. Готовили обеды по разным рецептам и давали отведать их собакам. Составили такое меню: сухари, мясной порошок, говяжий жир, вода. А как все это связать, чтобы космический завтрак не разлетелся по кабине?

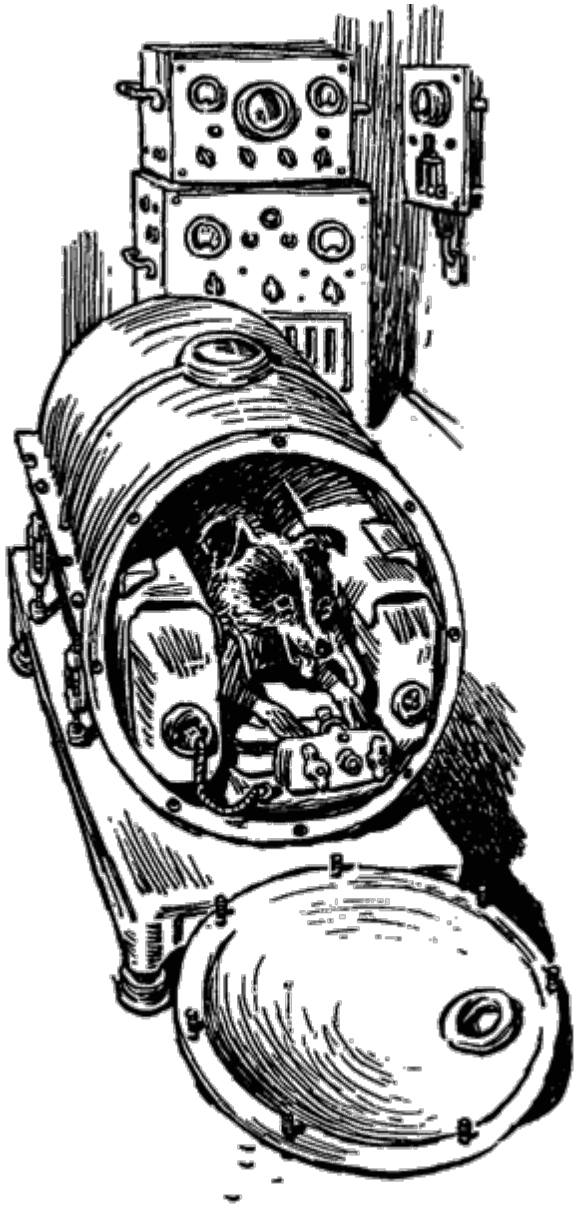
Кому-то пришла счастливая мысль: пастила! Вязкий продукт, который кладут в пастилу.

Он называется агар-агар и содержится в морских красных водорослях.

Порошок агар-агар — чудесная находка. Он склеил все продукты и воду в питательный студень. Положили клейкую массу в мисочку — не вываливается. И есть можно: вкусно и питательно.

На заводе для Лайки сделали цилиндрическую кабину с круглым окошком. В ней разместились приборы для наблюдения за собакой, автомат-кормушка с запасом вкусного студня, химические вещества, которые давали кислород и поглощали углекислый газ, и специальное кресло для пассажира. В этом кресле Лайка, одетая в легкий костюм, могла двигаться вперед и назад, сидеть, лежать, стоять. Получился небольшой, крепко запертый домик, похожий на бак с круглой крышкой. В нем Лайке была не страшна космическая пустота.

Она проводила в кабине день за днем. Автомат ее кормил, химические вещества питали кислородом, а металлические стены сохраняли полную тишину. Вот и все. Правда, в иллюминатор то и дело заглядывали врачи, но Лайка их не видела. Она привыкла быть одна и вела себя спокойно. Перед обедом она смотрела не отрываясь на пустую кормушку и облизывалась.



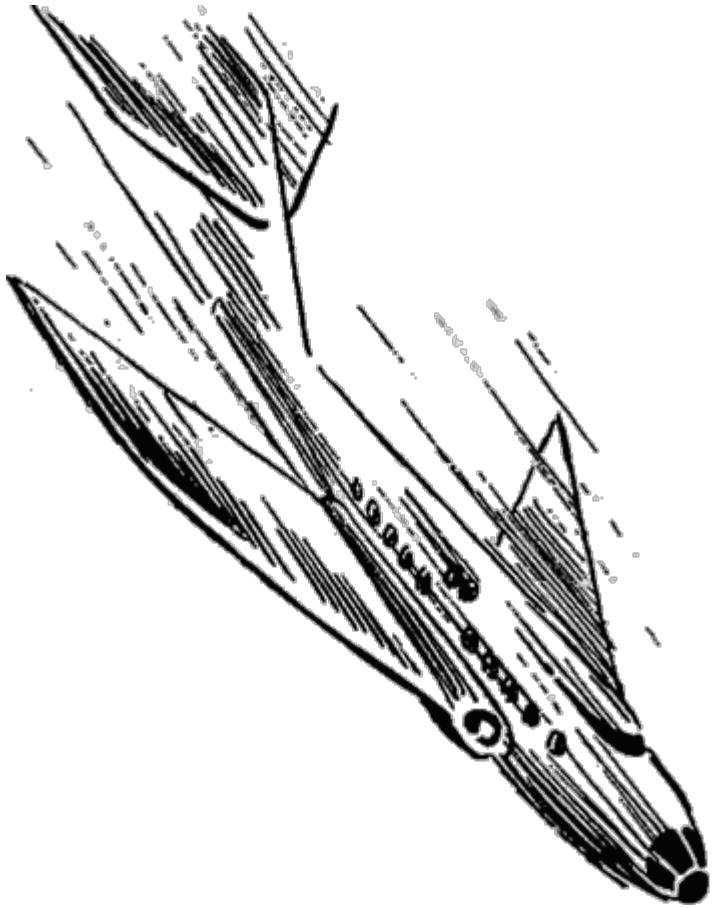
На земле все было хорошо. А в космосе?

Больше всего врачей беспокоила невесомость. После того как невидимая тяжесть намнет космонавту бока, он вдруг полностью потеряет вес, повиснет в воздухе. Как будет работать сердце? Как перенесет оно такие странные превращения?

Некоторые иностранные ученые делали мрачные предсказания: в невесомости жизнь будет продолжаться всего несколько минут. Кровь, говорили они, потеряет вес, не будет давить на стенки сосудов, и сердце остановится.

«Так ли это?» — волновались космические врачи всего мира. Плохо было то, что в лаборатории невесомость создать было невозможно. Есть на Земле только одно место, где тела не имеют веса: в центре земного шара. Там притяжение Земли действует одинаково во все стороны и взаимно уничтожается. Но разве заберешься так глубоко? Разве прорoешь тоннель в шесть тысяч километров?

И вот в небо взмыли самолеты. Они набирали высоту и потом летели вниз, выписывая огромную кривую линию, совсем как брошенный вверх камень. Такой полет называется параболическим, и в верхней его части, когда самолет переваливает через невидимую воздушную горку, в кабине возникнет краткая невесомость. Две силы действуют одновременно на пилота: центробежная сила стремится удалить его от Земли, словно он пущенный из пращи снаряд, земное притяжение тянет вниз. Эти силы уравновешивают друг друга, и человек теряет свой вес. В течение нескольких секунд он мог сидеть в воздухе без всякой опоры.



Летчики рассказывали разное. У одних появлялась тошнота и головокружение, как при качке на море. Другие не могли справиться с собственными руками и ногами. Третьи представляли, что они лежат в гамаке; им было очень приятно, и они говорили, что невесомость — лучший санаторий для отдыха.

Но, может быть, последние ошибались, как и французские пилоты воздушного шара «Зенит»? Может, они просто не чувствовали опасности?

Улетели ввысь ракеты. Их пассажиры — черепахи, крысы, мыши, собаки, — как и летчики в параболическом полете, теряли на время вес. Но уже не на несколько секунд, а на несколько минут. Целые и невредимые животные спускались на парашюте.

Три, пять, десять минут были они в невесомом состоянии. Пока все было хорошо.

Ну, а часы? А дни?

Конечно, Дронов, профессор, Елкин и все другие, кто готовил

Лайку к полету, надеялись, что сердце космонавта будет биться и часы и дни. Но тут же их тревожили новые опасения. Как Лайка поведет себя, потеряв опору под ногами? Ведь даже царь зверей — лев цепенеет, когда в цирке качается на качелях. Он может взмывать над головами зрителей, и это не опасно: лев так напуган, что не шелохнется. Известен и такой случай: один тигр, которого везли в зоопарк в самолете, облысел от нервного потрясения.

Не перепугается ли так сильно Лайка? Будет ли двигаться, есть? Все было загадкой для врачей.

Многоступенчатая ракета — целый ракетный поезд — умчала второй спутник с Лайкой.

Третьего ноября того же 1957 года люди узнали и полюбили смелую собаку. Они рассматривали ее портрет в газетах, и им было и радостно и грустно одновременно. Радостно потому, что видели первого космонавта, грустно потому, что знали: космонавт не вернется.

Лайка, милая верная Лайка, как ты обрадовала ученых всего мира! Слабый стук твоего сердца, который летел с тысячекилометровой высоты, заглушил для них все иные звуки.

И на бумажной ленте самописцы чертили рисунок, похожий на силуэт города с выступающими шпилями высотных зданий.

Билось, билось сердце космического пассажира!

В институте был праздник. Над Землей летало первое живое существо, о котором можно было сказать всё двумя старыми греческими словами: космос — Вселенная, наутика — плавать! Плывущий во Вселенной. Космонавт! Он вышел из этих стен.

Бумажная лента рассказала врачам, как взревели ракетные двигатели, и Лайку напугал страшный шум. (Да что Лайку! На ракетодроме от воя двигателей и бывалым летчикам становится иногда не по себе.) Некоторое время Лайка вертела головой, потом огромная тяжесть прижала ее к полу, и сердце ее забилось в три раза быстрее — ракетный поезд пробивался сквозь атмосферу, — как вдруг все сразу стихло, и собака от неожиданности вскинула голову, оказавшись в неподвижной пустоте.

Хорошо, что Дронов приучил ее переносить свинцовую тяжесть тела. Как и после катания на центрифуге, грудь Лайки

расправилась, сердце постепенно успокаивалось. И хотя на земле Лайка никогда не была в таком странном состоянии легкости, она не испугалась. Отдохнув, осмотрелась. Потом лапы плавно оттолкнули тело от пола, и космонавт сделал первые шаги в невесомости.

Врачи окончательно решили спорный вопрос: невесомость не опасна для жизни! Конечно, человеку труднее, чем Лайке, привыкнуть к тому, что не будет ни верха, ни низа, ни опоры под ногами. Ведь кружится у многих голова у обрыва, кружится даже при одной мысли, что можно упасть. Но человек — хозяин своих чувств, ощущений привычек. Чудесно владеет своим телом балетный танцор, уверенно летит с трамплина лыжник, гонится за рыбой с ружьем в руках подводный охотник, не боится высоты летчик. Человек может научиться плавать в воздухе! Он привыкнет владеть своими руками и ногами, которые сразу станут необыкновенно сильными, научится пить из мягких пластмассовых бутылочек, выдавливая из них воду, и будет легко, как муха по потолку, ходить вниз головой в магнитных башмаках.

Можно было лететь на Луну. Можно было придумать космический санаторий для сердечнобольных. Можно было просто сидеть в воздухе. Все это разрешала своим открытием Лайка.

Семь дней жила она в спутнике. На восьмой кончился кислород…

А в институте осталась стоять пустая клетка. К ней прибили табличку: «Здесь жила Лайка». И никого в эту клетку не пускали.

Пустая клетка напоминала о том, что следующего космонавта

надо вернуть на Землю.

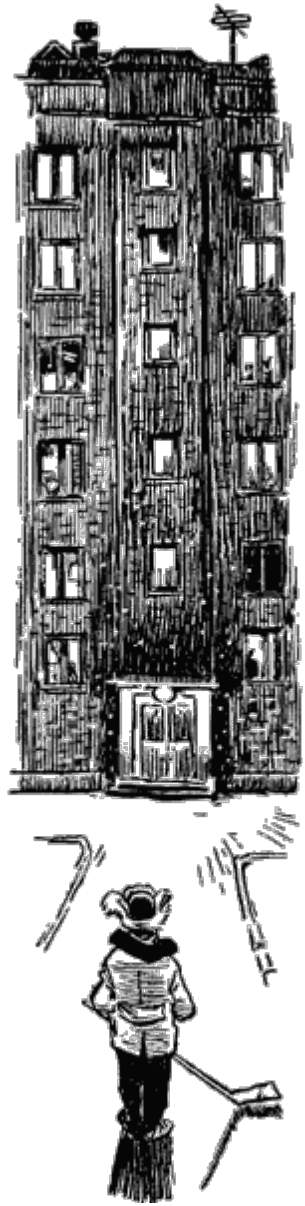
Добрый карандаш

Зима забаррикадировала Борькину улицу сугробами. И теперь, просыпаясь по утрам, он слышал, как состругивают снег с тротуаров лопаты дворников.

На пустыре за пограничным домом открыли каток, и в самом центре его, там, где когда-то двое смельчаков запускали ракету, домоуправ установил елку. Борька видел однажды собственными глазами, как вокруг нее катались, взявшись за руки, Гена и Любка. Гена, изогнувшись ласточкой, сделал на одном коньке восьмерку. И Любка, в красном свитере и такой же красной шапочке, тоже сделала восьмерку. Потом они стояли, разговаривали. Снег сверкал на Любкиной шапочке золотыми блестками. Любка улыбалась Генке так, словно она была не Любка, а фея.

Все были счастливы, даже домоуправ. Он совсем забыл про историю со взрывом. Но остались в доме молчаливые свидетели неприятного события, которые волновали Борьку больше упреков. Ему попадались на глаза то маленький пестрый матрац, на котором в углу за диваном спала Тяпа, то ее жестяная миска на кухне, в которую заботливая хозяйка еще недавно складывала кости. Хуже всего было тогда, когда начинались разговоры, какой, мол, ласковой и умной собакой была пропавшая. В такие минуты Борька не выдерживал, хватал шапку и, не говоря ни слова, исчезал из дому. Он носился по улицам, придумывая на ходу сотни вариантов спасения Тяпы. Обычно Борька так увлекался, что не замечал наступающей темноты и возвращался домой, когда дом уже сверкал огнями.

«Вот он — домище какой, — поглядывая на освещенные окна, вздыхал Борька. — Может, две тысячи людей живут в нем, а может, и больше. И никому нет дела до того, что где-то замерзает Тяпа. Генка? Лучше о нем не думать. Наверное, сидит изобретает ракету. Или с отцом журналы рассматривает. Каратовым почтальон приносит столько журналов, что и названий всех не упомнишь».



Еще совсем недавно Борька завидовал Гене: у того отец журналист, а у него обыкновенный токарь. Но после того как весь 6 «А» побывал на «Шарике» (так ласково зовут приятели отца свой завод шарикоподшипников) и Борька увидел там протянутый через весь цех плакат «Равняйтесь на товарища Смелова!» — у него словно глаза открылись.

Вечером, когда отец принялся, по обыкновению, пить чай из большой кружки с цветочками, Борька уселся напротив и стал разглядывать его брови, глаза, нос так пристально, что старший

Смелов даже встревожился.

— Ты что это на меня уставился? — изумился он. — Я тебе кто — Аполлон Бельведерский? Иди-ка ты лучше спать.

И Борька отправился спать, унося в сердце тепло от мысли, что рядом с ним, под одной крышей, живет человек, на которого все равняются…

«Может, пойти домой, сыграть с отцом в шахматы? — Борька посмотрел на свои окна и сразу же раздумал: — Нет, еще погуляю. Отец, видно, сидит за чертежами, раз зеленая лампа горит…»

Когда ты один и тебе грустно, мысли плывут непрерывно. И кажется, что и дома́, и заборы, и уличные фонари внимательно слушают тебя. Вещи — отличные собеседники и никогда не прерывают речей. И если ты внимателен, они и сами расскажут тебе немало интересного.

Много историй, грустных и веселых, рассказывают Борьке огоньки в окнах. По тому, как светится на втором этаже красный абажур, можно определить, пришла с работы дрессировщица Софья Лэп или в доме хозяйничает ее старая нянька Анфиса. Анфиса без хозяйки ввертывает лампочку послабее, ради экономии. А Софья Лэп любит свет яркий, бьющий в глаза. У дрессировщицы живут ученые собаки. Ходят слухи, что одна из них умеет говорить «фи» и «чепуха». Вот бы рассказать дрессировщице про Тяпу! Но каждый раз, когда Софья Лэп появляется в подъезде в сопровождении одной из своих удивительных собачек, у Борьки исчезает решимость, а через минуту исчезает за поворотом и сама дрессировщица.

В двух квартирах с балконами на пятом этаже поселились генерал в отставке и знаменитый художник. Если у генерала горит свет, а у художника в окнах темно, это значит, что художник в гостях у генерала, и наоборот, как только гаснет лампочка у генерала, загорается оранжевый огонек в квартире художника.

Художник Константин Павлович Рогов — человек особенный. С помощью карандаша и красок он пустил гулять по свету добрую сотню смешных человечков, предназначенных радовать мальчишек и девчонок, и перещеголял в этом искусстве самого папу Карло, создавшего, как известно, длинноносого Буратино. Как и папа Карло, Рогов великодушен к своим созданиям, и даже самые нелепые из них вызывают у ребят симпатию.

В любую погоду вы можете увидеть Рогова на балконе в теплых ботах, закутанного в пальто и шарф, с полевым биноклем в руках. Кое-кто пытался, завидев странную фигуру, сравнить ее с огородным чучелом, но тут же раскаивался, потому что

мальчишки не прощали насмешек над художником.

Дело в том, что Рогов тяжело болен и врачи запретили ему выходить из дому. А с балкона, как с капитанского мостика, он видит далеко вокруг. Полевой бинокль ведет его по улицам и переулкам, и сотни неповторимых лиц, старых и молодых, веселых и задумчивых, мелькают перед его взором.

С бледного лица художника никогда не сходит широкая, во весь рот улыбка, она словно освещает его и делает еще заметнее

яркие, с доброй смешинкой глаза.

Вот он увидел в толпе что-то интересное; одна рука прижала к глазам бинокль, другая схватила отточенный карандаш.

Проходит несколько минут, и на белом листе бумаги, словно приколотый, юлит, заглядывая по-собачьи в рот начальнику, подхалим, торопится, путаясь в широченном пальто-мешке, сверхмодная девица, сгибается под тяжестью портфеля бюрократ.

Многие, рассматривая рисунки Рогова, сначала безудержно смеются, а потом вдруг затихают, стыдливо прячут глаза, узнавая что-то похожее.

Борька вспомнил, как сегодня утром, проходя мимо двери Рогова, он столкнулся с высоким гражданином, который боролся с душившим его смехом. Видно, еще в квартире он начал смеяться и теперь никак не мог остановиться. Незнакомец крутил головой, приседал и вытирал ладонью проступившие слезы. Отдышавшись, он открывал папку, заглядывая в рисунок, и новый приступ смеха овладевал им. Наконец он выскочил на улицу и тут остолбенел, увидев человечка в узких брючках, вышагивающего по снегу в лакированных туфлях. Туфли прохожего отчаянно скользили, высокий кок, закрученный знаком вопроса, вздрагивал при каждом его шаге. Дело кончилось тем, что ноги франта разъехались, и он, взмахнув руками, шлепнулся в снег. Человек с папкой и Борька бросились к нему на помощь. Встав на ноги, владелец лакированных туфель отряхнулся, недоумевающе пожал плечами и, покачиваясь на длинных ножках, двинулся дальше. Огненно-рыжий шарф, разрисованный обезьянами и пальмами, беспомощно болтался на его шее.

Гражданин с папкой хлопнул себя по лбу и закричал:

— Точно, ей-богу точно!

Подстегиваемый любопытством, Борька заглянул через его плечо и захохотал, словно кто-то невидимый пощекотал у него внутри. На рисунке был изображен именно этот, похожий на попугая франт.

Знакомый Рогова подмигнул Борьке и поднял руку, останавливая такси. Он торопился в редакцию. От его оперативности зависело, появится или не появится утром рисунок Рогова в газете. Если он успеет, то тысячи, нет, миллионы людей будут смеяться завтра над глупым пижонством. А всем известно, что смех действует, как лекарство.

«Но ведь эти же люди могут помочь отыскать Тяпу, если Рогов ее нарисует!»

У Борьки даже дух захватило от внезапной мысли. Он вгляделся в озаренный огнями дом. В мастерской Рогова горел свет. Скорее к нему, скорее!

— Добрый вечер, молодой человек. Чем могу служить?

Серые, в веселых морщинках глаза смотрят ободряюще, и Борька прямо с порога начинает быстро-быстро рассказывать о Тяпе, о ракете. Художник, не перебивая, пятится назад и, увлекая за собой гостя, вводит в мастерскую, усаживает на маленький мягкий диван рядом с рыжей плюшевой кошкой, очень похожей на настоящую, сам садится напротив за стол, заваленный карандашами, бумагой, красками.

— Да, это печальная история, — понимающе кивает Рогов. — Люди же, молодой человек, откликаются скорее на веселое, смешное. Но мы попробуем, попробуем. Сейчас и начнем.

Рогов взялся за карандаш. Рисовал он размашисто, решительно, словно атаковал белое поле листа. Скоро он подвинул к Борьке альбом.

— Похожа?

— Похожа! — изумленно и радостно произнес Борька. Перед ним была Тяпа, его Тяпа! Среди сотен других он узнал бы ее вытянутую мордочку, темные ласковые глаза, спрашивающие в упор: «Я твой друг, а ты?»

— Мой главный критик сказал «похожа» — значит, я могу приниматься за рисунок, — весело произнес Рогов.

— Как? — удивился Борька. — Как приниматься? Разве вы не нарисовали Тяпу?

— Нет, голубчик, рисунка еще нет. То, что ты видел, только набросок. Придется тебе потерпеть.

И снова Борька сидел на диване тихо, а Рогов рисовал. Теперь он работал медленнее, то и дело отрываясь от рисунка и улыбаясь чему-то такому, о чем знал только он один.

Когда гостю стало казаться, что художник совсем забыл о нем, Рогов неожиданно позвал:

— А ну-ка, критик, взгляни сюда!

Критик подошел, взглянул и ничего не смог сказать — так он был поражен. Он даже не знал, радоваться ему или сердиться.

Пока он сидел и размышлял, Тяпа из обыкновенной собаки превратилась в космонавта: она летела в ракете, и встречный ветер развевал ее уши, как флаги. И с этим еще можно было бы примириться. Но косоглазые зайцы, волки, белки и лисицы с расчесанными хвостами, которые прыгали, махали лапами и кувыркались, — как они оказались здесь? Потом Борька присмотрелся и увидел, что все это избранное общество собралось для встречи Тяпы. Из малинника прибежал с цветком бурый медведь. Явились, держа друг друга за хвосты, трусливые мыши. И серьезная глупая цапля стояла и хлопала крыльями, не замечая, что лягушонок, которого она впопыхах захватила из болота, раскачивается, ухватившись за ее голенастые ноги.

Борька фыркнул и тут же спохватился: при чем здесь карикатура? Он сдвинул брови и принялся с серьезным видом разглядывать лягушонка. Лягушонок был уморительный… Борька не выдержал и заулыбался. Рогов, все время наблюдавший за ним, облегченно вздохнул… Кажется, он достиг цели.

Главное, чтобы рисунок привлек читателей. Они станут рассматривать его и, конечно, прочтут надпись. В ней будет коротенькая история пропавшей дворняжки и просьба — скорее сообщить в редакцию, где и когда видели собаку, похожую на

Тяпу.

Прошла неделя. Новый рисунок появился в самом веселом детском журнале. Сотни простых и срочных писем полетели в редакцию. Когда они собрались на столе, редактор взял одно наугад и стал читать.

«Дорогой редактор! — писал большими, круглыми буквами владелец собаки с Краснопрудной. — Хочу я сказать дяде художнику спасибо за то, что нарисовал он моего Шарика. Мой Шарик умеет считать до трех, а я до десяти».

Редактор произнес многозначительно «гм» и протянул руку за следующим посланием. Из конверта вместе с письмом выпала фотография крепкого, молодцеватого бульдога. И, хотя бульдог не походил на узкомордую собачонку, нарисованную Роговым, автор письма уверял, что изобразил художник именно его собаку.

Просмотрев еще кипу писем, редактор некоторое время сидел с закрытыми глазами. Ему стало казаться, что по городу бегает по крайней мере двести похожих друг на друга как две капли воды собак. Эти собаки, по заверениям их владельцев, вытаскивали детей из горящих зданий, задерживали воров, были выносливыми, смелыми, преданными — словом, способны были лететь на самую отдаленную планету. Но ни одну из них не подобрали на улице, всех их воспитали из маленьких щенят. Короче говоря, ни одна из них не была Тяпой.

Об этом Борька узнал от самого Рогова. Борька сидел на том же диване, как и в первый раз, рядом с рыжей кошкой.

— Вот так-то, брат. Не прошел наш номер, — закончил свое сообщение Рогов и виновато улыбнулся. — Может быть, ты посмотришь мою библиотеку?

— Нет, уж я пойду, — сказал погрустневший Борька. И, хотя был в самом разгаре день, пожелал: — Спокойной ночи!

Художник не удивился: то ли еще может сказать человек, когда он расстроен…

Хлорелла

Любка была уверена, что стоит ей только выйти за порог, как сейчас же начнутся необыкновенные встречи и приключения, прозвенят за поворотом веселые колокольчики и откроется тайна которая радостно изумит ее. И потому, когда она увидела на лестничной площадке Бориса Смелова, выходящего из квартиры художника, она сказала себе: «Начинается…» Многозначительно посмотрев на табличку «К. П. Рогов», она перевела изучающий взгляд на Борьку и хитро прищурилась, дав понять, что все знает. Но так как на самом деле она ничего не знала, ей оставалось только сказать:

— Борька, идешь на каток?

Не удостоив девочку взглядом, Борис стал спускаться по лестнице.

Молча они вышли на улицу. Был воскресный день, солнечный, с легким морозцем, со скрипом лыж и чириканьем воробьев. И Любка хотела было сказать: «Хватит дуться», но увидела Генку Каратова и остановилась. У изобретателя было такое бледное лицо, словно он перенес скарлатину. «Переживает, — подумала Любка. — Надо помирить его с Борькой».

— Идешь на каток?

Гена пожал плечами, всем своим видом показывая, что вопрос, заданный Любкой, — невероятный, глупейший вопрос.

— Что мне, делать нечего? — сказал он тоном занятого человека.

— Уж не на Луну ли ты собрался? — ехидно спросила Любка.

— Много будешь знать — рано состаришься. — отпарировал Гена, мельком взглянув на стоявшего в стороне приятеля.

Услышав такой ответ, Смелов засвистел и зашагал прочь.

Нет, сегодня Любке не везло. Она решила, что день будет скучным и обыкновенным. Любка и не подозревала даже, что таинственные дела были в двух шагах от нее.

Гена Каратов действительно готовился к полету. Он заранее тренировался и испытывал свою волю. Кто знает, какие еще неприятности придется вынести в летящей ракете? Может, она пролетит не день и не два, а целый год до чужой звезды? И все это время надо будет есть, пить и, конечно, дышать. Гена

вычислил, что человек вдыхает за день двадцать четыре бочки воздуха — каждый час по бочке! Ну, а если год лететь, сколько же бочек понадобится? В одной ракете все запасы не увезешь. Хлорелла — вот что спасет космонавта! Хлорелла выделяет кислород, ее можно есть, и растет она не по дням, а по часам.

Гена выращивал эту водоросль в аквариуме. Чтобы испытать на себе действие хлореллы, он решил не есть целых три дня. Только хлорелла в пищу — и ничего больше!

В тот момент, когда Гена разговаривал с Любкой Казаковой, у него кружилась от голода голова, но он и виду не подал, что ему плохо. Гена с завистью посмотрел на Любку, решительно шагавшую к пустырю. Но он, конечно, не пойдет. Космонавт должен быть стойким, мужественным человеком. Жаль только, что не все это понимают, даже мама. Она все время пристает со своими котлетами: поешь да поешь…

Гена вздохнул, бросил снежком в воробья, усевшегося на подоконнике, и пошел домой.

Дома мать, раскрасневшаяся, с засученными до локтей рукавами, хлопотала у плиты. Сладкий запах яблочного пирога растекался по всей квартире. Генка проглотил слюну. Куда бы он ни смотрел, всюду ему виделся великолепный круглый пирог с румяной корочкой и золотистым вареньем.

Генка даже головой тряхнул, желая отогнать от себя это видение.

Чтобы поддержать бодрость духа, он направился к письменному столу и взялся за дневник Циолковского.

«Подверг себя экспериментам…» — читал он, бодро шагая из угла в угол и думая все время о пироге. — «…по нескольку дней ничего не ел и не пил». Вот как! По нескольку дней. А я? Один день голодаю и уже готов сдаться. Правда, Циолковскому было легче, за ним никто не следил. Ему не приходилось, как мне,

бороться с родителями. А тут, если бы не Тишка, сорвались бы все опыты…

— Тишка, Тишенька, — позвал Гена.

Лохматый сибирский кот, лениво ступая, вышел из-за шкафа и облизнулся. Он явно растолстел, пока Гена питался хлореллой.

— Сейчас мы будем обедать, — предупредил кота Гена.

Он подошел к аквариуму и тоскливо посмотрел на зеленоватую мутную воду. Есть хлореллу не хотелось. И все-таки он взял стакан и, зачерпнув воды, стал процеживать ее сквозь промокашку, свернутую воронкой. При этом он убеждал Тишку:

— В хлорелле, Тишка, есть всё: белки, жиры, углеводы и витамины А, В, С. Так что мы, Тишка, не пропадем!

Тишка со всем соглашался. Он одобрял Генкины сообщения мурлыканьем.

Мужественно проглотив хлореллу, Гена присел на корточки и вытащил из-под стола тарелку с котлетой.

— Иди сюда, Тишенька, иди сюда, миленький, — ласково поманил он кота.

Тишка обнюхал котлету, но есть не стал. (Он уже съел перед этим Генкин завтрак и обед.)

— Ты что же это? Предаешь меня, да? — завопил Гена. Он чуть не плакал от обиды. Испуганный Тишка шмыгнул под шкаф. Но Гена решил не сдаваться. Он вытянул кота за хвост и приволок

его к тарелке.

— Ешь, ешь, предатель! — приказал он.

Таким вот, сидящим на корточках, с протестующим котом в руках, у тарелки с остывшими котлетами, и застала голодающего Гену мать, прибежав на шум из кухни.

Пришлось во всем признаться. Под угрозой, что будет выброшена в окно вместе с аквариумом и хлорелла, если он сейчас же не станет есть, Гена согласился на пирог.

И хотя яблочный пирог был гораздо вкуснее хлореллы, будущий звездолетчик ел его медленно и все время убеждал себя в преимуществе хлореллы перед пирогом в космическом полете.

Пушка или ракета?

Бывают странные совпадения в жизни. Сидят под абажурами в комнатах разные люди, и вдруг заскучал один. Через минуту, смотришь, слоняется без дела второй, третий. Скука, как зевота, передается от одного человека к другому. Взрослые предпочитают скучать в одиночку. А тринадцатилетние, если у них выучены уроки и книжка о Шерлоке Холмсе валяется забытая на полке рядом с «Таинственным островом» и альбомом с марками, и никто из взрослых не хочет больше играть в морской бой, и лед на катке, как назло, такой бугристый после вчерашней метели, что ни один уважающий себя спортсмен не появится с коньками, — тринадцатилетние стайками собираются у подъездов и затевают разговоры о таинственных сигналах, летящих с далеких звезд, о богатырях-невидимках, о секретах бессмертия и тех счастливчиках, которые через тысячу лет будут так же стоять у подъезда и спорить в синем сумраке вечера. Этот нескончаемый разговор длится до тех пор, пока на каком-нибудь этаже не откроется форточка и грозный голос матери не скажет: «Одиннадцатый час, бездельник! Марш домой!»

Именно так, не сговариваясь, встретились вечером на тропе, вытоптанной безразличными ногами прохожих, наши три героя. Оказавшись неожиданно рядом, они были вынуждены поздороваться, при этом каждый сделал шаг в сторону, как бы демонстрируя сцену «Лебедь, Щука и Рак». Но связанные, как веревкой, желанием поговорить, они топтались на месте, надеясь, что кто-то наконец произнесет магическое слово, после которого станет легко на душе и можно будет, не стесняясь, смотреть в глаза друг другу. Любка первая нашла это слово.

— Эй, вы, — сказала она и задрала голову вверх. — Полярная звезда над нашим домом!

Повинуясь ее приказу, мальчишки подняли голову.

— Сейчас не видно, облака плывут, а то бы я показал вам все-все яркие звезды, — сказал Гена.

Борька отметил про себя, что его бывший товарищ произнес «вам», а не «тебе». Большая неподвижная звезда стояла над домом по-прежнему холодно, и так же холодно звучали названия звезд, произносимые Геной: «Алголь, Альдебаран, Альтаир, Альциона,

Антарес, Арктур…», а Борьке показалось, что на улице потеплело.

— Тепло, даже жарко, — сказал он невпопад.

— А на Луне морозище в двести семьдесят градусов, точно по последним данным, — откликнулся бывший приятель.

Между тем Любка протопала в своих белых валенках к крытому ларьку, запорошенному снегом, в котором осенью продавали яблоки, и, подпрыгнув, уселась на прилавке.

— Ой, ребята, как здорово! И с боков не дует, айда сюда!

Борька и Гена ринулись в снежную гладь, изо всех сил взбивая ее ногами, и, когда добрались до ларька, валенки их были полны снега. Приплясывая на одной ноге и держась руками за ларек, они вытряхивали из валенок снег и грозили вывалять Любку в сугробе. Любка же готова была вынести любые испытания, она торжествовала, она видела: льдинка растаяла.

— Держись! Сейчас мы тебе покажем! — крикнул Борька, испытывая удовольствие от словечка «мы», и изо всех сил швырнул в фанерную стену снежок. Схватился за снег и Гена.

— Вот тебе спутник номер один, — комментировал он каждый удар, — вот тебе второй, вот — третий! А это — ракета «Мечта».

На ларек обрушилась целая гора снега. Любка взвизгнула и спряталась в глубину.

— Эй, вы! Хватит! — крикнула она откуда-то из темноты. — Давайте лучше загадывать вопросы. Пусть каждый придумает самый главный в жизни вопрос, а потом будем его обсуждать. Ну, думайте, думайте!

— Вот еще, — буркнул Борька и тут же притих, потому что никто не смеялся.

Прислонившись к палатке спиною, он внимательно смотрел на сверкающие под фонарем крохотные парашюты. Парашюты кружились, сталкивались, разлетались и, опустившись на землю, исчезали в белом ворохе своих собратьев, образуя один огромный, застилающий землю парашют. И как-то сразу на Борьку нахлынули вопросы, они требовали немедленного ответа, каждый казался главным, не решив который нельзя было жить на свете.

— Привет, зяблики! — прогремел вдруг где-то рядом незнакомый голос, и из-за палатки выплыл прохожий в рыжем меховом пальто и шапке-ушанке, сдвинутой на затылок. Засунув руки в карманы, прохожий весело оглядел всю компанию. — Так-так… Что же мы тут делаем? Ищем прошлогодние яблоки? Ну, ну, петушок, не хорохорься! — сказал он миролюбиво, заметив, как сдвинулись Борькины брови. — Я пошутил. Я даже очень рад поболтать с вами. Могу показать фокус. Хотите, буду разгадывать мысли? Да, да, я вижу людей насквозь. Вот ты, — он ткнул пальцем в Любкин рукав, — ты болтаешь ногами и соображаешь, есть ли на свете человек, в точности похожий на меня, который в самый этот момент сидит на прилавке ларька, болтает ногами, а сам думает: вырастет у ящерицы хвост, если его оторвать и забросить подальше, чтобы она его не нашла?

Любка разинула рот.

— Вы, дядя, волшебник? — спросила она серьезно.

— Нет, глупенькая, мне все рассказал твой курносый нос. А ты, — прохожий положил руку на Борькино плечо, — мечтаешь стать невидимкой… Ты, — подошел он вплотную к Генке, — думаешь: нельзя ли изобрести капли, которые дают силу льва и быстроту антилопы? Все эти вопросы — чепуха! Вы лучше-ка отгадайте, как человек полетит на Луну. Из пушки или в ракете?

Задав вопрос, незнакомец круто повернулся и, не дожидаясь ответа, пошел прочь.

— Вот это да! — вздохнул восхищенно Борька. — Мне бы так научиться отгадывать!

— Ну, положим, он не все точно угадал: я об антилопе и не думал, — заметил Гена.

— А как он про ящерицу, про ящерицу-то он как?! — С лица Любки не сходило изумление.

— Жаль, что он ушел быстро, а то бы я ему ответил — пушка или ракета! — возбужденно размахивая руками, заговорил Борька.

— И что бы ты ему сказал? — поинтересовался приятель.

— Я бы ему сказал: вы помните знаменитый гимн снаряду председателя «Пушечного клуба» Барбикена? — И Борька, став в позу, начал декламировать: «О чудное ядро! Дивный снаряд! Я мечтаю о том, что там — в вышине — тебя примут с почестями, достойными посланника Земли!»

— Что это — стихи? И кто такой Барбикен? — заинтересовалась Любка. Она даже слезла с прилавка.

— Вот чучело, — пожал плечами Каратов. — Ты что, не читала Жюля Верна? «С Земли на Луну» и «Вокруг Луны» не читала?

— Не перебивай! — остановил его Борька. — Я сам расскажу. Ну, в общем, там рассказывается о Барбикене — председателе «Пушечного клуба». Ну, о том, как он с друзьями хотел запустить ядро на Луну. Отлили они огромную пушку «Колумбиаду». Назначили день отлета. Народищу собралось — туча. Все ждали, когда же появится Луна. Наконец Луна появилась. Когда она подошла к созвездию Близнецов, раздался взрыв — снаряд вылетел…

— Но до Луны не долетел! — захохотал Гена.

— Ну, почему? — расстроилась Любка. — Так было интересно…

— Он врет! — топнул ногой Борька. — Снаряд долетел. У Жюля Верна точно сказано: долетел.

— То у Жюля Верна, а на самом деле…

— Что на самом деле? Что, по-твоему, на самом деле? — насторожился Борька.

— На самом деле, — стал растолковывать Гена, — ни из какой пушки нельзя запустить снаряд на Луну. Для этого нужна огромная скорость — одиннадцать километров в секунду. А ты знаешь, сколько пролетает в секунду артиллерийский снаряд? Знаешь? — перешел он в наступление.

— Ну, знаю. Три километра. Брат рассказывал.

— Ага! Три километра. Вот и соображай: попадешь ты на Луну? В лужу ты попадешь!

— Ну, ну! Осторожнее, — предупредил Смелов.

— Ты не сердись. Это у нас дискуссия, как говорят греки, честный спор.

— Конечно, дискуссия! — обрадовалась Любка.

— Если это честный спор, — возмутился защитник Жюля Верна, — то почему ты не учитываешь, что «Колумбиада» была не простой пушкой, а особенной, со стволом в триста метров?

— Тем хуже, — спокойно возразил Гена. — Твой Барбикен и его друзья превратились бы в лепешку, если бы из нее выстрелили. Не веришь? Может, ты и французскому ученому Роберу Эно-Пельтри не веришь? Он тоже читал Жюля Верна и все… вычислил. При такой длине ствола, говорит он, получилось бы огромное ускорение, и люди в снаряде стали бы весить в тысячи раз больше, чем на Земле. Соображаешь? Одна только шапочка на голове твоего председателя весила бы тонны и раздавила бы его!

— Не может быть! — ахнула Любка, веря и не веря.

— Что же я, по-твоему, вру? Или ученые врут? Эх ты, девчонка! — Более выразительного слова Генка не подобрал. Девчонка надулась.

Имя француза Робера Эно-Пельтри звучало убедительно. И все-таки Борьке хотелось защитить Жюля Верна. Он перебирал в памяти все обстоятельства лунного путешествия, сравнивал их с доводами Генки и наконец нашел.

— Вода, вода! — закричал он так, словно находился в жаркой

пустыне.

— Борька, — сказала озабоченно Любка, — ты заболел?

Но Борька отмахнулся от нее.

— Ты понимаешь, — с жаром говорил он, — я совсем забыл про воду: они лежали в снаряде на полу, а под полом была вода. Она их спасла. Вот как!

— Водяная подушка? Здóрово! — неожиданно согласился спорщик. — Только ты не радуйся очень. Все равно их бы разбило в лепешку. А мысль правильная. Даже Циолковский считал, что вода может спасти от ударов. Если космонавт залезет в бак с водой, то останется жив. И вообще Циолковский все предвидел.

— Поэтому ты и притворяешься в школе глухим в честь Циолковского? — съязвила Любка.

Каратов сделал вид, что не расслышал.

— А вот у Ефремова в «Туманности Андромеды»… — начал один из мальчишек, но тут Любка не выдержала.

— Хватит Ефремова, хватит Циолковского! — завопила она. — Ноги замерзли.

— А мы сейчас невесомость будем испытывать и согреемся, — пообещал Гена. Он встал на прилавок, подтянулся и плюхнулся на крышу ларька.

Борька — за ним.

Потом они вместе втаскивали за руки Любку.

— Я первая, — сказала она и спрыгнула вниз.

— Что ты чувствуешь? Была у тебя невесомость? — свесившись с крыши, спросил Гена.

Внизу, в сугробе, что-то барахталось и чихало.

— Чувствую… — донесся до ребят жалобный Любкин голос. — Чувствую, что синяк будет на коленке.

— Подожди, мы сейчас! — Оба спорщика бросились вниз. Они упали, так и не успев ощутить невесомость.

— Не та высота, — объяснил поклонник Циолковского.

— Не та, — подтвердил со вздохом защитник Жюля Верна.

Любка уже выкарабкалась из снега и ковыляла к подъезду.

На лестничной площадке космонавты почувствовали себя

дома.

— У Жюля Верна, — продолжал как ни в чем не бывало Борька, — тоже описывается невесомость. Представляете: они плавали по снаряду, как рыбы в воде, и собака Диана с ними. Потом стали пить вино. Поставили стаканы прямо в пространство, налили в них из бутылки и пили.

— И ничего не выпили, — как бы про себя добавил Гена.

— Опять, опять ты придираешься! — напала на него Любка.

— Не выпили, — упрямо повторил Каратов. — Вино выпрыгнуло бы из стаканов, разлилось бы на мелкие капельки и полез по бы в глаза, нос, уши. Все бы кашляли и чихали и даже заболели воспалением легких. Твой Барбикен не знал, что при невесомости жидкость не удерживается в сосуде. Если бы я был учителем, я бы ему двойку поставил.

— А ты забыл, что Барбикен жил сто лет назад? — напомнил поклонник пушечного ядра.

Гена подумал, надвинул шапку на лоб и голосом математика сказал:

— Записываю в журнал: ученик Барбикен не знал действия невесомости на жидкости по уважительной причине. Точка. Двойку вычеркиваю.

— Я тоже сдаюсь, — сказал Борька. — Пушка отменяется. Хотя Жюля Верна я все равно люблю.

— Лети на ракете, не ошибешься, — предложил Гена. — Видал, как ракета «Мечта» махнула к Солнцу? Весь мир ахает, а ведь это все Циолковский предсказал, все формулы его пригодились. Мой отец говорит, что Циолковский — бог реактивной техники. Так что лети смело.

— Хорошо говорить — лети. А что он там есть будет? — забеспокоилась Любка.

— Как — что? Бананы, вкусные, душистые бананы. Он будет выращивать их в оранжерее. И нечего хихикать! Сам Циолковский предложил устраивать на космических кораблях оранжереи. И про бананы он тоже писал. Я лично собираюсь питаться хлореллой. Слышали про такую? Это одноклеточная морская водоросль. В ней полно всяких витаминов. И знаете как растет? За сутки может в тысячу раз вырасти! Я тоже выращиваю дома хлореллу.

— Ты выращиваешь? Где? — в один голос воскликнули слушатели.

— В аквариуме. Могу показать. Айда ко мне!

Приятели с радостью согласились.

Генкин письменный стол оказался маленькой лабораторией. Только в лаборатории можно еще увидеть столько колб, реторт, трубок и всяких других предметов, назначение которых с первого взгляда невозможно понять.

Колбы громоздились в фантастическом беспорядке. Любка, как санитарка, сразу же обратила на это внимание.

Но Гена дал ей отпор, заявив, что даже Циолковский допускал беспорядок в кабинете и никому не позволял ничего переставлять на своем столе.

— В этом беспорядке есть свой порядок, — гордо сказал

Гена. — Я могу найти в нем что хочешь.

Хлорелла оказалась непривлекательной зеленоватой кашицей. Она плавала в аквариуме, прикрытом крышкой из плексигласа. Из крышки торчала изогнутая стеклянная трубка, которая шла к банке с водой и уже там, в воде, своим концом упиралась в колбу. Пока гости рассматривали это странное сооружение, Гена успел сбегать на кухню и вернулся с тлеющей лучиной.

— Сейчас вы увидите, на что еще способна хлорелла, — сказал он, взял колбу и сунул в нее лучину. Тлеющий уголок вспыхнул в колбе ровным, устойчивым пламенем.

— Видали? Кислород! O_2. Это хлорелла выделила. Для космонавтов такие водоросли — клад. И есть их можно — я пробовал, ничего… Да вы садитесь! Что вы стоите, как деревянные? Я вам еще покажу полет космонавта в водяной камере. Мама, — крикнул Гена в открытую дверь, — дай мне яйцо!

Просьба осталась без ответа.

— Вы подождите, я мигом! — пообещал Гена и скрылся.

Если бы гости пожелали заглянуть в кухню, они увидели бы, вернее, услышали бы следующую сцену:

— Мама, дай яйцо!

— Я уже сказала: яиц нет.

— А я знаю, что есть!

— А я говорю — нет.

— Ах так! — Гена встал на стул и полез на дверь. Лег на нее животом и повис макарониной. — Буду так висеть до самой ночи, пока не дашь! — объявил он ультиматум.

Дверь поскрипывала. Мать молча сбивала сливки. Гена мужественно висел вниз головой.

— Чудовище! — с сердцем воскликнула мать. — На вот, бери!

Гена спрыгнул, схватил яйцо, кружку и солонку. Взлохмаченный, он возвратился в комнату, где его терпеливо ждали друзья, и показал им яйцо.

— На ваших глазах растворяю соль в воде. Кружка с водой — водяная камера, — объяснил экспериментатор. — Яйцо — это космонавт. Кладу космонавта в камеру и… — Гена с силой ударил кружкой о подоконник.

— Ах, — сказала Любка.

На пол упали брызги.

— Пожалуйста, убедитесь: космонавт цел, можете даже потрогать его.

Ребята заглянули в кружку.

— Ни одной трещины, — повертев яйцо, подтвердил Борька. — Ты, Генка, профессор.

— Это не я, — честно признался Гена, — это Циолковский придумал, его опыт. Если бы вы ко мне почаще заходили, я бы вам не то еще… показал. — И неожиданно закончил: — Давайте вместе будем, а?

Любка порозовела от волнения: наконец-то! Она переводила взгляд с одного приятеля на другого: оба были смущены и рады.

— И вообще никогда не будем расставаться, — продолжал Гена, — идет?

— Идет, — отозвался Борька.

— Идет, — подтвердила Любка и хлопнула Генку по руке.

…Дзынь! — падают сосульки у подъезда. Гаснут огни в окнах. Вон тот — зеленый — моргнул и погас, объявив всем, что Борька

Смелов спит.

Дзинь!.. И опять тишина. Что это? Сорвалась сосулька или звякнула на столе колба? Ворочается в постели Гена Каратов. Поднимается и видит: китайский мандарин Ван Ху в своем шелковом халате сидит на стуле и раскачивается. Два огромных дракона смирно лежат у его ног.

«Пушка или ракета, пушка или ракета?» — покачиваясь, спрашивает мандарин голосом веселого прохожего, и тоненькая косичка на его голове вздрагивает.

«Ракета, конечно, ракета», — хочет сказать Гена, но губы его шевелятся беззвучно.

Все сильнее раскачивается мандарин, все толще становятся драконы. Вот они уже оторвали стул с Ван Ху от пола. Дзынь… Распахнулось окно, и драконы взмыли в небо. Сверкнул золотом шелковый халат Ван Ху, и Гена увидел в его руках Борькину Тяпу. «Постойте, постойте!» — закричал он изо всех сил и проснулся.

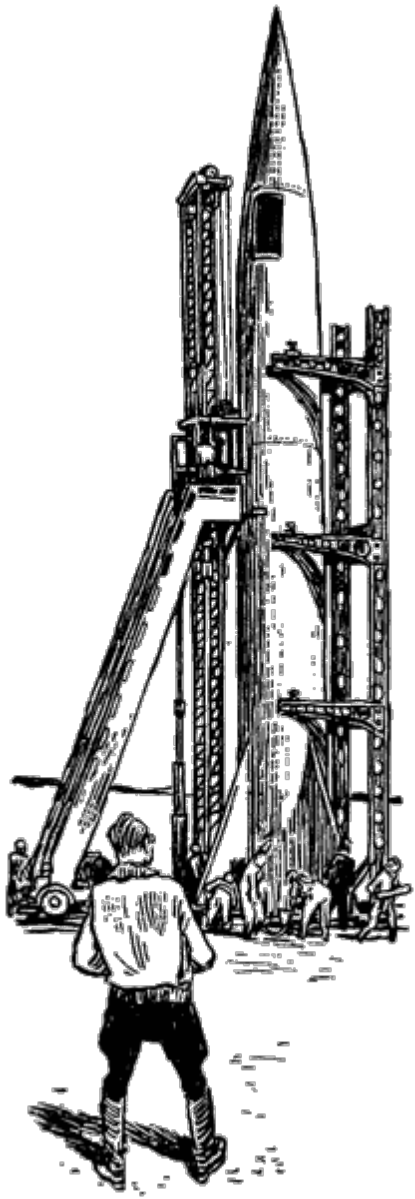
В комнате было темно. Стул стоял на своем месте, а по стене бегал золотистый лучик от фонаря, качавшегося за окном. «Приснилось, — облегченно вздохнул Гена. — А Тяпу надо все-таки отыскать».

Три… две… старт!

В рыжеватом от прошлогодней сухой травы поле стоит в позе часового ракета. Острием нацелена в зенит, в самый центр голубого небесного купола. Смотрит сверху черный глаз открытого люка на ровный простор, на фигурки суетящихся людей, на кабину подъемника, скользящую по рельсам вдоль стройного тела ракеты, на низкий и неуклюжий автомобиль.

Только один человек не работает, не спешит. Широко расставив ноги в высоких сапогах, смотрит он снизу вверх на черный глаз-люк.

Это Дронов. А не делает он ничего потому, что он не инженер и не техник. Те бегают вокруг ракеты, прыгают в подъемник, осматривают, щупают любимое детище со всех сторон. Врач ждет своего момента. Он ведь приехал не только смотреть!



«Циклопище! — с удовольствием оглядывая серебристую трубу с черным люком-глазом, думает Дронов. — Красивый одноглазый великанище! Сколько у тебя разных родителей, нянек… Ученые думали о тебе дни и ночи напролет. Инженеры и техники создали тебя таким, какой ты есть. Твое огромное стальное тело хранит тепло рабочих рук. А крепкое сердце — двигатель, в котором бушует тысячеградусный огонь, — над ним колдовали в печах металлурги. А кровь, легкую огненную кровь, — ее влили в тебя химики. Но куда, скажи, куда полетел

бы ты, сильный великанище, не будь у тебя головы? Скажи спасибо за умные приборы и автоматы физикам! И, конечно, помяни в пути добрым словом математиков: они подсказали каждый твой шаг.

Ракета-ракетища, вот как много у тебя родителей. Всех и не упомнишь. Нет, не думали, верно, итальянцы, когда дали тебе имя „ракета“, обозначающее на их языке обыкновенную трубку, что ты будешь такая могучая. Вздрогнет, задрожит сейчас земля. И это не Илья Муромец прискачет на поле, а ты, ракета, оттолкнешься от земли, помчишься вверх, чтобы поближе взглянуть одним глазом на звезды. Хорошо!»

— Пора, — прервал размышления Дронова чей-то голос.

Подошли Василий Васильевич и Валя. Они держали в руках собачек. Оба были в белых лабораторных халатах: только что брали у пилотов на анализ кровь, взвешивали их, записывали на ленту сердцебиение, мерили температуру. Кусачка и Пальма, пристегнутые уже ремнями к лоткам, — два маленьких парашютиста — хранили спокойствие. Они лишь помахали хвостами, узнав Дронова.

— Пора, — отозвался Дронов.

И они зашагали к ракете.

Кабина лифта поползла вверх.

Собаки наблюдали, как быстро уплывают от них пучки желтой травы, а провожающие, напротив, смотрели вверх.

Лифт остановился у открытого люка. Врачи устанавливают лотки в кабине. Подсоединяют проводки, торчащие из-под одежды пилотов, к аппаратуре. Всё проверяют. И еще раз внимательно осматривают пассажирскую каюту.

Кажется, они всё предусмотрели в этой маленькой кабине, похожей по форме на шляпу. Внутри нее свой мир. Подкладка из войлока защитит пилотов от жары: ракета нагревается в полете не хуже чайника на плите. Для дыхания — баллоны кислорода, смешанного с воздухом. Контролеры — приборы. Они запишут самочувствие собак на ленту и еще передадут сводку по радио. Вот и он, самописец летчика-испытателя — акселерограф; скачущий молнией рисунок на его ленте расскажет о силах-невидимках. А киноаппарат, висящий прямо над головами путешественниц, заснимет их от первой до последней минуты в полете. И одновременно он будет снимать часы, чтобы врачи знали, в какой момент что произошло, и могли бы сравнить кинокадр с докладом приборов.

Не видят врачи лишь парашют. Он где-то под полом уложен крепкой шашечкой. А когда надо — развернется.

— Ну как? — спрашивает Дронов.

— По-моему, отлично, — говорит Василий Васильевич. — Не хуже, чем в «ТУ-104». Что ж, стюардесса, прощайтесь.

— До свидания, Кусачка, до свидания, Пальма! — прощается Валя. — Не волнуйтесь. Все будет хорошо!

— До встречи! — говорят мужчины.

Люди закрывают люк крышкой, и пассажирам остается для дорожных наблюдений оконце чуть меньше блюдца. В него заглядывают по очереди Валя, Дронов, Василий Васильевич. Потом они опускаются вниз, и в кружочек видно лишь голубое небо.

Собаки лежат друг подле друга, вытянувшись на лотках. Кусачка спокойно осматривается. У Пальмы безразличный вид, она старательно зевает. Так они лежат довольно долго и не подозревают, что событие, к которому они так долго готовились, началось: приборы уже вели свой репортаж, из баллонов поступал воздух, наверху мягко стрекотал киноаппарат.

Поле вокруг ракеты опустело. Люди спустились по бетонным ступеням в блиндаж, над которым поблескивали стекла стереотрубы. Последними ушли техники.

В блиндаже стало тесно. Но Дронов подумал: «Как было бы хорошо, если бы сюда вошли еще люди — в спецовках, халатах, рабочих костюмах. Оторвались бы хоть на минуту от станков, печей, колб, чертежных досок, чтобы взглянуть на дело рук своих, чтобы улыбкой озарились лица. Нет, не придут — заняты. У них ведь не одно такое детище…»

Шел час готовности к пуску. Инженеры были на своих местах — у приборов и кнопок. Их лица спокойны. Глаза и руки ждали момента, когда командир нажмет на самую главную кнопку —

пуск.

К нему все внимание. Никаких разговоров. Тишина. Лишь щелкает при каждом скачке стрелка на больших секундных часах.

Василий Васильевич не может понять, почему командир не волнуется. Он напоминает ему школьного учителя математики: бритоголовый, коренастый, в мягкой домашней куртке. Математик всегда был спокоен, даже на контрольных, когда весь класс тихо бурлил. Математика еще можно было понять. А этот невозмутимый командир, разве он мог быть уверенным, что в ракете ничего не испортится?

И вот командир сказал:

— Приготовиться! — И стал считать вместе с секундной стрелкой: — Пять… Четыре… Три… Две… Одна… Старт!

На экране телевизора зрители увидели, как яркая вспышка осветила ракету снизу и клубы дыма окутали ее тело. Вслед за тем прилетел какой-то воющий грохот и забарабанил в дверь блиндажа. Ого! Вот это сила.

Ракета медленно, словно раздумывая, стоит ли пускаться в путь, вылезла из дымового облака, выпустила струю пламени и, упершись в землю ярко-розовым столбом раскаленных газов, ринулась вверх, с каждой секундой набирая скорость.

Блеснула золотой молнией и уменьшилась в маленькую сверкающую точку.

И тут только Елкин вспомнил о приборах, ринулся было к ним, но натолкнулся на стену спин.

Слуги могучего снаряда — рабочие, техники, инженеры — окружили плотным кольцом зеленоватый экран и не отрывали глаз от прыгающей светлой волны. Они ничего не понимали, но смотрели очень внимательно: бегущая волна вела рассказ о пассажирах.

Наступая на ноги и извиняясь, продвигался Василий Васильевич к приборам. В спину ему стучала кулачком Валя: быстрее, быстрее! Она чуть не плакала от обиды: ну вот, выучилась наконец понимать язык приборов, сдала экзамены в институте и ничего не видит. Конечно, приборы всё запишут, и она будет еще читать и перечитывать ленту, но то, что она растяпа, — совершенно ясно. Хорошо Дронову, он обо всем догадался и заранее занял место.

Наконец Валя и Елкин пробились к экрану и больше не

шелохнулись.

Но вот что было в ракете.

Внезапный громовой раскат обрушился на пассажиров. Они завертели головами, пытаясь понять, откуда взялся этот странный, раздражающий звук. И не догадывались, что это мелодия их полета, что они летят!

А ракета стремительно уносила все выше и выше крепко закрытую кабину. Она оставила под собой птичьи маршруты, высочайшие вершины и трассы полетов воздушных кораблей, пробила тучи и облака и вырвалась в верхние слои стратосферы, где метеоры вспыхивали падающими звездами и с такой же легкостью, как у нас на улицах неоновые рекламы, зажигалось переливчатое полярное сияние. И даже в этих замечательно интересных местах не остановилась ракета, а продолжила свой путь в высоты, где вместо привычного для нас воздуха были лишь невидимые глазу частицы газа и где наши пассажиры могли погибнуть в одно мгновение, не будь они спрятаны в надежной герметической кабине.

Жаль, что Кусачка и Пальма не могли смотреть в круглое окошко. Их сначала трясла лихорадка вибрации, а потом кто-то невидимый и тяжелый пригнул собачьи головы книзу и бесцеремонно уселся на путешественниц. Грудь у собак сдавило, сердце запрыгало, все тело налилось свинцом. А они не струсили, лежали тихонько. Как вдруг смолкли двигатели…

Представьте, что вы неожиданно сбросили свой вес и взлетели под потолок, будто воздушный шар. Только что стояли на полу и вдруг — качаетесь в воздухе.

Вот-вот, точно так же и у наших путешественниц захватило дух. Их словно приподняла мягкая могучая рука. Они больше не чувствовали ни головы, ни лап, ни хвоста. Стали легче пушинки. Если бы не ремни, могли бы парить по кабине. Как птицы.

Вот так штука! Такое испытаешь разве что во сне.

Удивительное это происшествие развеселило Кусачку и зажгло в ее глазах веселые огоньки. Она посмотрела в иллюминатор и увидела черное-черное небо и яркое, слепящее солнце. Это было красиво и страшно.

Потом Кусачка огляделась в кабине и заметила, что в иллюминатор заскочил солнечный луч. Он уткнулся в противоположную стену и нарисовал знакомого всем светлого зайчика. Зайчик посидел на месте, соскочил со стены и попал Кусачке в левый глаз. Она зажмурилась, фыркнула, тряхнула головой, а когда открыла веки, то зайчик сидел уже на потолке. Он и здесь не успокоился, а принялся скакать с места на место.

Глаза Кусачки стали едва заметными щелочками, хвост приятно завилял, а из горла вылетели короткие звуки, похожие на смех: «Ха-ха!»

Кусачка доверчиво отдалась игре и не понимала смысла знаков солнечного зайчика. Будь на ее месте человек, он бы сразу догадался, что зайчик совсем не случайно скакал со стены на потолок. Ведь в невесомости космонавт не знает, где «верх» и где «низ», он висит неподвижно и не ощущает полета. А солнечный луч подсказывал: «Ваша ракета с выключенным двигателем сначала летела вверх, потом остановилась, перевернулась вниз носом и теперь падает на землю. Сейчас она войдет в плотные слои атмосферы. Будьте осторожны! Будьте осторожны!»

Зайчик был прав. Ракета описала огромную кривую, поворачиваясь к солнцу разными боками, и вот уже летела, вращаясь, вниз.

Врачи на земле тоже знали, что теперь предстоит самый опасный поединок. Ракета при падении совершает сложные вращательные движения. Она катится по воздуху, как бочка с

горы.

Скорее, скорее бы открылся парашют!

И верно: невидимки, словно по тайному сигналу, набросились на Кусачку и Пальму. Они не стеснялись бить связанных собак и обрушили на них град тумаков. Гудела грудь, ныла спина, сжимались внутренности. От ударов в голову темнело в глазах. От ударов сзади кровь бросалась к голове, и тогда перед взором медленно расплывалось красное пятно. Злые невидимки словно мстили за несколько минут удовольствия, пережитого в невесомом полете. А собаки всё терпели, терпели даже тогда, когда бесстрастные судьи — приборы — не выдержали толчков и прервали записи.

Врачи выскочили из блиндажа. Вслед за ними — остальные. Все до боли в глазах всматривались в спокойное чистое небо, искали падающую ракету и не находили ее.

Кровь стучала в висках: где, где же?

В голубом просторе проступила тонкая дымовая полоска — едва заметный след раскаленной головки ракеты. Показалась и исчезла. Небо опять стало пустынным, как поле под ним.

И с неожиданностью выстрела мелькнул в вышине белый платок. И не исчезал! Он развернулся постепенно в белый парус, медленно направился к земле — тормозил. Всё отчетливее вырисовывался тугой купол парашюта и драгоценный груз, который он опускал, — треугольный наконечник ракеты.

Стояла солнечная тишина. Лишь где-то в выси пел

жаворонок.

А люди, не сговариваясь, сорвались с места и побежали через поле. Впереди стремительными крыльями развевались белые халаты врачей.

Туда, скорей — к парусу спасения ракеты!

Прогудели машины, нагоняя бегущих. Кто вскочил в «газики», кто махнул рукой, понадеявшись на собственные ноги.

Инженеры погасили парашют. Дронов и Елкин одновременно

прилипли к круглому глазку иллюминатора: живы?

— Живы? — тревожно спрашивает Валя и от нетерпения притопывает ногой. — Отвечайте же скорее!

Врачи не отвечают. Они быстро срывают крышку люка. Вытаскивают лотки с путешественницами. Распутывают ремни.

— Ура! Живы, живы! — кричит Валя и трясет за плечи какого-то человека, наверное инженера. — Ура, товарищи!

Инженер сидел на корточках, щупал свою ракету и, видимо, ничего больше не видел — потому он не понял Валю и растерянно моргал.

— Вы чудак, — обиженно сказала Валя. — Просто они живы, все в порядке.

— Ну, конечно, это очень хорошо! — сообразил наконец инженер и встал. — Поздравляю. — Он пожал руку Вале, потом врачам. — Поздравляю, поздравляю! Это настоящий праздник! Извините, я должен идти.

Инженер опять садится около трубы, и по лицу его видно, что он огорчен. Дронов понимает инженера: спуск не был удачным, как говорят специалисты — жестким.

И все-таки молодцы эти ракетчики: пассажиры целы и невредимы! Ведь сколько раз разбивались у американцев ракеты «Фау-2», «Аэроби» и гибли их пилоты — обезьянки. А Кусачка и Пальма — вот они. И рядом — их спасительница, ракета. Нет, что там ни говори, надо погладить, похлопать эту потемневшую, нагретую трубу. Так похлопывает летчик-испытатель бока непослушного самолета, который он все-таки посадил…

Пальма лежит на земле и тяжело дышит, высунув длинный розовый язык: она потрясена случившимся. А Кусачка вскакивает на ноги, энергично отряхивается, как после ванны, и шалеет от солнечного тепла, запахов весенней земли, зеленой пахучей травы, от ласковых, знакомых голосов. С визгом начинает она носиться вокруг Василия Васильевича, прыгает ему на брюки, выделывает замысловатые скачки, ну совсем как веселый солнечный зайчик. Внутри нее словно раскручивается пружина, остановить которую невозможно.

Валя смотрит на буйный танец радости и от души хохочет. Василий Васильевич вторит ей неожиданным баском. У Дронова блестят глаза. Подходит огорченный инженер и тоже улыбается. Потом еще и еще люди. Все они заражаются весельем.

— А ну-ка, милая, давай нашу русскую! — азартно кричит кто-то, и все видят, что это самый спокойный человек — командир запуска.

Но Валя звонит в колокольчик, и танец обрывается. Кусачка послушно бежит к миске. Пальма поднимается с земли и трусит

вслед за ней. Собаки едят с удовольствием. Обед заканчивается кусками колбасы, ради которой Кусачка охотно встает на задние лапы, как дрессированная собачка из цирка. «Смотрите, — как бы говорит она этим, — неприятности полета не испортили мне аппетита».

— И плутовка же ты, Кусачка! — укоризненно качает головой Василий Васильевич.

— Как, как? — переспрашивает командир запуска. — Кусачка? Почему же Кусачка? Такая смелая, веселая собаченция и — Кусачка?

Василий Васильевич не знает, что ответить. Его выручает Дронов.

— Видите ли, — говорит он, — Кусачка — это прежняя кличка. На самом деле ее зовут иначе… Отважная — вот как. Неплохо, не правда ли? Отважная!

Причуды славы

«Да здравствуют смелые и отважные разведчики! — скажут когда-нибудь люди, которые будут летать на Луну и Марс. — Спасибо вам, четвероногие астронавты! Вы взлетали в ракетах уже тогда, когда мир не знал еще первого спутника. Проверяли, рискуя своей жизнью, прочность кабин и скафандров, принимали на себя удары коварных сил, доверялись таинственной тишине невесомого состояния, похожего на сказку или сон, и иногда, уже приземлившись, долго ожидали, когда вас разыщет вертолет. А потом начиналось все сначала: тренировки — полет — тренировки. Каждый удар вашего сердца записан в большой и очень важной для человечества книге космической медицины. Из этих записей ученые вывели законы безопасного полета и вручили их космонавтам. Спасибо!»

Так размечтался Василий Васильевич, возвращаясь с ракетодрома в институт.

— Ну, друзья мои, — прервал его думы Дронов, — смотрю я на вас и вижу: вы еще совсем юнцы!

— Как это так? — удивилась Валя.

— Да очень просто, — пояснил Дронов. — Посмотрите внимательно друг на друга. Видите, у носа какие-то точечки? Вот в том-то и дело, дорогие мои юнцы! Это — веснушки. А это — весна! — И он показал в окно.

Они ехали на машине через залитый теплом и светом город. Мальчишки прыгали на тротуарах через лужи, в каждой из которых горел фонарь отраженного солнца. Все сверкало и искрилось вокруг людей, заставляя их жмуриться, а при взгляде на небо казалось, что какой-то лихой художник одним росчерком пера нарисовал черной тушью на ярко-синем фоне силуэты кранов.

Через полчаса врачи сидели перед профессором, и Дронов докладывал:

— Собаки дважды поднимались на высоту 212 километров. На активном участке полета пульс, дыхание, кровяное давление повышались. В период невесомости постепенно снижались, но медленнее, чем в лаборатории. Очевидно, невесомость удивила собак.

— Какие ваши замечания? — спросил профессор.

— Торможение при спуске, мне кажется, было не очень гладко. У нас даже почти нет записей — отказали приборы. Конструкторам надо улучшить систему спасения. Изобрели бы какие-нибудь воздушные рессоры, что ли. Или кабину «Ванька-

встанька», которая не будет кувыркаться.

— Это их дело, что придумать, — сказал профессор. — Но ваши замечания полезны. Мы обязательно передадим конструкторам… Ссадин и кровоизлияний у собак не было?

— Всё в порядке. Вы знаете, — тут Дронов улыбнулся, — Кусачка оказалась молодцом. Мы решили даже переменить ей имя. Отважная! Как вы на это смотрите?

— Специального приказа по институту не будет, — шутливо заметил профессор, — но раз она заслужила — пожалуйста. Звучит, конечно, лучше. Даже для прессы любопытно. Сейчас, что ни день, являются корреспонденты: покажите им сестру Лайки, новую знаменитость. Прямо-таки не дают работать. Кстати, еще снимается фильм. Помогите, пожалуйста, оператору, вот хотя бы вы, Василий Васильевич.

Вскоре же после этого разговора Василия Васильевича разыскал незнакомец в желтой замшевой куртке и спортивной шапочке.

— Это вы приехали с ракетодрома? — спросил он. — Будем знакомы: оператор Кулик. Вы уже, наверное, слышали. Вы нам нужны, голубчик. Где ваши собачки? Вы, конечно, поможете нам.

В тоне этого человека была особая решительность. Даже своим вопросам он придавал такую подкупающую интонацию, что возражений быть не могло.

Елкин привел собак. Вчерашние пилоты с удовольствием выскочили во двор и побежали, обнюхивая деревья, углы дома, дорожки.

— Приятно работать с послушными животными, — говорил Кулик, возясь со своей кинокамерой. — Однажды в Ялте мне пришлось снимать обезьяну. Намучился. Обезьяна попалась очень капризная. Ее раздражало жужжание моего аппарата. Каждую секунду я ожидал, что вот-вот она откусит мне нос. А кусалась она свирепо. Настоящий бульдог!

— Я видел ваш фильм, — вспомнил Василий Васильевич. — Называется, если не ошибаюсь, «Рена в космосе»? Мне он нравится. В нем правильно дается представление о том, что обезьяны могут быть разведчиками космоса.

— Все это так, но с тех пор я не переношу обезьян, — доверительно сказал Кулик. — Хорошо, что у вас собачки! Ведь американцы тренируют и запускают обезьян?..

— Да, они предпочитают обезьян.

— Представляю, как им тяжело приходится, беднягам.

— Тренировать обезьян труднее, — подтвердил Елкин. — Чтобы измерить у обезьяны кровяное давление, надо посадить ее в клетку с подвижными стенками. Иначе переломает аппараты. И

вы верно заметили, что это очень раздражительные и нервные животные. Бывали случаи, когда шимпанзе умирали от громкого гудка парохода.

— Наша медицина, — заключил оператор, — хорошо поступила, что выбрала других разведчиков. Прошу вас, позовите собачек!

Собаки послушно подбежали.

— Эта — Отважная, — представил врач, — а эта, черноухая, — Пальма.

— Будем знакомы, — сказал Кулик и поднял камеру. — Теперь так: они только что вернулись из полета домой. Что они делают? Прыгают от радости. Попросите их прыгать!

— Простите, — развел руками врач, — они же недрессированные. А потом, Отважная действительно прыгала, а Пальма долго приходила в себя и была ко всему безразлична.

— Нам нужны чувства! — твердо сказал Кулик. — Пусть лучше обе прыгают! Иначе фильм будет скучный. Помогите же нам, голубчик!

— Ну что ж, пожалуйста, — без воодушевления отозвался врач. — Кусачка, Пальма, ко мне!

— Кто тут Кусачка? — насторожился Кулик.

— Не обращайте внимания, — успокоил Василий Васильевич. — Это прежняя кличка Отважной. К новой она еще не привыкла.

Сперва собаки не понимали, что от них хотят, и в недоумении приподнимались на задних лапах. Потом они расшевелились, стали резвиться и прыгать, но, конечно, это было совсем не похоже на бешеную радость Кусачки, увидевшей зеленую траву. Оператор, видимо, тоже остался недоволен съемкой. Но он расхваливал милых животных, по-прежнему браня обезьян.

На другое утро Кулик ворвался к Елкину сияющий и закричал:

— Что же вы скрывали такое сокровище?! Здравствуйте, дорогой, здравствуйте. Это же кинозвезда! Понимаете?

— О ком вы? — не понял врач.

— Ну идемте, идемте! Организуйте с ней какую-нибудь тренировку! А я уж нажму на крупный план. Симпатии зрителей обеспечены!

Противиться его натиску было бесполезно. Он тянул за собой

врача, как буксир лодку. И расписывал по пути свое открытие самыми яркими красками. Все же Василий Васильевич не догадывался, о ком идет речь, пока Кулик не остановился перед прыгавшей в клетке Козявкой.

— Вот, — сказал он торжественно, — она прославит кинокартину. Вглядитесь: разве она не кинозвезда? Могут ли быть тут возражения?

С этой минуты Кулик работал с подъемом. Он приходил в институт вместе с сотрудниками, как на службу, просил врачей делать свои дела и не обращать на него никакого внимания, а сам, конечно, всем мешал: ложился с камерой на пол или забирался под потолок, отыскивая оригинальную точку для съемки, потом просил убрать это, отодвинуть то и, если можно, присутствующим, кроме такого-то, выйти на минуту из лаборатории. На него не сердились: человек делал картину с душой.

Козявку он снимал чаще всех, словно искал в ее жеманстве неповторимого момента. Напрасно врачи говорили ему, что есть более достойные кандидатуры, что, по их мнению, героем картины должен быть весь дружный коллектив четвероногих астронавтов. Кулик решил твердо подарить миру новую кинозвезду со смазливой мордочкой и выразительным хвостом.

— Я отомщен! — сообщил он как-то при встрече Василию Васильевичу.

— Не понимаю, — сказал Елкин.

— Рена — это капризное и коварное существо — наконец наказана! Теперь понимаете? — воскликнул Кулик. Увидев на лице врача удивление, он пояснил: — Нет, нет, я здесь ни при чем. Просто я встретил на улице Софью Лэп, дрессировщицу Рены, и узнал от нее, что справедливость всегда торжествует.

И Кулик рассказал такую историю.

После съемок в кино у Рены день ото дня портился характер. Она стала раздражительна, не слушалась дрессировщицу на репетициях, и Лэп большого труда стоило заставлять ее выступать перед публикой. Цирковая карьера Рены окончилась тем, что однажды на представлении она удрала с манежа, покусала трех униформистов и директора цирка. Что было с ней делать? Неисправимую обезьяну отдали в передвижной зооцирк, и хозяйка больше ее не видела. Товарищи рассказывали ей, что Рена разъезжает в клетке по разным городам вместе со старым львом, хромоногой слонихой и оравой крикливых попугаев. Обезьяна гримасничает и делает разные акробатические трюки, выпрашивая у детей конфеты. А те ее охотно угощают, не подозревая, что кривляющаяся мартышка — та самая Рена, которая смотрит на них иногда с экрана через стекло шлема…

— «Поздравляю вас с избавлением от злого духа», искренне сказал я Софье Лэп, — продолжал Кулик. — А она мне говорит: «Спасибо, но теперь я дрессирую попугаев. А их клювы так же опасны, как когти тигра, и потому я работаю в кожаных перчатках». Какая мужественная артистка!

После этого разговора Василий Васильевич не видел больше шумного оператора: Кулик закончил съемку в институте. Потекли дни и недели привычной работы с собаками. Готовились новые полеты ракет.

Зачем же новые? Разве мало было открытий, сделанных Лайкой, мало было благополучного приземления Отважной, Пальмы и других собак?

Для врачей — недостаточно, хотя в книге космической медицины было уже много исписанных листов. Первую страничку этой книги врачи заполнили в 1949 году, когда взлетела первая в нашей стране ракета с четвероногими испытателями. И год за годом космические медики сравнивали свои наблюдения и записи, выводили законы новой науки — правила безопасного полета. В этих важных для человечества законах был труд и наших знакомых — Дронова, Василия Васильевича, Вали.

Врачи знали теперь, как ведут себя собаки при встрече с невидимыми врагами в институте — с лихорадкой вибрации, с перегрузками, с низким давлением. И они не только изучили каждого противника в отдельности. На кинопленке и лентах самописцев они видели всю картину полета, когда враги набрасываются на испытателей один за другим, без передышки. Можно было уже сделать вывод, что в целом полет не опасен для здоровья, а главный противник космонавтов — это перегрузки, которые возникают после невесомости, при торможении ракеты.

Но врачи не знали еще, как опасен пятый враг космонавта —

космические лучи. Встречи с лучами пассажиров баллистических ракет были короткими и не оставляли никаких заметных следов. Лайка, летая на втором спутнике, буквально купалась в космических лучах, но врачи ничего не узнали: Лайка не вернулась на Землю. Надо было долго наблюдать за космонавтом после полета, в лаборатории. Далекий невидимый враг оставался неизвестным.

Новая Лайка должна была приземлиться! Никто не знал, как будет ее имя, никто не знал, сколько пассажиров возьмет с собой новый жилой спутник, никто не знал, когда это случится. Но каждая удача приближала важное событие.

Развернулись под окнами института клейкие пахучие листочки, пролетел тополиный пух, пришла пора лопнуть бутонам липы и напоить медовым ароматом воздух.

В один из дней июля Василий Васильевич опять вывел из калитки на поводках своих воспитанниц, а следом за ним Валя вынесла клетку с серой, меланхолично жевавшей крольчихой.

Опять взмыл в воздух серебристый самолет особого назначения, и его пассажиров ждала в поле стройная серебристая ракета.

На ту же высоту поднималась Отважная в третий и четвертый раз, и полеты прошли еще удачнее: торможение было спокойнее, чем прежде; как говорили врачи, система спасения пассажиров оказалась надежной.

Отважная вела себя как опытный космонавт. Когда взревели двигатели, она вспомнила про невидимую тяжесть и заранее опустила длинную мордочку на лапы, приняла удобную позу. В вышине поиграла, как и раньше, с зайчиком, полюбовалась в иллюминатор на яркое солнце, чуть позже нашла, что боксеры-невидимки смягчили свои удары, а приземлившись, исполнила танец радости, ела конфеты и халву, фотографировалась и показывала фотографу язык.

В экипаж ракеты входили еще две белые собачки, Снежинка и Жемчужная, и тихая крольчиха Марфушка. Собачки были менее опытными астронавтами. Когда кто-нибудь из них нервничал или капризничал, Отважная наводила порядок: ворчала и легонько дергала за ухо. Экипаж ее слушался.

— Откуда только такие способности? — говорил Елкин Вале. — Ну, я понимаю — Марфушка, она существо равнодушное: все время работает челюстями. Возьмите эту разведчицу Вселенной за уши, и она даже не обидится. Но такое мужество в маленькой собаке меня удивляет. И заметьте, Валя, наша Кусачка теперь не только замечательный космонавт, она настоящий командир. Талант!

— Тише! — перебила Валя. — Не портите мне способного работника. Вот услышала она вас и стала подбадривать Жемчужную. А та, бедняжка, все еще дрожит.

Но Василий Васильевич, наоборот, повысил голос:

— Эх, Кулик, Кулик, прозевал ты своего настоящего героя!..

И не знал Василий Васильевич, что в это утро в московских кинотеатрах начал демонстрироваться новый фильм оператора Кулика и с экранов глядела на зрителей удивленная физиономия Козявки. А в научный институт звонил какой-то иностранец:

— Есть у вас такой Козьяфка? Я хочу фотографировать для газеты.

— Пожалуйста, приезжайте, — ответил в трубку профессор и усмехнулся своей мысли: «Придется списать Козявку в кинозвезды…»

Она или не она?

Гена ворвался в квартиру Смеловых с решительностью завоевателя.

— Включай, включай скорее! — задыхаясь от бега, выпалил он.

Борька растерянно щелкнул выключателем.

— Да нет же, чудак, телевизор включай, там — Тяпа.

«Тяпа? Как? Почему?» — хотел спросить Борька, но разговаривать было некогда. Он бросился к «Старту» и начал крутить регулятор.

— Мы находимся в одном из кабинетов института космических исследований, — прорезался голос диктора.

Изображения не было. По экрану бежали полосы. Неожиданно полосы исчезли. Замелькали люди в белых халатах. На каком-то тряском механизме сидела собака, одетая, как парашютист. У нее была узкая, похожая на Тяпину, мордочка.

— Она? — шепотом спросил Гена.

Борька с сомнением покачал головой. Слишком спокойной и уверенной была эта собака с длинной холеной шерстью.

— Тренировки проходит Отважная, — объявил диктор.

И Борька сказал твердо:

— Нет, не она…

Потом они смеялись над веселой собачонкой, которая прыгала и кривлялась, смешно шевеля ушами, похожими на мохнатые рожки.

И вдруг снова появилась та, с узкой мордочкой. Она сидела в ракете и крутила головой, следя за солнечным зайчиком, заскочившим в иллюминатор. На морде ее было написано такое безграничное доверчиво-наивное любопытство, с каким могла смотреть только Тяпа.

— Она! — вскочил Борька со стула. — Она! Надо немедленно бежать в институт.

— В институт? — переспросил Гена. — Да нас оттуда метлой!

— Что же, по-твоему, надо делать? Сидеть сложа руки?

— Надо что-то придумать. Давай позовем Любку!

За Любкой был откомандирован послушный толстячок, копошившийся под окном в песочнице. Любительница происшествий явилась без промедления.

— Я так и знала, я так и знала, — затараторила она, входя в комнату. — Иду и думаю: что-нибудь должно случиться. И вот, пожалуйста!

— Садись, — строго сказал ей Борька, показывая на стул.

Любка смиренно села.

— Слушай, мы начнем действовать сегодня же! Тебе мы поручаем…

Три взъерошенные головы склонились над картой района…

А через час замелькал по дворам красный Любкин сарафан. Вот она забежала в подъезд, через минуту выскочила оттуда, пошепталась с девчонкой, державшей ведерко в руках, и побежала дальше.

Встретилась ей старушка с сумкой. Любка и с ней заговорила, даже сумку донесла до подъезда. Старушка долго не могла понять, что хочет от нее Любка, видно, туга была на ухо. А Любка все-таки выспросила, что хотела, и нырнула в дом.

В один двор не хотел ее пускать мальчишка выше ростом и шире в плечах. Но Любка сказала ему что-то такое, после чего парень перестал размахивать руками, присел на корточки и стал рисовать на песке какой-то план. Потом они вместе заглядывали во дворы, заходили в подъезды, и всюду, где парень показывал пальцем на дверь, Любка опускала конверт в почтовый ящик.

До позднего вечера мелькал во дворах Любкин красный сарафан.

В этот же день многие мальчишки и девчонки из соседних с

пустырем домов получили такое послание:

«Если тебе важно, кто первым полетит на Луну, если ты друг науки и космонавтов, приходи завтра со своей собакой в одиннадцать часов на Розовый бульвар. Там тебя будут ждать члены штаба „ЛЮГЕБ“».

…Розовый бульвар назывался Розовым потому, что на его центральной клумбе каждый год высаживался единственный куст с розами. До одиннадцати часов бульвар выглядел как всегда в солнечные, августовские дни. В своих колясках мирно посапывали младенцы. Няни и бабушки ругали озорников, закинувших мяч на клумбу. Прикрывшись газетами, дремали пенсионеры. Безразличные ко всему миру, стучали костяшками игроки в домино.

И вдруг все разом переменилось, как от подземного толчка. Встрепенулись и привстали со своих скамеек пенсионеры, крикливые няни перестали ругать детишек, и руки доминошников застыли в воздухе, не успев щелкнуть костяшками. Если бы скамейки могли двигаться, то и они бы повернулись в сторону необычной процессии, которая шествовала по дорожкам бульвара, заполняя его шумом и лаем. Человек двадцать загорелых ребят гордо вели на поводках дворняжек, лаек, боксеров, овчарок и даже избалованных пуделей на тонких ножках. Впереди шли трое: девочка в красном сарафане и два мальчика. Эти трое были без собак.

— Да, никак, собачью выставку открыли? — спросила какая-то старушка.

— Похоже на то.

— А судьи, судьи-то кто?

— По всему видно, эти вон трое.

Уличные зеваки были недалеки от истины. Конечно, это была затея штаба ЛЮГЕБ — Любки, Гены и Борьки. Это они разослали таинственные послания. Любке пришлось проявить все свои способности, чтобы успеть за один день узнать адреса и фамилии

владельцев собак. И вот теперь они здесь.

План ЛЮГЕБа был прост: прямо с Розового бульвара они отправятся в космический институт и скажут: «Мы привели вам собак. Если они нужны для завоевания космоса, мы отдадим их вам. И, пожалуйста, покажите Тяпу».

Борька подробно объяснил великую цель плана ЛЮГЕБа. О Тяпе он ничего не сказал собравшимся.

— Согласны ли вы отдать своих собак? — спросил он.

— Согласны! — хором ответили хозяева четвероногих и грустно посмотрели на своих дворняжек и пуделей, повиливающих хвостами.

— Хорошо, — сказал Борька. — Теперь мы должны отобрать лучших представителей, ведь они полетят в космос!

Осмотр происходил так: Гена выстраивал очередь, Любка записывала клички собак и ставила напротив крестик или минус, в зависимости от мнения Борьки, который придирчиво рассматривал будущих знаменитостей. Оказалось, что у половины из них космические имена.

Одна за другой подходили записываться Венеры, Марсики, Плутоны; были две Ракеты и даже один Спутник. В общем, Борька был доволен осмотром. Но, когда увидел заросшего длинными волосами шотландского терьера, он сморщился. Ему вспомнилась песенка, которую распевали на собачьей выставке мальчишки: «Есть у терьера борода, хи-хи, ха-ха, с усами».

— Чучело. Нам такого не надо, — сказал Борька сердито хозяйке, девочке в желтом платье.

— Вы не имеете права! — со слезами в голосе сказала девочка. — Моя собака действительно не причесана, но зато она храбрая. Вот, посмотрите! — Она вытащила из маленькой сумочки какую-то бумагу.

Все сгрудились вокруг Борьки. Он развернул листок и прочитал:

«РАЙОННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ МИЛИЦИИ ВЫНОСИТ БЛАГОДАРНОСТЬ ОЛЕ ЗАЦЕПОВОЙ ЗА ЗАДЕРЖАНИЕ ПРЕСТУПНИКА ЕЕ СОБАКОЙ ТЕРЬЕРОМ.

Начальник отделения Соловьев».

Справка была заверена печатью.

— Как ее зовут? — присев на корточки и поглаживая лохматую виновницу происшествия, ласково спросила Любка.

— Ее зовут Волосы Вероники, есть созвездие такое. Сокращенно — Волверон.

— Расскажи, как все это было, — попросил Гена.

— Было это так. Иду я по улице, смотрю: дядька бежит и

прячет что-то за пазуху, а за ним — женщина. Бежала она, бежала да как закричит: «Помогите! Моя сумка!» Осмотрелась я — милиционера нет. И взрослых никого. Что, думаю, делать? Убежит вор. Приказываю Волверону: фасс! И отпустила поводок. Через минуту Волверон настиг вора, камнем бросился ему под ноги. Я и опомниться не успела, гляжу: лежит дядька на мостовой, а над ним мой пес пасть разинул — не смей вставать! У моего терьера зубищи, как ножи.

Рассказчица нагнулась и бесстрашно раздвинула собачью пасть. Сверкнул ряд острых, длинных зубов.

— Ого! — сказал кто-то уважительно.

— Подходяще. Берем твоего Волверона, — согласился Борька. — Пошли!

И процессия торжественно двинулась по улице, сопровождаемая недоуменными взглядами прохожих. Вагоновожатые замедляли ход трамваев и терпеливо дожидались, пока перейдут четвероногие пешеходы с закрученными хвостами. Продавцы газированной воды и мороженщицы, забыв о покупателях, ахали и охали, изумляясь бороде и усам Волверона, а он невозмутимо тащил за собой хозяйку в желтом платье.

На пути от Розового бульвара до института друзьям науки и космонавтов пришлось выдержать немало испытаний. Они героически сдерживали натиск любопытных мальчишек и набеги чужих собак, которые стремились вступить в яростный бой со своими гордыми родственниками. Какие-то две собаки, вынырнувшие из-за угла, наскочили на овчарку. Шерсть полетела клочьями, когда рассерженный громадный пес вступил с ними в бой. Пришлось спасать от его острых клыков глупых задир.

Но все обошлось благополучно. Процессия достигла цели, не

потеряв ни одного из своих спутников.

Небольшой двухэтажный особняк, затененный деревьями, встретил их тишиной. Разморенные жарой собаки сразу же улеглись на траву.

Из будки показался старик сторож. Он оглядел притихшую компанию и строго спросил:

— Вы к кому?

— Мы к самому главному, — ответил за всех Гена.

Сторож усмехнулся:

— Ишь, чего захотел! Чтобы я позволил отрывать товарищей ученых по пустякам.

— Мы не пустяки. Мы друзья науки, — попробовал объяснить Борька.

— Знаем мы ваши науки — по заборам лазать, — упорствовал сторож.

— Вы, дедушка, газет, наверное, не читаете, — сказал с достоинством Гена. — А еще сторож космического института!

— Он меня будет учить! — рассвирепел старик. — Да со мной, такой ты сякой, сам профессор кланяется. Сказал, не пущу — и не пущу.

— А мы не уйдем, не уйдем! — загалдели ребята.

На шум из дома вышел озабоченный человек. Выслушав обе стороны, он сказал сердитому сторожу, что дело тут нешуточное и что следовало бы ребятам сказать спасибо, а не гнать их.

— Вам виднее, — насупившись, ответил старик.

— А ну, давайте ваших собак, — обратился к повеселевшим ребятам врач и стал выбирать маленьких невзрачных дворняжек.

— Эта, эта, еще вот эта, — показал он пальцем. — И терьер, конечно. Не жалко?

— Нет, не жалко! — вздохнула хозяйка Волверона.

Подаренных собак увели.

— А как же мы? — расстроились хозяева овчарок.

— Ваши собаки хороши для других целей. Они могут, например, отлично служить на границе. Нам же увы, они не пригодятся. Сейчас я запишу владельцев отобранных собак. Вы можете навещать их и справляться об их здоровье. Большое вам спасибо, ребята!

Борька, испугавшись, что сотрудник института уйдет, а он так и не узнает о судьбе Тяпы, тронул врача за рукав.

— Послушайте, вы не можете мне показать мою собаку?

— Твою собаку? Разве она здесь, в институте?

— У меня была собака Тяпа. Это — Отважная. Я ее сразу узнал по телевизору.

— Но Отважную, друг мой, звали раньше Кусачкой, а не Тяпой. И потом, она была уличной собакой.

— Все равно это она, — настаивал Борька. — Можете проверить. Я только взгляну на нее, скажу: Тяпа, ко мне! И она сразу же отзовется. Вот увидите!

Врач был добрым человеком, и он понимал переживания Борьки.

— Что ж, — помолчав, сказал он, — может быть, это и она. Но сейчас я ничем тебе не могу помочь. Отважная за городом.

— На даче?

— На отдыхе. До свидания. — И он зашагал к дому.

— Постойте, постойте… — вырвалась вперед Любка.

Врач остановился:

— Что, девочка?

— Я хочу вам сказать. Он целый год искал Тяпу. Вы точно знаете, что Отважную звали Кусачкой?

— Точно. Это знают у нас все.

Больше спрашивать было не о чем. Борька, опустив голову, чертил тапочкой полукруг на песке.

— Идем, — тронул тихонько его за плечо Гена. — Мы еще вернемся сюда.

Полет на Луну и вокруг нее

Из Дневника наблюдений покорителя космоса ученика 7 класса «А» Геннадия Каратова

Человечество не останется вечно на Земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство.

К. Э. Циолковский

Сентябрь 1959 года

Я был прав! И Циолковский, конечно, тоже. На Луну улетела ракета. Как смешны те, кто увлекаются приключениями Жюля Верна и думают, что они летят вместе с Барбикеном в снаряде из пушки. История это доказала.

Вчера в нашей квартире, без лишних свидетелей был произведен первый в мире полет на Луну, который я готовил больше недели. Наш полет в точности повторил движение «Лунника-2».

Обязанности были распределены так: Борис — контейнер с научной аппаратурой и вымпелом, я — командный пункт и вычислительный центр, Любка — летописец-стенографистка. По ее каракулям, вызывающим удивление, как человек мог одновременно записывать и совать свой нос в дела космонавтов, и составлен настоящий отчет.

На ракетодроме застыла в напряженном ожидании ракета. Наивные зрители вертели головой — искали Луну. А Луны не было. Пришлось им объяснить, что Луна при старте должна находиться за горизонтом. Тогда летящая ракета встретит ее в самой высшей точке над горизонтом и можно будет наблюдать с Земли прилунение.

Шли последние приготовления. Специалисты (я и Любка) стерилизовали контейнер (Борьку): в коридоре чистили его щеткой, чтобы он не занес на Луну микробов. Ведь потом можно будет ошибиться: вдруг в необычных условиях из микроба вырастет какой-нибудь лунный слон? Прилетят ученые и решат,

что слон живет здесь давным-давно…

Неожиданно прозвучал сигнал (звонок будильника). Мы бросились к ракете. Все-таки старт задержался на одну секунду.

Вот контейнер в ракете (Борька плюхнулся на стул), раздался громоподобный взрыв (стрельнули пистоны под ножками стула), ракетодром окутало дымом. Ракета получила нужное ускорение, двигатели пробивали ее через атмосферу: я толкнул щеткой стул, и он въехал в другую комнату (то есть в космос).

— Ощущаешь вторую космическую скорость? — спросил я по радио у Борьки.

— Нет, — сказал он.

Пришлось приложить к нему силу — толкнуть как следует еще раз.

— Теперь ощущаю, — сказал зло Борька, но не вскочил, так как находился уже в космическом пространстве.

На всякий случай я спросил еще раз. Борька сказал, что он каждую секунду пролетает 11,2 километра, как и предсказал великий Ньютон. Какая сила — наука! Ньютон еще в XVII веке открыл закон всемирного тяготения и хладнокровно рассчитал скорость, с которой можно оторваться от Земли, — вторую космическую. И вот наш контейнер летит именно с этой скоростью.

— Какое расстояние до Луны? — спросил я у Борьки.

Но тут вмешалась Любка и выпалила зазубренные сведения:

— Луна движется вокруг Земли по орбите, близкой к круговой. Наибольшее ее удаление от Земли, или апогей орбиты, составляет 406 670 километров, наименьшее, или перигей, — 356 400 километров.

Я спокойно продолжал:

— Но мы летим к Луне не по прямой, а по гиперболе, по кривой. Счетные электронные машины говорят мне, что путь нашей ракеты равен 371 000 километров.

— Все ясно, — крикнул из космоса Борис. — Значит, мне лететь вот сколько: 371 000 км: 11,2 км/сек, или 371 000 км: 40 000 км/час…

— Крупнейшая ошибка, — заметил я. — А земное притяжение! Ты о нем забыл? Скорость ракеты все время падает!

В доказательство я дернул за веревку, привязанную к стулу Борьки, и потянул его немного назад. Затем взял свои записи и показал изумленным слушателям, что значат точные математические расчеты.

— Какое, например, значение, — спросил я, — имеют в наше время какие-нибудь ноль целых две десятых? Предположим, Борис, что твоя скорость в момент выключения двигателей была

не 11,2 километра в секунду, а 11 километров в секунду. Попал бы ты в Луну? Расчеты траектории полета говорят, что ошибка в скорости ракеты всего на 1 метр в секунду отклоняет ее от цели на 250 километров. Таким образом, ошибка в 0,2 километра в секунду, или в 200 метров в секунду, дает: 200х250 = 50 000. 50 000 километров отклонения! А радиус Луны, как известно, всего 1700 километров! Значит, как ни цельсь, с такой ошибкой на Луну не попадешь, промахнешься. Не надо еще забывать, что наше опоздание со стартом на 1 секунду уводит на 20 километров в сторону. Но это нам не страшно!

— Здорово! — сказала Любка.

А Борька крикнул, что ему надоели разные рассуждения и ему скучно сидеть на стуле: контейнер должен двигаться к Луне, а никакой Луны нет.

Но я все предусмотрел. Не сходя с места, я дернул за веревочку, и на стене справа от Борьки развернулась карта Луны: точное очертание извилистых берегов морей, кружки лунных цирков с морщинами глубоких трещин — вся Луна, мрачная, пустынная, таинственная.

А на полу была прочерчена мелом траектория полета до точки встречи, до стены. Луна на веревочке и стул должны были прийти туда одновременно.

Я двигал стул, на котором сидел Борька, он докладывал время полета, а Любка сверяла график его движения с газетой. «21 час 12 сентября», — сказал Борька. Я скомандовал: «Приготовиться к наблюдению за искусственной кометой!»

Борька поджег магний на тарелочке, и я увидел превосходную вспышку, озарившую космическое пространство. Наблюдение за искусственной кометой подтвердило, что курс ракеты правильный.

Луна росла у Борьки на глазах, а Земля за его спиной стала маленьким шаром. Он уже совсем подъехал к стене, а карта подъехала к нему… Вот черта с надписью: «00 час. 02 мин. 24 сек. 14.IX. Прилунение».

Борька вскочил и с размаху бросил картонные вымпелы на

поверхность Луны. Прилунение в район моря Ясности произошло вполне удачно, если не считать разбившейся тарелочки: Борька про нее совсем забыл.

Теперь я понимаю, какой был глупец, когда без всяких расчетов запускал с пустыря железную трубу. Конечно, все кончилось трагически. Разве имевшееся у меня малокалорийное топливо могло придать снаряду первую космическую скорость? Это было заблуждение. Теперь я убедился, что прежде всего надо подготовиться теоретически.

Ноябрь 1959 года

Изучал полет первой в мире межпланетной автоматической станции, которая 7 октября сфотографировала невидимую часть Луны. Сколько раз я уже писал эти слова — «первая в мире», и не надоедает, наоборот, все интересней!

Теперь ракета «Лунник-3» обогнула Луну и вернулась к Земле. Она пролетела 1 000 000 километров! На расстоянии в 65 000 километров сняла крышку с объектива и — «Спокойно! Снимаю!» — щелкала сорок минут. Вот это работа в невесомом состоянии!

Автоматы в ракете аккуратненько проявили, закрепили и высушили пленку. Работали они внутри цилиндра длиною в 1300 миллиметров.

Я, конечно, мог бы проявлять в таком помещении, хотя мой рост — 1620 миллиметров, но сделал бы все гораздо хуже. Даже в нашей ванной, длина которой 2500 миллиметров, когда проявляю, то часто порчу пленки и снимки.

Правда, фотография, где я, Борис и Люба снялись втроем на фоне невидимой стороны Луны, получилась ничего. Сделана она была по всем правилам фототехники, с автоматическим спуском затвора, проявлялась и печаталась точно по часам! Новую карту Луны рисовали все вместе. Я наносил цирки — лунные кратеры Циолковского, Жолио-Кюри, Ломоносова и хребет Советский. Любка красила в зеленое море Москвы и море Мечты, а Борька малевал желтой краской плоскогорья. Ему пришлось как следует поработать: плоскогорий на этой стороне Луны больше, а так называемых морей — меньше. Заполнены они пористым камнем, а не водой. Вот вам и могучие океаны, и необозримые леса в фантастических описаниях Жюля Верна. Только такой пейзажист, как Борька, верил в них раньше.

Представляете, если бы мне удалось как-нибудь перенестись на сто или двести лет назад со своей картой?.. Астрономы решили бы, что я свалился прямо с Луны!

Апрель 1960 года

В школе открылась радиогазета. Меня, Бориса и Любку назначили ответственными за сообщения из нашего класса. А какие могут быть из класса сообщения?

И тогда мы решили сделать передачу из космоса о всех новейших открытиях.

Почти два месяца сидели в районной библиотеке. Там хорошо, у каждого свой стол с лампой. Читали «Знание — сила», «Технику — молодежи», газеты, научный журнал «Природа». Я еще взял у отца всю специальную литературу и изучил ее. Передачу назначили на 20 апреля. Мы были готовы: исторических эпизодов, чертежей, карт — у каждого целая тетрадь. 99 процентов работы было сделано. Оставалось только написать и прорепетировать.

И тут все сорвалось.

Мы заперлись втроем в комнате и, вместо того чтобы писать доклад, стали спорить из-за какого-то стиля. А потом помирились. Но Любка снова стала читать вслух стихи о ветре своего сочинения. Я ей сказал, что лучше бы она поступила, как наш староста Левка Померанчик: он, когда сдавал макулатуру, из усердия прихватил и свои стихи. Заревела. Тогда Борька стукнул кулаком по столу и потребовал красочного описания природы: чтобы были соловьи, радуга и т. п. Я не вытерпел — стукнул его. Он — меня. Дрались молча, чтобы не привлечь внимания. Когда помирились, приехал отец и всех разогнал.

Пишу эти строки в одиночестве и большой печали. Что нам теперь делать?..

На этом дневник обрывается…

Говорит спутник

Всю ночь Гена проворочался с боку на бок. Ему мерещился разъяренный Померанчик, который восклицал: «Не справились? Так и знал! Придется назначать новых ответственных за космос! Проверяйте-ка вы лучше чистоту. Вот вам санитарные повязки». «Позор!» — ужасался Гена.

Утром он вскочил чуть свет, босиком подбежал к письменному столу и остолбенел: на столе лежала готовая статья! Она была написана на машинке, с полями, в углу торчала скрепка. Статья называлась «Говорит спутник».

Генка сразу все понял. Улыбаясь, подбежал к дивану, на котором спал отец, и, переступая с ноги на ногу, весело сказал:

— А родителям делать за учеников задания нельзя.

Анатолий Евгеньевич открыл один глаз и сонным голосом произнес:

— Почему? Это ваша работа. Я только записал ваши мысли. К тому же, как тебе известно, стихи я сочинять не умею. А стихи о ветре отличные. Иди!

И сразу уснул. А Генка полетел как ветер.

Он ворвался в класс в тот момент, когда толстый, розовый Померанчик отчитывал Любку и Борьку.

— Эх вы, хвастунишки! — наступал он на них. — Ни одного поручения выполнить не можете. Я поставлю вопрос на совете дружины.

— А! Померанец, здорово! — закричал Гена и радостно щелкнул Левку по носу. — Вот! — Он потряс статьей. — Готова!

— Ура-а! Ура-а! — разом закричали Любка и Борька и, оставив ошеломленного Померанчика, выскочили вслед за Генкой в коридор.

— Понимаете, — захлебываясь, объяснял Каратов, — встаю я и думаю: ну, пропали, задаст Померанец нам перцу и в газете еще разрисуют! И вдруг — на столе статья…

На большой перемене приятели отправились в радиоузел. Пришлось долго стучаться: старшеклассники закрылись на замок, чтобы никто не мешал вести передачу. Как только за дверью услышали про космос, сразу же впустили. Усадили за стол. Поставили перед Любкиным носом часы и сказали: «Следи, вам выделено 15 минут». Любка молча кивнула и уставилась удивленными глазами на циферблат.

— Кто начнет? — спросил басом дежурный.

— Он начнет. — Борька показал на Гену. — А потом мы, по очереди.

Дежурный включил микрофон, и передача началась. Генка стал читать прерывающимся от волнения голосом:

— Говорит спутник! Говорит спутник! Говорит третий советский спутник Земли!

Слушайте, слушайте! Я расскажу вам про нашу Землю, про небо, про звезды.

Слушайте, счастливые! Сейчас вы первые из всех поколений школьников узнаете многие тайны своей планеты.

Вам знакомо Солнце? Ну конечно, знакомо: это то, которое светит каждый день!

Египтяне в древности поклонялись Солнцу. Они дрожали перед гневом раскаленного бога Ра — ведь их окружали пустыни. Единственный, кто мог смотреть богу прямо в лицо, был фараон, обладавший редкими и дорогими очками с черными стеклами. Но и он не подозревал, что его спасает от страшных лучей бога Ра, от чрезмерной щедрости Солнца не молитвы и не очки, а голубое небо — атмосфера. Впрочем, вы всё это знаете — и о боге-солнце, и о древних греках, давших название атмосфере, и о том, что она — оранжерея для нашей Земли…

В год, когда я взлетел, атмосфера была неспокойна. И ученые собрались за круглым столом, чтоб обсудить ее поведение.

«Коллеги, — сказал один, — положение тревожное. Бурная, резкая погода господствует на всей планете. На людей обрушились стихийные бедствия. Приведу факты. В 1956 году на земном шаре за двенадцать месяцев разразилось сто больших катастроф. Наводнения в Индии затопили тысячи селений, смыли посевы, оставили без крова и пищи миллион жителей. Дожди и

бунтовавшие реки залили даже такие жаркие страны, как Иран и Афганистан. А в Западной Европе внезапно ударили сильнейшие морозы и от холода погибли тысячи людей».

Второй ученый продолжил список бедствий:

«1957-й год. Катастрофы увеличились. Поползли слухи: что-то случилось с Землей — климат неузнаваемо переменился. В Москве в феврале наступила весна, а Ташкент и Алма-Ату засыпало снегом. Над Черным морем бушевал десятибалльный шторм, потом пронеслась снежная буря. И в те же дни Австралию и Уругвай душила жара, там горели леса и степи…»

Взял слово третий:

«Скажу про следующий год. Цейлон постигло наводнение. На США обрушились снегопады. В Москве майская жара окончилась сильными грозами с пожарами. В Японии воду делили на порции: засуха изводила людей».

Последний сказал о Солнце:

«Товарищи! Мы переживаем время бурной активности Солнца. Бушует раскаленное светило. Гигантские взрывы бросают в мировое пространство фонтаны солнечного газа, разогретого до миллионов градусов. Вы знаете, имя этих частиц энергии — корпускулы. Корпускулы несутся к Земле, за секунду пролетая тысячу километров, и врываются в земную атмосферу. Вспышки на Солнце начинаются через каждые одиннадцать лет. Так случилось совсем недавно.

Стихийные бедствия обрушивались на Землю и прежде. Но, когда не было телеграфа, радио, самолетов, люди не знали, что происходит на всей планете. И вот впервые мы собрались, чтоб подсчитать все несчастья и найти виновного. Мы подозреваем Солнце. Оно, по нашему мнению, влияет на движение гигантских потоков воздуха, которые рождают внезапно бури и ливни, жару и мороз. Спутник проверит наши подозрения…»

Так сказал ученый, когда я взлетел. И вот что я, Спутник, увидел.

Дул с Солнца солнечный ветер. Летел он, жгучий и быстрый, летел, ничего не боясь, и пел такую песню:

Эй берегись, посторонись,
Космическая пыль!
Я все сметаю на пути:
Я — звездный богатырь!
Земля, ты просто глупый шар
На нашей звездной лестнице!
Лечу, лечу, лечу, лечу,
Чтобы с тобою встретиться!

Сожгу тебя, и затоплю,
И ураганом выдую,
Не посчитаюсь ни с какой
Земной твоей обидою!
Лечу, лечу, лечу, лечу
Быстрее всех на свете!
Я — солнечный, я — огневой,
Я — самый страшный ветер.

Стало мне, Спутнику, страшно. А вдруг атмосфера подастся, не выдержит? Тогда горячее дыхание Солнца сожжет на Земле все живое…

Но Земля, наша твердая, круглая планета, которая существует во Вселенной уже четыре с половиной миллиарда лет и имеет кое-какой опыт, показала свою силу самоуверенному летуну. На пути у солнечного ветра поставила она невидимую ловушку, и в эту магнитную ловушку поймала опасного гостя. Попались, быстрые корпускулы, сидите теперь на замке!

Гигантские кольца невидимых, опасных частиц окружили Землю. Кольца вложены друг в друга, словно большая и малая баранки, а в середине — наша планета.

Большое кольцо повисло надо мной, на самом пороге космоса, а в малое я залетал то и дело. Удовольствие, скажу вам, ниже среднего. Кому охота встречаться с вредными для здоровья лучами радиации?

Но вслед за мной полетят в космос люди с живым, не стальным сердцем. Для них лучи опаснее. Я должен разведать им дорогу.

И я изучал пояса радиации, открытые моими младшими товарищами Спутниками, очень внимательно и спокойно. Я чувствовал себя, как ученый, в своей лаборатории. И наблюдал, и записывал, и передавал. Я знал, что мои сигналы ловят сотни и сотни станций, наблюдателей и любителей, с какой стороны Земли я бы ни посылал их. Люди запечатывали листки с моими рассказами в конверты и писали на них адрес: «Москва — космос». Или садились к телеграфному аппарату и отстукивали те же слова: «Москва — космос».

А я предупреждал: «Космические лучи опасны. Берегитесь, космонавты, невидимой пули. Каждая частица разрушает в теле человека 15 тысяч клеток. Конечно, это не большая беда; ведь человек имеет тысячу миллиардов клеток. Но все равно берегитесь, космонавты, этого врага. Ищите защиту! Придумайте непробиваемую кабину! Не залетайте в опасные кольца!..»

Носились космические частицы внутри колец и не могли удрать: крепко держала их магнитная ловушка. Но самые быстрые, самые сильные лучи вырывались, летели в атмосферу, нагревали ее и вызывали на Земле большие волнения. Снова я слышал строгий голос ученого:

«Число катастроф уменьшилось вдвое. Но в прошедшем, 1959 году они были самые трагические. От засухи в Бразилии пострадали миллионы людей. Остров Мадагаскар опустошен пятью тропическими циклонами и наводнениями. Над Японией пронеслись тайфуны. Ураган над Мексикой, бури у берегов Европы и Америки завершают тревожный год».

Внизу люди ждали голоса Спутника, и я работал, работал, работал, чтобы ученые, переписав мои сигналы языком цифр, давали решать задачи мгновенно считающим машинам и как можно быстрее отгадывали тайны Вселенной.

Я — космическая лаборатория, я разведывал путь человеку. Я рад, что жил в то время, когда человек готовился прыгнуть в космос. Он. еще строил космический корабль, посылал ракеты к ближайшей соседке — к Луне, а сам мечтал уже о полетах к далеким звездам с голубыми и зелеными таинственными планетами, мечтал о скоростях, близких к скорости света — в миллион миллиардов километров в год, мечтал о могучем топливе, которое даст эту скорость. Человек хотел быть сильнее

и верил, что, вырвавшись в космос, он может стать великаном. Тогда он запустит вокруг Земли огромные спутники — пересадочные станции, на Луне он построит ракетодромы — для полетов к иным мирам, а где-то далеко-далеко, на планете чужой звезды, получит энергию от тамошнего солнца, чтобы вернуться на Землю, которая дала ему крылья.

Так будет — я в это верю. Земля будет берегом Вселенной…

Все приближался день, когда я должен был сгореть: с каждым кругом я чуть опускался к Земле. Но прошел назначенный учеными срок, наступил другой, а я все летал и чувствовал легкость свободы.

«Как же так? — удивлялись ученые. — Разве могли наши электронные машины так удачно ошибиться?»

Нет, электронные машины не ошибались! Они правильно решили заданную задачу. Просто ученых ждал еще один сюрприз. Его преподнесли мои старшие братья «Лунники».

Эти ракеты взглянули на шар Земли с недоступных мне больших высот и увидели, что Земля дышит. Да, да, дышит! В то время, когда я взял старт, солнечный ветер разогрел атмосферу, иона поднялась — Земля как бы сделала вдох. А пока я работал, воздушная оболочка остыла и понизилась, как опускается грудь человека при выдохе. Я летел за ней следом. Я жил! Мне был щедро подарен еще целый год работы.

Знайте же, счастливейшие из всех поколений школьников, что на Землю одета корона! Прекраснейшая и драгоценнейшая из всех

на свете корон — воздушная корона жизни. Основание короны вам, конечно, знакомо — воздух. Я же, как подозрительный ювелир, снял пробу в своих высотах и обнаружил один лишь водород. Легчайший из газов господствовал в короне. Откуда же он взялся? Лучи солнца рождают его из воды. И атом за атомом, как бесконечные воздушные шары, поднимается водород на тысячи и тысячи километров, чтобы окружить земной шар легкой прозрачной короной. А там, где его нет, — уже космос, межпланетное пространство.

Теперь вы понимаете, счастливцы, под какой шапкой-невидимкой вы живете? Ощущаете свое место во Вселенной?

Я кончаю, друзья, свою речь, свои впечатления от десяти тысяч кругосветных путешествий. Мой путь был длинным, таким же длинным, как восемь полетов до Марса или одиннадцать расстояний до Венеры. Радио передаст мое слово к вам.

Пройдет несколько дней, я войду в плотные слои атмосферы и прочерчу последнюю кривую. Я совсем не опечален такой участью. Я знаю: скоро серебристые космические корабли будут возвращаться домой, на родную Землю. Тогда космонавты помянут меня добрым словом и скажут спасибо смелым, умным людям, которые меня придумали.

До свидания! Говорил Спутник! Говорил Спутник…

Когда Любка кончила читать (ей достались последние страницы), она почувствовала, что язык во рту стал деревянным. Знаком показала: пить!

Дежурные дали стакан и заметили:

— Лекция продолжалась сорок пять минут.

— Ого! А как же урок? Неужели мы говорили перед выключенным микрофоном?

Генка, встревоженный, распахнул дверь и облегченно вздохнул: все ребята стояли в коридоре, словно была перемена. Значит, слушали!

К Борьке подбежал парень с шевелюрой из 8-го класса и говорит:

— Это вы болтали так долго? Молодцы! У нас сорвалась даже контрольная по геометрии. А вообще-то, про космос ничего. Можно и полететь.

И тут как раз учительница по геометрии подошла:

— Без геометрии тебе, Сухов, ни в какой космос не улететь!

Отрезала и ушла сердитая. А на Генку тем временем набросился Померанчик:

— Здорово ты рычал про ветер! Между прочим, я тоже писал про ветер. Как это у меня начинается? — Левка стукнул себя по

лбу. — Ах, да:

Ветер, ветер, ты могуч!
Ты играешь облаками.
Ты гоняешь стаи туч
И свистишь между домами.

— Дурак! — остановил его Гена. — У нас совсем другой ветер, космический. Ничего ты не понял. Тоже мне поэт! Одним словом, Пушкин-Померанчик.

Померанчик не выдержал такого сравнения. Забыв, что он староста и ответственный за дисциплину, бросился на Генку с кулаками. Они долго пыхтели, прижимая друг друга к стене и делая вид, что это просто так — шутка.

Сначала отлетела пуговица от кителя у Генки, потом у Померанчика. Когда дело дошло до третьей, их обоих повели в учительскую.

— Охладитесь, молодые люди, — спокойно сказал учитель математики и показал им на диван.

Оба покорно сели.

Через некоторое время они вышли из учительской, и Генка шепнул:

— А стихи про солнечный ветер — Любкины. Вот как надо писать!

Лева Померанчик теперь помнил, что он староста, и потому только показал кулак.

После уроков за Любкой, Геной и Борькой прибежал дежурный радиотехник:

— Идите скорее, к вам делегация.

Генка смутился:

— Делегация? У меня пуговицы оторваны. — Он показал на свой воротник.

— Ничего, они не заметят, — успокоил дежурный.

В радиокомнате ребят встретили восемь пар восхищенных круглых глаз. Восемь делегатов дружно объявили, что они представители от первого «А», «Б», «В» и «Г», и протянули листок в косую линеечку.

— Что это? — спросил главный дежурный.

— Это список, — хором пропищали представители.

— Какой список?

— Для радиогазеты «Спутник».

— Ну, давайте его сюда!

И дежурный прочитал вслух:

— 1. Наташа Былова. 2. Алик Петров. 3. Олег Мотков. 4. Нина

Хитрова. 5. Костя Смирнов. 6. Ежик Ковальский.

У этих учеников день рождения 4 октября. И у первого спутника день рождения 4 октября. Просим передать этот список в «Спутнике».

— Молодцы! — серьезно сказал дежурный. — В следующий раз обязательно передадим по нашему радиоспутнику.

Первоклассники торжественно удалились.

Любка подтолкнула в бок Борьку, Борька — Гену, и все трое весело засмеялись.

Ясно было без слов: передача удалась!

Борька дает интервью

И приходит наконец утро, когда звездный мечтатель просыпается удивленный и радостный. «Уже?» — спрашивает он, как бы не веря, что день, о котором он думал, наступил и спокойно светит.

Каким бы ни был этот звездный мечтатель — пожилым или юным, опытным, закаленным жизнью человеком или мальчишкой с сияющими глазами, — сердце его радостно забилось в одно тихое майское утро. Он услышал про корабль.

Не парусный фрегат, не линейный крейсер и не воздушный лайнер обрадовал нашего мечтателя, а новый, только что родившийся космический корабль. Над планетой летал корабль-спутник! И решил мечтатель: «Есть космический корабль — значит, скоро будет у него пассажир. Как иначе!»

И опять новое слово облетело земной шар с той же скоростью, с какой мчался сам корабль. Оно звучало в английской, немецкой, французской речи по-русски. Весомо звучало! Каждый, кто говорил его, знал: над головою летает уже не шарик, а целая комната — воздушная, теплая, уютная. А вокруг нее — космическая пустота, если не совсем пустота, то давление газа в сто миллиардов раз слабее, чем внутри великана-спутника. Страшно за комнату: вдруг стены не выдержат, кабина взорвется?

Но корабль описывал круг за кругом, а в кабине по-прежнему было тепло и воздушно, как дома.

Раз есть такая прочная комната — значит, будет и новосел!

Мечтатель еле дождался сумерек, чтобы встретить самую яркую звезду на небе. Ему не нужны были бинокль и подзорная труба, он мог увидеть корабль своими глазами! Ждал, ждал, и вдруг стало мечтателю грустно.

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не о нем ли думал поэт? Нет, конечно, нет! Но почему же грустно? Ведь тысячи людей смотрят в ночное небо, а тысячи других расстраиваются, узнав, что над их страной корабль пролетает днем, когда его не разглядишь.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем…

Не видно… Корабль без капитана… Пустая кабина с грузом вместо человека… А нужен ли капитан? Надо ли рисковать жизнью? Не лучше ль послушные автоматы? Ведь в космосе — опасные лучи. Мчатся там в сотни раз быстрее ружейной пули метеоры. Встреча с ними опасна, даже если они с семечко: пробьют насквозь корабль! Человек здесь беспомощен: пока он оценит опасность, пройдет секунда-другая, а корабль за секунду-две пролетит много километров. Не лучше ль довериться «электронному мозгу»?

Да, лучше довериться автоматам. Они поведут ракету, они уловят опасности, они изменят курс.

Но капитан у корабля будет обязательно! Кто, как не он, полетит, чтобы рассмотреть лунные моря, чтобы разобраться в тайнах Марса! Кто, как не он, решится остановить ракету в пути, чтобы ждать прибытия неведомой планеты! Кто, как не он, будет командовать послушными автоматами! Автоматы — только штурманы, капитаном будет человек!

Так или примерно так раздумывали мечтатели, ожидая в ночном небе корабль-спутник и уносясь в воображении к далеким звездам.

И были среди них настоящие космонавты. Как и все, смотрели они в небо. Они очень хотели быть в летящем корабле, но не могли. Ведь еще не приземлялся ни один космический корабль, еще не были уверены врачи в безопасности посадки из космоса.

Было просто обидно: дверь в космос уже открыта, а ключей от нее нет.

Все понимали трудность последнего шага и ждали, как развернутся события…

Вскоре телеграф принес весть:

«В Советском Союзе продолжаются исследования верхних слоев атмосферы и космического пространства с помощью геофизических ракет…

Пуск ракеты прошел удачно. Ракета достигла заданной высоты — 208 километров…

Состояние животных после приземления хорошее.

Собака Отважная совершила свое пятое космическое путешествие…»

Спокойные эти строки собрали ранним утром у дверей

института нетерпеливых репортеров. Как всегда, они спешили. А виновники торжества заставляли себя ждать: где-то в глубине дома их осматривали врачи.

Репортеры толпились у подъезда и подшучивали над опоздавшими.

Показался запыхавшийся, взъерошенный человек с магнитофоном через плечо.

— Они уже ушли? — спросил радиорепортер расстроенно.

— Разве они могут уйти, не повидавшись с тобой! — крикнул один шутник. — Скорей вынимай микрофон, передача начинается! Внимание, внимание! — Шутник заговорил голосом диктора. — Дорогие товарищи радиослушатели, мы находимся во дворе научного института. Сейчас я познакомлю вас со всемирно известным астронавтом и попрошу его сказать несколько слов в микрофон о своем самочувствии. Вы слышите хруст? Это знаменитый астронавт, кролик Звездочка. Он энергично поедает траву и капусту. А следовательно, здоровье его отличное!

Радиорепортер с удовольствием выслушал эту речь, рассмеялся вместе со всеми и крикнул:

— Что вы понимаете в хрусте кочерыжек? За свистом ветра я ездил на Тихий океан именно с микрофоном. Разве передаст силу ветра ваша беззвучная бумага?!

Это было действительно так. Вся страна слушала по радио, как бушуют штормы на Тихом океане, как работает в это время команда корабля. Грохот волн, вой ветра, уверенный стук судового двигателя и все настоящие звуки борьбы со стихией рождали в слушателях гордость за смелых моряков. Хорошо поработал тогда радиорепортер!

Вышла из подъезда аккуратная девушка во врачебном халате, и ее сразу же окружили журналисты. Валя стояла и улыбалась, радуясь такому вниманию, и утренней свежести жаркого дня, и тому, что она совсем недавно стала врачом.

— Где, где же герои? — спросили ее репортеры.

— Их еще осматривают, но скоро приведут. Что вам пока рассказать? О полете?

— Нет, сначала о себе. О том, как вы стали космическим медиком.

Валя вспыхнула: как они угадали, что теперь она будет тренировать собак-космонавтов?

— Очень просто, — сказала Валя. — Окончила школу, работала здесь лаборанткой. И еще училась в институте. А теперь стала врачом. Вот и все.

— А теперь о полете.

И Валя начала рассказ.

— День выдался очень хороший, ну, как сегодня. Отважная была спокойна и своим примером влияла на Малька, который еще не летал. О Звездочке говорить не приходится: посмотришь на него и ни за что не скажешь, что кролики — это трусы. И вот наступила готовность: час… тридцать минут… пятнадцать… старт! Полет проходил нормально. Мы переживали за спуск: на этот раз ракета была очень тяжелая. Но все получилось просто замечательно. Раскрылся большой парашют. Мы сели в вертолет и прибыли к месту приземления.

— Разрешите вопрос, — сказал один журналист. — Вес ракеты, в которой летали собаки и кролик, больше двух тонн. Почти столько же весит кабина нашего первого корабля-спутника. Как вы думаете, удача с Отважной имеет значение для посадки будущего космического корабля?

— Ну что ж, — Валя тряхнула головой, — я не инженер, но постараюсь ответить. Конечно, полет корабля вокруг Земли и вертикальный запуск ракеты — два разных дела. Корабль, например, перед посадкой несется во много раз быстрее звука, и его обшивка нагревается до двух или даже трех тысяч градусов. Но разве наши опыты не помогают придумывать очень сложную систему спасения корабля? Представьте себе силу, которая должна поднять в вышину грузовик, — такой тяжести наша ракета. Представьте себе парашют, который должен осторожно опустить этот грузовик на землю, ведь в нем три живых существа! Теперь представьте себе, что эти три существа — Отважная, Малек и Звездочка — не получили ни одной царапины, ни одного ушиба. Разве это не замечательно?

— Да, это замечательно, — согласился журналист, задавший вопрос. — Хоть вы не инженер, я все понял про инженерную точность. Спасибо!

— Вот они! — обрадованно произнес кто-то.

В открытых дверях стоял Елкин с двумя белыми собачками. За ним служитель нес клетку с кроликом.

И сразу же вокруг путешественников разгорелась веселая суматоха.

Фотографы усаживали астронавтов во всех сочетаниях, которые только возможны были с тремя действующими лицами. Трещал кинокамерой, мешая фотографам, оператор. Журналисты атаковали врача самыми неожиданными вопросами. Одному настойчивому молодому репортеру Василий Васильевич так и не смог ответить: что любит Отважная больше — бифштексы или халву?

Лишь человек с магнитофоном спокойно наблюдал всю эту кутерьму. А когда фотографы немного успокоились,

представитель радио подошел к собакам.

— Ну-ка, полай, голубушка! — поднеся к морде Отважной микрофон, сказал он так просто, что никто из товарищей не улыбнулся.

Отважная щурилась от солнечных лучей, высовывала от жары язык и серьезно смотрела на человека, не понимая, что он хочет.

А пес Малек вдруг сорвался с места, высоко подпрыгнул и со всей своей собачьей непосредственностью лизнул радиорепортера в нос.

— Ого! — воскликнул тот. — За это ты будешь лаять!

И Малек залаял от переполнявшей его радости.

Записав эти важные для передачи звуки, человек с магнитофоном пересек двор, устроился на траве и стал говорить в микрофон:

— Внимание, внимание! Мы находимся во дворе института, который посылал в космическое путешествие собак Отважную и Малька, а также кролика Звездочку. Вы слышите шум? Это журналисты берут у вернувшихся астронавтов, если можно так выразиться, интервью…

Что радиорепортер сообщал дальше, его товарищи так и не узнали: их отвлекло неожиданное происшествие.

Только сторож заметил, как между прутьями решетки проскользнули две гибкие фигуры, миновав таким остроумным способом калитку.

Сторож крался за мальчишками вдоль забора, потом между деревьями и только было собрался схватить их сзади, как ребята рванулись вперед и взволнованный голос оборвал все беседы.

— Тяпа! Тяпа! — кричал на бегу беловолосый мальчишка.

А навстречу ему неслась огромными прыжками Отважная, волоча по траве длинный ремешок. Она прыгнула мальчишке на грудь и облизала ему лицо.

Борька опустился на корточки, положил себе на колени голову Тяпы и, гладя ее мягкую шерсть, заглядывая в родные ласковые глаза, стал говорить каким-то странным, прерывающимся голосом, в котором одновременно звучали и горечь, и пережитое отчаяние, и радость.

— Тяпа, Тяпа, — говорил Борька, видя только ее. — Это я, ты меня помнишь? Ты меня узнала? Вышло так глупо. И я уже думал, что никогда, никогда не увижусь с тобой… Какая ты стала большая, сильная. Тебе хорошо, Тяпа? Ты не скучала?

Тяпа смотрела прямо в лицо своему прежнему хозяину, и хвост ее говорил, что она давно забыла обиду, что скучала и рада. Не просто рада, а счастлива!

Собака обернулась, взглянула на подошедшего Василия Васильевича, щурившего за очками глаза, и хвост ее завилял еще быстрее. Да, она счастлива видеть и слышать Борьку. И, кроме того, ей хорошо и с этим добрым человеком, и потому она счастлива вдвойне.

— Это твоя собака? — спросил удивленный Елкин. — Давай знакомиться!

Борька вскочил, просиял:

— Да, это моя Тяпа! Я ее очень искал. И вот… — Он не договорил, увидев множество любопытных лиц.

— Вот это встреча! — весело сказал кто-то из журналистов. — Так ты говоришь, мальчик, что Отважную звали Тяпой? Любопытно.

И на Борьку посыпались вопросы.

— Как ты ее потерял?

— Какие у нее были привычки?

— Скажи, а бифштексы она очень любила?

— Долго ты искал ее?..

И еще было столько спрошено, что пришлось Борьке рассказать о Тяпе все, что он знал.

О втором нарушителе все забыли. Только один журналист удостоил его своим вниманием:

— Я так и знал, что ты здесь!

— Папка! — обрадовался Гена. — Тяпа нашлась!

— Я все видел, — сказал Анатолий Евгеньевич.

А когда Борька кончил свой рассказ, самый опытный и уважаемый товарищами репортер Каратов подошел к нему:

— Я рад, Борис, за тебя. Я был очень огорчен, что тогда все так получилось.

— Конечно, — признался Борька, — мы были виноваты, я да Генка. Но, может быть… — тут его глаза стали хитрыми, — если бы Тяпа не пропала, она не стала бы Отважной? А теперь ее знает весь мир!

Борька помедлил, сам удивляясь своему открытию, и обратился к Василию Васильевичу:

— Вы разрешите, товарищ врач, иногда приходить сюда, навещать ее? Мы с Генкой не помешаем.

— Непременно, — разрешил Василий Васильевич, — непременно заходите.

— Борька, Борька! — толкал сзади приятеля Гена. — Как тебе хорошо! Тяпа у тебя нашлась, и она такой знаменитый космонавт.

Гена грустно посмотрел на отца: бывает же на свете такое неравномерное распределение счастья!

Но Борька не слышал: он прощался с Тяпой.

— Я приду, — сказал он ей на ухо. — Не скучай! Я приду!

Ключи от космоса

Прошло совсем немного времени, и взлетел над Землей второй космический корабль. В нем были пассажиры — Стрелка и Белка.

Ученые волновались: на телеэкранах — два неподвижных портрета. Живы ли космонавты?

Закружился корабль вокруг планеты, и портреты ожили — пассажиры зашевелились. Чуть вздернутая белая мордочка Стрелки кивнула: «Да, да, мы живы!» Кивнуло радостно ее темное ухо и темное пятно вокруг глаза. И Белка, пушистая светлая Белка, подняла со скрещенных лап голову: «Нет, мы не струсили! Не беспокойтесь».

Сначала они еле справлялись с непослушными, сильными лапами, сердились на их непонятное поведение и даже лаяли. Потом привыкли к необыкновенной легкости и, придя в хорошее настроение, потянулись к кормушке. Состоялся первый завтрак в космосе.

Кружился, кружился, кружился в космическом вальсе корабль. Двигались, двигались, двигались невесомые пассажиры. Смотрели, не отрываясь, живой репортаж ученые.

«Слушайте! Слушайте! Слушайте! — несло над планетой радио. — Белка и Стрелка, мыши и крысы, весь зоопарк жив и здоров!»

А корабль уже шел по сигналу с Земли на посадку. Развернулся белый купол парашюта и опустил космонавтов посреди поля. Люди бросили свои дела, побежали к чудесному гостю.

«Как это так? — радовались колхозники. — Мы работаем, трактор пашет, а тут — ракета, а тут — космонавты. Вот спасибо! Вот так счастье прямо с неба! Первые видим такое дело! Повезло нам!»

Прилетели на вертолете ученые. Они выпустили Стрелку и Белку из кабины, стали поздравлять друг друга и обниматься. Что могло быть лучшей для них наградой, чем Белка и Стрелка — первые приземлившиеся астронавты!

— А ведь это они принесли нам ключи от космоса! — сказал один ученый, посмотрев на резвившихся собак. — Теперь может лететь и человек… — Потом он взглянул на поле, где лежал белый парашют, и сказал еще: — В Ленинграде есть памятник собаке, в Париже — памятник лягушке. Академик Иван Петрович Павлов и французский физиолог Клод Бернар считали, что заслуги этих животных перед наукой велики, потому и

увековечили их. Когда-нибудь здесь, на этом вот поле, воздвигнут памятник в честь первых удачливых астронавтов — Стрелки и Белки. А где-то будет стоять еще один памятник — Лайке.

Люди, которые узнали потом о словах ученого, согласились с ним. Они успели полюбить веселых четвероногих космонавтов. А самое главное было в том, что все люди называли это событие подвигом. Подвигом изобретателей, ученых, инженеров, техников, рабочих и врачей нашей страны.

Есть в городе маленький сквер, который отличает от всех прочих скромный памятник, окруженный цветами. На высоком сером постаменте стоит бюст Циолковского. Сделан он из розового гранита, и потому даже в сумеречные дни лицо ученого кажется освещенным солнцем.

Сюда часто приходят двое приятелей — Борька и Гена. Они всегда что-то обсуждают и отчаянно спорят. И как им не спорить, когда даже для науки не все в космосе ясно и понятно!

Около спорщиков, на этой же скамейке или на другой, обычно сидит большеглазая девочка. Если обсуждение деловое и мирное, она не обращает на мальчишек внимания, смотрит в небо, болтает ногами и вслух бормочет свои мысли:

Почему на ракетах звезды?
Я смотрю: на пилотках звезды,
И на флагах алые звезды,
И на небе горит звезда!..

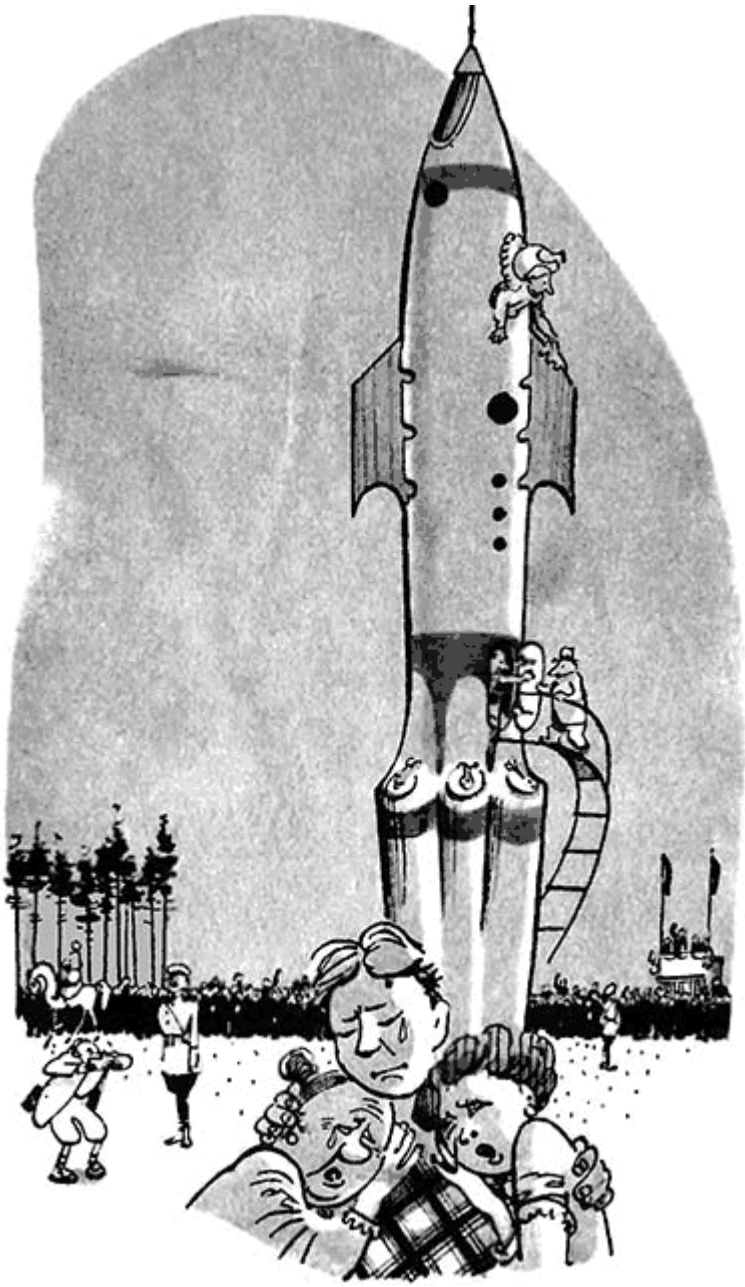
Любка… Хоть и сидит она притихшая и бормочет про себя, да эта тишина обманчива. Обратите внимание, какие хитрющие у нее глаза. Догадываетесь? Что-то Любка замышляет. Может быть, новые поиски четвероногих бродяжек, или постройку качелей во дворе, чтоб тренироваться для полетов, или игру в землян и марсиан. Кто ее знает, эту девчонку-фантазерку!..

Самый укромный уголок в этом сквере выбирает художник. В последнее время он чувствует себя лучше и предпочитает работать на свежем воздухе. Когда все идет хорошо и рисунок удается, художник улыбается, и еще быстрее скользит по листу его добрый карандаш.

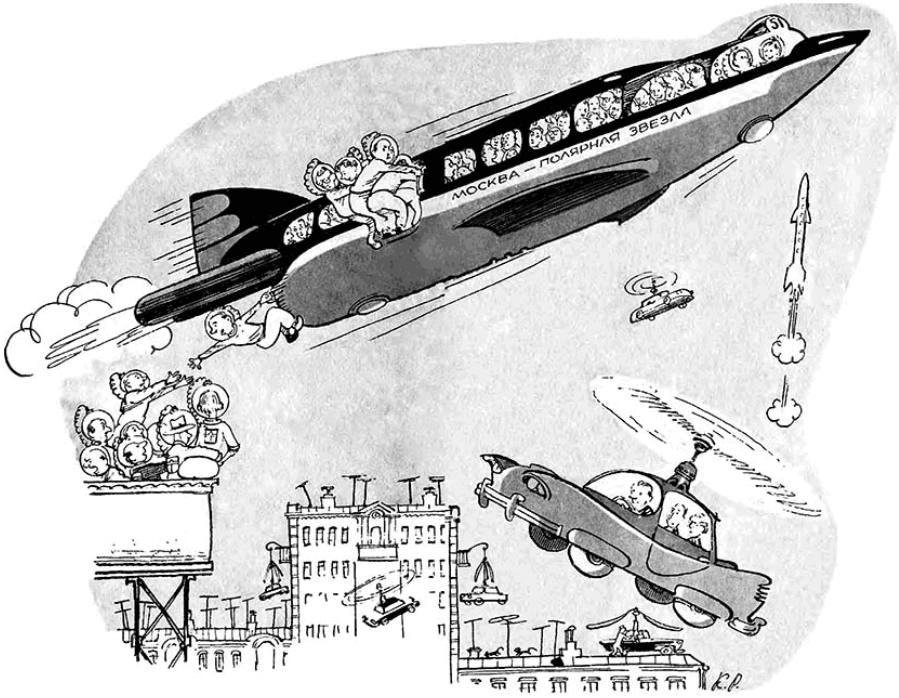
Подойдем к нему тихо, чтобы не помешать.

Ого! На рисунках наши герои! Только они совсем уже взрослые. В далекий рейс во Вселенную отправляется космонавт Борис Смелов. Торжественный момент! Гремит оркестр. Оратор держит речь. Толпа провожающих (среди них, конечно, одноклассники двух приятелей) машет шляпами. Суетятся с камерами фотокорреспонденты. Но постаревшая мать Бори и расстроенная Любка не могут сдержать слез… А где же Гена Каратов? Вот он — выглядывает из иллюминатора. Нетерпеливый ученый уже надел скафандр.

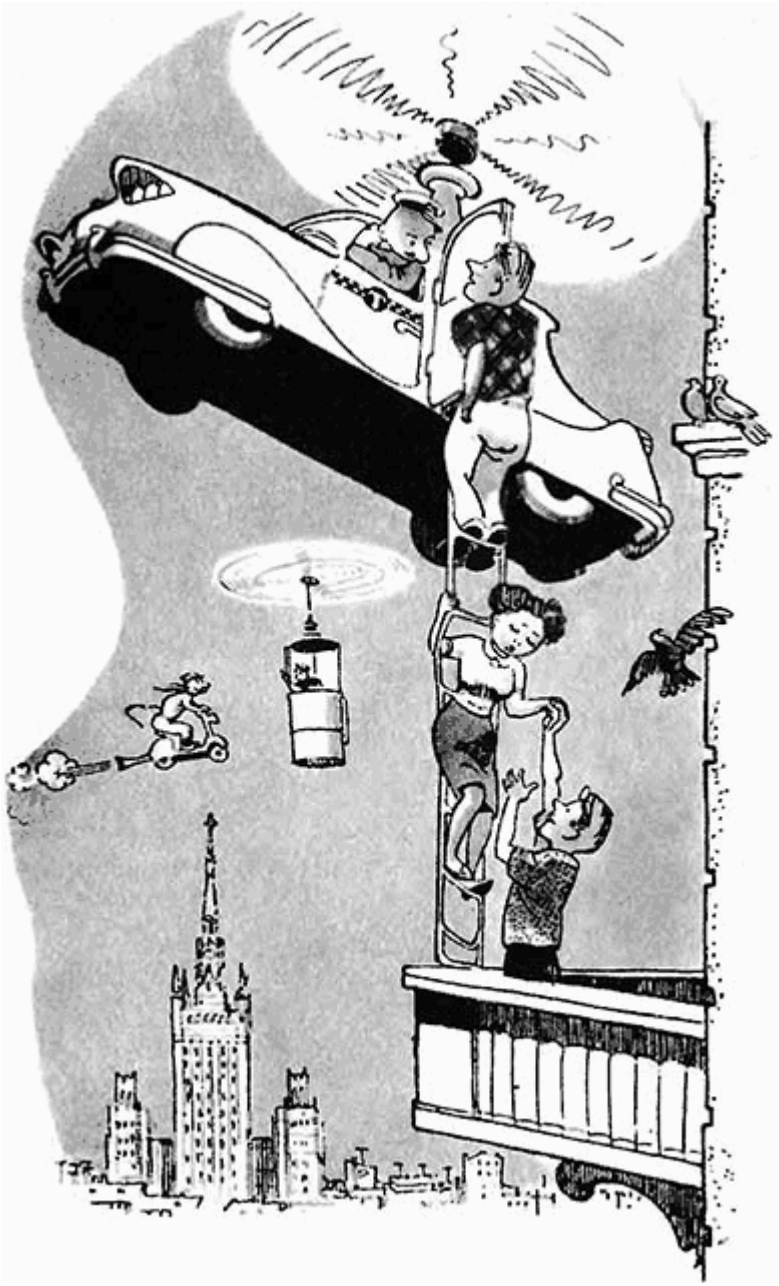
— Что там разводить сентименты! — возмущается Гена Каратов. — Какие могут быть слезы? Эх, скорее бы старт!



В разгар космического века техника будет на высоте, и по воскресеньям можно будет совершать загородные прогулки на Полярную звезду…



Наши путешественники — земляне. Поэтому после космических странствий они обязательно возвращаются домой…



Продолжения мы не видим: художник закрывает альбом. Ему надо раскрасить рисунки дома, а потом он сделает приятный подарок своим маленьким смешливым друзьям.

Если же вам, читатель, придется проходить мимо усаженного деревьями двора со старинным особняком в глубине, вы можете увидеть наших четвероногих героев. Среди гуляющих во дворе собак легко узнать игривую Козявку, неразлучных Белку и

Стрелку, ленивую, зевающую Пальму. А кто эти задиристые и неуклюжие шалуны, которые налетают все вместе на какого-нибудь зеваку и, получив отпор, бегут искать защиты у темноухой Стрелки? Шесть веселых здоровых щенят — Стрелкины дети. Их любят показывать в институте посетителям. «Они родились после того, как их мать вернулась из космоса, — говорят врачи. — Смотрите, какие озорники, какие богатыри!»

И, конечно, в этом дворе ваше внимание обратит на себя спокойная белая собака, которая умеет вовремя остановить шалунов и следит за всеобщим порядком — Отважная. Не думайте, что она важничает. Просто Отважная возмужала, выросла, в ней окрепла особая, рабочая гордость.

Но стоит появиться у решетки Борьке, куда только девается солидная неторопливость космонавта! Отважная мчится со всех ног и сразу становится ласковой, счастливой Тяпой.

— Ну, как? — спрашивает потом Борис у сторожа. — Скоро полетит моя Отважная?

— Ишь ты, какой пострел, все хочет он знать! — удивляется всякий раз сторож и переходит на приятельский тон. — Скоро! Слышал я, что готовится, тренируется, значит. А точно все равно сказать не могу. Вот включишь однажды радио, тогда и узнаешь.

Оглавление

Происшествия на премьере… 3
Взрыв на пустыре… 8
Не вернулась… 11
На собачьей выставке… 19
Кусачка… 28
Космический врач… 32
Не бояться, ничего не бояться!.. 35
Итак, мы начинаем… 41
Новые неприятности… 45
Самочувствие? Хорошее!.. 53
Неудачная поездка… 59
Здесь жила Лайка… 66
Добрый карандаш… 74
Хлорелла… 82
Пушка или ракета?… 86
Три… две… старт!.. 97
Причуды славы… 108
Она или не она?… 115
Полет на Луну и вокруг нее… 124
Говорит спутник… 129
Борька дает интервью… 139
Ключи от космоса… 148

К читателям

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.